

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ЦЕНТР**

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 3 (13) 2016

**МОСКВА
ИМИ МГИМО МИД РОССИИ
2016**

ББК 63.3(70)
И 14

Главный редактор
А.А. Орлов

Зам. гл. редактора *М.В. Ларионова*

Редакционный совет
*Н. Е. Аникеева, Е. М. Астахов, Е. Р. Воронин,
А. Л. Зенькович, В. А. Иовенко, И.В. Попов, Г. С. Романова, С. М. Хенкин*

Председатель Научно-экспертного совета
А. В. Шестопап

Научно-экспертный совет
*А. Баамонде Магро (Университет Карлос III, Мадрид, Испания),
Р. Гусман Тирадо (Университет Гранады, Испания), В. М. Давыдов, А.Л. Дуффе Монтальбан
(Университет Ренн II, Франция), Е. М. Кожокин, А. И. Кузнецов, А. В. Мальгин,
Р. дель Мораль (Университет Вирджинии, США), Л. С. Окунева (зам. председателя),
А. И. Подберезкин, А. Санчес-Андрес (Университет Валенсии, Испания),
Н. А. Симония, А. В. Щетинин*

Ответственный редактор выпуска
М. В. Ларионова

Ибероамериканские тетради. Вып. 3 (13) / Гл. редактор *А.А. Орлов*, отв. редактор выпуска *М. В. Ларионова*. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. – 90 с.

ISSN 2409-3416

В журнале представлены статьи и исследования, посвященные актуальным проблемам истории и современности Ибероамерики, включая анализ исторического опыта и новейших тенденций политического, экономического и социального развития региона, вопросы языкознания, культуры и литературы Испании и стран Латинской Америки.

Настоящее издание является частью комплексной программы научной деятельности МГИМО МИД России и осуществляется при финансовой поддержке банка «Сантандер Консьюмер Банк».

Издание адресовано как экспертам-международникам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современными проблемами Ибероамерики.

*Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционного совета.
Материалы публикуются в авторской редакции.*

Издание зарегистрировано в каталоге Агентства «Роспечать»,
<http://www.rosp.ru/>.
Подписной индекс: 80603

ISSN 2409-3416

ББК 63.3(70)
И 14

© ИМИ МГИМО МИД РОССИИ, 2016

Editor-in-Chief

A. Orlov

Deputy Editor-in-Chief

M. Larionova

Editorial council

*N. Anikeeva, Eu. Astakhov, V. Iovenko, S. Khenkin, I. Popov, G. Romanova,
E. Voronin, A. Zenkovich*

President of Scientific and Expert council

A. Shestopal

Scientific and expert council

*Á. Bahamonde Magro (Universidad Carlos III, Madrid, España), V. Davidov, A. L. Duffé Montalván
(Université Rennes 2, Francia), R. Guzmán Tirado (Universidad de Granada, España), E. Kozhokin,
A. Kuznetsov, A. Malguin, R. del Moral (Universidad de Virginia, EE UU), L. Okuneva (vice president),
A. Podberezkin, A. Sanchez-Andrés (Universidad de Valencia, España),
N. Simonia, A. Shetinin*

Executive editor

M. Larionova

Cuadernos Iberoamericanos. Issue 3 (13) / Editor-in-Chief *A. Orlov*, executive editor of the issue
M. Larionova. — M.: Institute of International Investigations, MGIMO University, 2016. — 90 p.

ISSN 2409-3416

The issue of «Ibero-American notebooks» includes articles and investigations devoted to actual problems of history and modernity of Ibero-American region, in particular: analysis of the historic experience and the latest trends in the political, economic and social development of the region, the sociolinguistic situation in the Ibero-American countries, the issues of Spanish language, culture and literature of Spain and Latin America.

This edition is a component of the complex program of the MGIMO—University research activities and is carried out with financial support of Santander Consumer Bank.

Present edition is addressed both to experts in international affairs and broad audience of readers interested in contemporary problems of Iberoamerica.

*Opinions of the authors may not coincide with the opinion of the Editorial Board.
Materials are published in author's edition.*

The issue is registered in «Rospechat» Agency catalog: <http://www.rosp.ru/>.
Subscription index: 80603

ISSN 2409-3416

ББК 63.3(70)
И 14

© ИМИ МГИМО МИД РОССИИ, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I.

Ибероамерика в международном контексте:
парадигмы истории и модернизации 6

Орлов А. А.

Страницы истории советско-испанских отношений:
старт после паузы (воспоминания дипломата) 7

Чернявский С. И.

У истоков российско-португальских отношений.....15

Sanchez-Andrés, Antonio

La política energética en España: el caso del sector de la electricidad 27

Torrejón-Velardiez, Miguel

La política de I+D+i y el cambio del modelo productivo
en España durante la crisis..... 34

Ulugova Khilola

Reinicio de las relaciones Cuba-EEUU: ¿un “nuevo capítulo”
en las relaciones de EEUU con América Latina? 39

Akhmed Abu Bakr, Farid

Instrumentos institucionales de política fiscal anticíclica de Chile.....47

Раздел II.

Ибероамериканский мир в пространстве и времени:
актуальные вопросы языка и культуры 56

Астахова Е. В.

Комплимент пиропо в испанском пространстве.57

Duffé Montalván, Aura Luz; María del Carmen, Suñén Bernal

Acercamiento cultural y estrategias didácticas: el caso de la literatura chicana67

Королева А. А.

Туристический имидж Испании.....76

Михеева Н. А.

Семантические особенности глаголов в синтаксических конструкциях,
используемых для описания эмоционального состояния в испанском языке.....79

Сведения об авторах..... 89

CONTENTS

Section I.

Ibero-America in the international context: paradigm of history and modernization	6
--	---

Orlov Alexandr

Pages of history of the Soviet-Spanish relations: start after a pause (memoirs of the diplomat)	7
--	---

Cherniavsky Stanislav

The sources of the Russian-Portuguese relations	15
---	----

Sanchez-Andrés, Antonio

The energy policy in Spain: the case of the sector of the electricity	27
---	----

Torrejón-Velardiez, Miguel

R&D policies and change of the productive model in Spain during the crisis	34
--	----

Ulugova Khilola

Restarting Cuba -US relations: a “new chapter” in US relations with Latin America	39
--	----

Akhmed Abu Bakr, Farid

Institutional instruments of anticyclical fiscal policy of Chile.....	47
---	----

Section II.

Ibero-American world in space and time: current issues of language and culture	56
---	----

Astakhova Elena

Compliment piropo in Spanish space.....	57
---	----

Duffé Montalván, Aura Luz; María del Carmen, Suñén Bernal

Cultural approximation and didactic strategies: the case of the Chicano literature	67
---	----

Koroleva Alina

Tourist image of Spain.....	76
-----------------------------	----

Mikheeva Natalia

Semantic peculiarities of the verbs in the syntactic constructions used to describe emotional states in Spanish	79
--	----

About the authors	89
--------------------------------	----

Раздел 1.

Иberoамерика в международном контексте: парадигма истории и модернизации

Орлов А.А.

МГИМО МИД России,
директор Института международных исследований,
профессор Кафедры дипломатии

**Страницы истории советско-испанских отношений:
старт после паузы
(воспоминания дипломата)**

Аннотация: *В статье, написанной в жанре научно-мемуарной литературы, рассказывается об установлении дипломатических отношений между СССР и Испанией в феврале 1977 года и о некоторых примечательных эпизодах во взаимоотношениях двух государств в последующий период.*

Ключевые слова: *СССР, Испания, гражданская война, франкизм, демократический транзит, посол, обмен нотами, «испанское золото», терроризм, холодная война.*

Alexander A. Orlov
(University MGIMO, Moscow, Russia)
Director of the Institute for International Studies,
Professor of the Department of Diplomacy)

**Pages of history of the Soviet-Spanish relations:
start after a pause
(memoirs of the diplomat)**

Abstract: *In the article written in a genre of scientific and memoirs literature it is told about establishment of diplomatic relations between the USSR and Spain in February, 1977 and about some remarkable episodes in relationship of two states during the subsequent period.*

Keywords: *USSR, Spain, civil war, democratic transit, ambassador, exchange of notes, «the Spanish gold», terrorism, Cold War.*

Alexander A. Orlov
(Universidad MGIMO, Moscú, Rusia)
Director del Instituto de Estudios Internacionales,
Profesor de la Cátedra de la Diplomacia)

**Algunas páginas de la historia de las relaciones soviético-españolas:
reinicio después de una pausa (memorias de un diplomático)**

Resumen: *En el artículo escrito al género de memorias científicas, el autor comparte sus recuerdos del proceso del establecimiento de las relaciones diplomáticas entre la URSS y España a finales de los 70 del siglo pasado, en el que él participó directamente, así como describe algunos episodios remarcables en las relaciones entre los dos Estados en el período ulterior.*

Palabras clave: *relaciones diplomáticas soviético-españolas, franquismo, tránsito democrático, URSS, España, “oro de Moscú”, terrorismo, guerra fría.*

Несмотря на географическую удаленность России и Испании, которая до появления современных средств транспорта требовала от путешественника солидного упорства, а также времени и даже здоровья, чтобы ради достижения вожаемой цели — ступить на землю солнечной, загадочной Испании или холодной, таинственной России — пересечь всю Европу в тряской карете или обогнуть Старый Свет на борту корабля, обрекая себя на морскую болезнь, штормы и штили, оба наших государства традиционно были безразличны друг другу, поддерживая на протяжении десятилетий и даже веков вполне корректные взаимоотношения.

Обычно своеобразным движителем сближения двух стран и народов выступает торговля. В случае России и Испании — это, безусловно, культура. Произведения испанских классиков — прежде всего Сервантеса и Лопе де Вега — оказались в силу наличия тонких, зачастую неведомых душевных струн близки жителям многонациональной России, а шедевры Льва Толстого, Достоевского, Тургенева нашли свои потаенные подходы к темпераментной испанской натуре.

Но особенно сблизил наши народы трагические события гражданской войны в Испании, оставившие свой неизгладимый след в жизни и душевном состоянии, по крайней мере, двух поколений советских людей, на которых они неизменно навевали чувства патриотизма, солидарности и романтики, рожденные совместной борьбой с только поднимавшим голову фашизмом.

В Испании схожие чувства, правда, испытывали только те, кто воевал на стороне республиканцев или их родные и близкие. Сторонниками же франкистского лагеря двигали прямо противоположные настроения, в чем мне пришлось неоднократно убедиться позже, когда в Испании начался «демократический транзит», который не все испанцы восприняли одинаково: кто-то активно поддержал, и таких было большинство, кто-то, наоборот, отверг, но таких было меньшинство, а кто-то просто затаился, ожидая, чем все это закончится. И таких было немало.

В Советском Союзе к «демократическому транзиту» поначалу отнеслись весьма настороженно, без излишних надежд на то, что он приведет к реальным переменам. Казалось, что в «забетонированной» генералиссимусом Франко Испании в лучшем случае возможно только подкрашивание старого, обветшалого политического фасада. Вступивший на престол в ноябре 1975 года в возрасте 37 лет Хуан Карлос I воспринимался как «темная лошадка», подготовленная диктатором себе на замену, своего рода марионетка в руках гораздо более маститых, прошедших через войну и дворцовые интриги последующих лет придворных Франко. А фигура «серого» во всех отношениях — и политически и внешне — последнего франкистского¹ и одновременно первого постфранкистского премьера Карлоса Ариаса Наварро (Carlos Arias Navarro), прославившегося в годы гражданской войны массовыми кровавыми репрессиями против республиканцев в занятой мятежниками Малаге, но затем, с годами, «эволюционировавшего» в сторонника «умеренных реформ», особых симпатий в Москве, естественно, не вызывала.

Однако первоначальный пессимизм Кремля постепенно стал сменяться «осторожным оптимизмом». Особенно это стало заметно, когда в июле 1976 года Ариаса Наварро в премьерском кресле сменил молодой и харизматичный Адольфо Суарес Гонсалес (Adolfo Suárez González). И хотя он тоже вышел из франкистского истеблишмента, занимая при каудильо важный пост директора Испанского радиовещания и телевидения, то есть фактически — идеологического рупора режима, а в последнем правительстве Ариаса Наварро — еще более важный пост министра — генерального секретаря единственной легальной партии «Национальное движение», являвшейся институциональной опорой франкизма, своими мыслями он был обращен в будущее. Именно Адольфо Суарес инициировал «демократический транзит» — плавный переход от франкистской диктатуры к демократической модели государственного устройства Испании.

И все же в начале премьерской карьеры Суареса надежда на то, что переход станет плавным и относительно безболезненным, была весьма призрачной. Всемогущий франкистский «бункер», основу которого составляли преданные генералиссимусу военные, казался прочным и почти что всемогущим. Тем не менее Суаресу, который опирался на поддержку Хуана Карлоса I, удалось консолидировать вокруг своего нового курса весьма разношерстную коалицию политических сил, само формирование которой за пару лет до этого казалось абсолютно немыслимым делом. Хотя название «коалиция» кому-то может показаться спорным, поскольку формально никакой коалиции, конечно, не было, однако фактически она сложилась — коалиция в поддержку демократических реформ. В нее вошли реалистично мыслящие деятели из окружения Франко, ко-

¹ К. Ариас Наварро вступил в должность в начале 1974 года после убийства террористами ЭТА его предшественника адмирала Карреро Бланко (Luis Carrero Blanco) в декабре 1973 года.

торых тогда называли «эволюционистами» либо «цивилизованными правыми»; более молодые функционеры прежнего режима, стремившиеся сохранить и упрочить свои позиции в новой Испании; умеренные представители католических кругов, традиционно являвшихся опорой прежнего режима; настроенные на перемены военные; бывшие политические противники каудильо из числа тех сил, которые противостояли франкистам во время гражданской войны, а в годы диктатуры составлявшие нелегальную оппозицию — прежде всего социалисты (ИСРП) и коммунисты (КПИ), включая представителей ориентировавшихся на них также нелегальных профсоюзов — Всеобщего союза трудящихся и Рабочих комиссий; умеренные националисты из Каталонии и Страны Басков; различные интеллектуалы, которые, будучи независимыми мыслителями, в последние годы франкизма во многом определяли направление мысли и настроений либеральной части правящего класса Испании, подталкивая его к необходимости перемен; молодежные и студенческие группы и организации, являвшиеся носителями идей свободы и демократии.

Однако в нашем повествовании мы забежали немного вперед. Для того, чтобы в Испании сформировалась широкая коалиция в поддержку демократии, Суаресу нужно было сделать ряд осязаемых шагов, способных убедить испанское общество, что его политические намерения — не просто красивые слова, своего рода «дымовая завеса», а реальная программа кардинальных преобразований. Надо сказать, что молодой премьер решил не тянуть с этим, и уже в сентябре 1976 года был опубликован проект закона о политической реформе, в соответствии с которым предполагалось заменить франкистские кортесы двухпалатным парламентом, избираемым на основе всеобщего, прямого и тайного голосования. При этом само историческое название этого института — кортесы — решено было сохранить. В декабре того же года указанный законопроект был вынесен на общенациональный референдум. В его поддержку высказалось 94,2 % из числа принявших в плебисците участие испанцев. Была проведена амнистия, в результате которой на свободу вышло большинство политзаключенных, фактически легально стали действовать политические партии. Так, в декабре 1976 года в Мадриде состоялся XXVII съезд формально еще запрещенной Испанской социалистической рабочей партии, на котором присутствовали видные фигуры мировой социал-демократии — Вилли Брандт, Франсуа Миттеран, Улоф Пальме и ряд других.

Тем не менее было бы ошибкой утверждать, что процесс избавления Испании от наследия франкизма протекал гладко и беспроблемно, не сталкивался с подводными камнями, само наличие которых объяснялось как чисто инерционными факторами, так и действиями скрытых и явных противников реформ. В декабре 1976 года произошло событие, во многом неожиданное, но по-своему знаковое, от которого сразу повеяло франкистским прошлым: в Мадриде был арестован Генеральный секретарь Компартии Испании (КПИ) Сантьяго Каррильо (Santiago Carrillo Solares). Лидер испанских коммунистов прибыл на свою родину тайно, из Франции, где многие годы проживал в вынужденной эмиграции. Все тогда думали, что его нахождение в Испании было для властей «секретом Полишинеля». Считалось, что вопрос состоял только в том, когда и в какой форме будет формализована легализация оппозиционных партий, включая КПИ. Задержание Каррильо, который ходил для маскировки в парике, ставшим впоследствии неизменным атрибутом многочисленных историй и баек об этом политике, а также еще семи руководителей компартии, потребовало реакции со стороны Кремля, несмотря на то, что к тому времени отношения КПСС с «еврокоммунистическим» ядром КПИ сильно испортились и были весьма натянутыми. Трудно было навскидку понять, что стоит за арестом генсека испанской компартии — поворот в курсе правительства Суареса или некий казус, связанный с самостоятельностью ретивых правоохранителей, ностальгирующих по франкизму. Каррильо и его соратники пробыли в заключении в печально знаменитой мадридской тюрьме Карабанчель восемь дней, после чего были отпущены на «временную свободу» под залог в полтора миллиона песет. По оценкам, которые преобладают в современной политической литературе, Каррильо во многом сам спровоцировал свое задержание, чтобы побудить власти форсировать легализацию КПИ. Это — вполне правдоподобно, поскольку уже в начале марта 1977 года, то есть через два «с хвостиком» месяца после его вызволения из тюрьмы, в Мадриде в присутствии лидеров компартий Франции и Италии Жоржа Марше и Энрике Берлингуэра Каррильо официально презентовал «еврокоммунистическое» движение, а 9 апреля Компартия Испании получила легальный статус. Но в декабре 1976 года подобное развитие событий было не столь очевидно. Тем более что вскоре после освобождения Каррильо Испанию потрясло совершенное правыми экстремистами дерзкое, демонстративное преступление — убийство в самом центре Мадрида,

на улице Аточа, четырех связанных с компартией адвокатов. Так что в самом начале постфранкизма все могло случиться, и жизнь генсека КПИ вовсе не была застрахована.

Мне приходилось тогда слышать от старших товарищей по работе, что инцидент с Каррильо задержал нормализацию советско-испанских отношений на полтора-два месяца, а освобождение генсека стало сигналом к тому, что процесс может быть продолжен. Сегодня трудно с полной достоверностью сказать, так это или нет. Ю. В. Дубинин, который в тот период являлся заведующим Первым Европейским отделом МИД СССР, в своей статье «Становление современных российско-испанских отношений», опубликованной в журнале «Международная жизнь», пишет, что «в январе 1977 года испанское правительство предложило СССР провести переговоры об установлении дипломатических отношений. Москва дала положительный ответ. ... Переговоры состоялись 26 и 27 января (1977 года – А. О.) и прошли конструктивно» [1]. В пользу версии о том, что какие-то дипломатические контакты все же предшествовали этому, говорит то, что чисто бюрократически согласовать столь быстро (получается, за две – максимум три недели) и, по сути, «с нуля» сроки и повестку дня переговоров при отсутствии дипотношений очень сложно. Однако, пусть это останется маленькой тайной «мадридского двора» и «Смоленской-Сенной».

Для проведения переговоров в Москву прибыл Генеральный директор Департамента Европы и атлантических дел (*Dirección General de Política Exterior para Europa y Asuntos Atlánticos*) МИД Испании Антонио Элиас Мартинена (*Antonio Elías Martinena*). С советской стороны переговоры было поручено вести Ю. В. Дубинину. Для меня эта испанская эпопея была настоящим праздником – за полгода до этого я закончил МГИМО. Сейчас в российском МИДе Испанией занимается довольно много сотрудников, а тогда эта «Страна за Пиренеями» была настоящей экзотикой. Менее чем за три года до описываемых событий, в апреле 1974 года, в Португалии произошла «революция гвоздик», покончившая с многолетним диктаторским режимом Салазара – Каэтано. Были нормализованы двусторонние советско-португальские отношения. Это потребовало создания отдельного Сектора Испании и Португалии в Первом Европейском отделе. Но на момент начала «испанской истории» трудилось в нем, если мне не изменяет память, всего 4 или 5 человек, причем, что естественно, с «португальским уклоном». Работы же на испанском направлении было – непочатый край, поскольку задача состояла в том, чтобы подготовить основу для воссоздания отношений с крупным европейским государством, с которым прежде нашу страну связывали прочные политические, военные, экономические и чисто человеческие связи, в которых затем образовался почти сорокалетний перерыв.

Не правильно было бы утверждать, что в конце 1976 – начале 1977 годов Москва и Мадрид начинали новый этап в своей истории полностью с «чистого листа». К этому времени между ними уже получили определенное развитие торгово-экономические и культурные контакты. Были и спорадические встречи на дипломатическом и даже политическом уровнях. Необходимо упомянуть о первом «зондаже» намерений сторон в ходе неформальной беседы в 1960 году между советским и испанским послами в Париже, С. А. Виноградовым и графом де Каса Рохас (*José Rojas y Moreno, Conde de Casa Rojas*). В 1969 году «техническую остановку» в Москве осуществил министр иностранных дел Испании Грегорио Лопес Браво (*Gregorio Lopez Bravo*)². В период выработки Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе состоялись две встречи между министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и его испанским коллегой Лауреано Лопесом Родо (*Laureano Lopez Rodo*) – в июле 1973 года в Хельсинки и в сентябре того же года в Нью-Йорке на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Начало 1960-х годов отмечено первыми торговыми сделками. В частности, в Бильбао была доставлена партия советских тракторов в количестве 150 машин, а в Одессу – несколько тонн испанского волокна. В 1964 году Советский Союз впервые был представлен на международной выставке в Барселоне. В 1967 году в Париже состоялся обмен письмами между Министерством морского флота СССР и Министерством морского торгового флота Испании о доступе советских судов в порты Испании и испанских судов в порты СССР, что позволило через три года открыть представительство Черноморского морского пароходства в испанской столице. Следующим шагом явилось создание в 1971 году смешанной советско-испанской компании «Совис-

² Активность Лопеса Браво на посту главы мадридской дипломатии испанская и иностранная пресса связывала с желанием Испании «изменить курс» и называла «испанской дипломатической бомбой». Его «техническая остановка» в Москве – столице «коммунистического социализма» и поездка в Брюссель – столицу «объединенной Европы», на закрытие выставки «Испанский портрет», заставили понять, что «в испанской внешней политике происходит что-то новое» [2, с. 234].

пан», сыгравшей в свое время существенную роль в развитии торгово-экономических связей между двумя странами, прежде всего в рыболовной сфере. На этом стороны не остановились, и в 1972 году было подписано межправительственное торговое соглашение, на основе которого в Москве и Мадриде были открыты торговые представительства двух стран, которые с 1974 года, наряду с торговыми, стали официально выполнять и консульские функции. А неофициально, по умолчанию, — и дипломатические. На момент описываемых событий торговым представителем Испании в СССР был кадровый дипломат, посол Рафаэль Феррер Сагрерас (Rafael Ferrer Sagreras). А вот представитель МИД СССР С. А. Богомолов не являлся главой советского торгпредства в Мадриде. Он трудился в испанской столице в должности заместителя руководителя нашей торговой миссии.

Но вернемся к визиту в Москву испанской делегации во главе с Антонио Элиасом, в ходе которого был согласован текст сообщения о нормализации советско-испанских отношений. В этом документе сказано об установлении, а не о восстановлении дипломатических отношений между СССР и Испанией. Мне позже многократно задавали вопрос об этом, причем всякий раз пытались доказать, что это, видимо, ошибка, допущенная переговорщиками по недоразумению. Ошибки здесь никакой нет. Логика позиции советской стороны — а именно мы настояли на слове «установление» — заключалась в том, что Советский Союз полностью нормализует отношения с новой, демократической Испанией, отмечая тем самым всякое франкистское наследие. Ю. В. Дубинин, помнится, твердо стоял на этой позиции — а он умел жестко и последовательно проводить нашу линию, в том числе и по другим вопросам. Вся его богатая дипломатическая карьера это убедительно подтвердила. В конце концов испанцы согласились с нашими доводами.

Антонио Элиас запомнился как весьма умелый, тонкий дипломат. Мне трудно судить, каких политических взглядов он придерживался, поскольку и в ходе переговоров, и в дипломатическом общении он был выдержан и предельно корректен. Чем, как казалось, завоевал симпатию у Ю. В. Дубинина. Это — не праздное замечание, поскольку на заре демократии в Испании некоторые испанские собеседники особо не скрывали или скрывали, но плохо, что, мягко выражаясь, не слишком симпатизируют нашей стране. К этой категории, как мне показалось, относился и испанский торгпред в Москве Рафаэль Феррер. Во всяком случае среди сотрудников Сектора Испании и Португалии существовало твердое убеждение, что этот высокий, сухопарый, с выраженными элементами надменности в поведении дипломат, большая часть сознательной жизни которого была связана с франкизмом, едва ли был носителем иных воззрений. Феррер не отпускал Элиаса от себя ни на шаг. Со стороны казалось, что в стане испанцев существовало скрытое соперничество за позиции «первого лица» на переговорах. А, возможно, Феррер просто видел в Элиасе своего конкурента. Он откровенно позиционировал себя как будущего испанского посла в Москве и, судя по всему, связывал с этим предполагаемым назначением виды на дальнейшее быстрое продвижение по карьерной лестнице. Его планам, как известно, не суждено было реализоваться. Первым послом демократической Испании в Советском Союзе станет Хуан Антонио Самаранч (Juan Antonio Samaranch y Torelló), чей политический вес, конечно, был несопоставим с возможностями Феррера. Хотя, вполне вероятно, назначение Феррера на пост посла в Москве кто-то в Мадриде действительно активно лоббировал, и даже, может быть, существовали какие-то конкретные договоренности на сей счет.

Кандидатура Самаранча появилась, как я помню, совершенно неожиданно. Сектору было дано срочное задание узнать побольше о нем. Выяснилось, что он в молодости состоял в фаланге, в течение 10 лет был членом франкистских кортесов (*procurador* — так Франко решил называть депутатов своего парламента, по некоторой аналогии с членами старинных кортесов Кастилии, чтобы избежать любой либеральной ассоциации), в 1970-е годы председательствовал в Провинциальном совете Барселоны. В общем, на первый взгляд, ничего хорошего от предложенной испанцами кандидатуры своего первого — после долгого перерыва в отношениях — посла в СССР ожидать не следовало. На то обстоятельство, что Самаранч с 1974 года был вице-президентом Международного Олимпийского комитета (МОК), никто даже не обратил внимания. А напрасно! О Хуане Антонио Самаранче можно рассказывать много. Благодаря своей бурной энергии, неистовой активности, прочным позициям в политическом и экономическом истеблишменте Испании, личному обаянию, этот человек очень быстро сумел создать для себя в Москве прочные позиции «нашего испанского друга», обзавестись широким кругом знакомств в самых различных сферах, в том числе и на высшем политическом уровне, что позволило ему получить поддержку Национального Олимпийского Комитета СССР и НОКов социалистических стран

при выборах Президента Международного Олимпийского комитета в 1980 году, состоявшихся в ходе Московской Олимпиады. И главное: по-моему, он относился к Советскому Союзу, нашей стране с искренней симпатией и глубоким уважением. При его непосредственном участии советско-испанские отношения получают хороший стартовый импульс. Но это будет позже³.

Дипломатические отношения между Советским Союзом и Испанией были установлены 9 февраля 1977 года. Этот акт был оформлен путем обмена нотами между членом Политбюро ЦК КПСС, Министром иностранных дел СССР А. А. Громыко и Министром иностранных дел Испании Марселино Ореха Агирре (Marcelino Oreja Aguirre). В совместном сообщении об этом говорилось, что СССР и Испания будут развивать отношения между собой на основе принципов мирного сосуществования, в соответствии с Уставом ООН и в духе договоренностей, достигнутых на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе. Одновременно была выражена обоюдная уверенность в том, что установление дипломатических отношений между СССР и Испанией будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества в политической, торгово-экономической, культурной и других областях на благо советского и испанского народов, в интересах укрепления мира и безопасности в Европе и во всем мире.

Сама процедура обмена нотами состоялась в заранее согласованное время 9 февраля одновременно в Москве (в 12.00 по местному времени) и в Мадриде (в 10.00 по местному времени). В Москве советская нота была вручена заместителем Министра иностранных дел СССР А. Г. Ковалевым, курировавшим в МИД СССР Первый Европейский отдел, испанскому представителю Рафаэлю Ферреру. На мероприятии присутствовали Ю. В. Дубинин, другие сотрудники Первого Европейского отдела, от испанцев – сотрудники Торговой делегации Эухенио Бреголат (Eugenio Bregolat Obiols) и Хуан Хосе Сантос. Симптоматично, что Ю. В. Дубинин и Э. Бреголат станут позже послами своих стран, соответственно, в Испании (1978–1986) и в России (1992–1996).

Первым же послом СССР в Испании после нормализации отношений будет назначен С. А. Богомолов, который, в отличие от Феррера, никогда такую перспективу публично не обсуждал. Хотя пробыть в этой должности ему суждено будет недолго. Осенью 1978 года на этом посту его сменит Ю. В. Дубинин, который к тому времени, как говорят в МИДе, несколько зашелся в Центральном аппарате и, видимо, хотел попробовать себя на новом для него поприще действующего посла в крупной и важной с точки зрения советских внешнеполитических интересов европейской стране.

Весной 1978 года мне довелось впервые побывать в Испании и лично познакомиться с С. А. Богомоловым. Невысокий, худощавый, с редкими волосами на голове, хотя ему еще не исполнилось пятидесяти, он произвел на меня впечатление человека скромного, не слишком пробивного, для которого новая высокая должность в Мадриде, вероятно, стала несколько неожиданным, но весьма приятным подарком. Все же совершить головокружительный прыжок с должности замторгпреда в послы не каждому удастся! Мне такое решение советского руководства виделось вполне логичным и правильным. Хотя, возможно, этот шаг имел более глубокий смысл, чем могло показаться на первый взгляд, и носил не только и не столько личностную окраску, а отражал государственный подход: дать понять испанцам, что появление новой, более важной персоны во главе советского дипломатического представительства в Мадриде будет зависеть от того, как будут развиваться советско-испанские отношения на новом этапе и как в принципе будет протекать процесс «демократического транзита», одной из главных составляющих которого было очищение Испании от франкизма.

* * *

Путь к советско-испанскому взаимопониманию после нормализации дипломатических отношений не был простым. В Испании оставались влиятельные силы, не заинтересованные в том, чтобы отношения между нашими странами получили быстрое и поступательное развитие. Как они, видимо, считали, самого факта установления Мадридом дипломатических отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами было вполне достаточно

³ Приехав в Москву, Хуан Антонио уже в ходе своей первой беседы с Ю. В. Дубининым сказал, что его фамилия произносится не Самаранч, а Самаранк. Однако к тому моменту во всех официальных бумагах, связанных с его аккредитацией в качестве посла Испании в СССР, он был указан как Самаранч. Поэтому было решено ничего не менять в произношении его фамилии на русском языке. Да и в принципе, как посчитали все у нас в МИДе, кто имел отношение к Испании, по-русски Самаранч звучит более убедительно, чем Самаранк.

для укрепления позиций демократизировавшейся Испании на мировой арене, но идти дальше по пути углубления таких отношений в планы этой политической группировки вовсе не входило. Под контролем этих сил оставались влиятельные средства массовой информации, которые продолжали, образно говоря, наигрывать франкистские мелодии на своих страницах, стремясь поддерживать негативный образ СССР в испанском обществе, особенно среди той его части, которая традиционно была восприимчива к таким настроениям. В центре этой пропагандистской кампании были две темы — так называемого «испанского золота» и мнимых связей советских спецслужб с баскской террористической организацией ЭТА.

«Испанское золото» — это часть золотого запаса Банка Испании (порядка 510 тонн, или 73 % запасов этого металла), перевезенная в СССР в октябре 1936 года по просьбе республиканского правительства. Инициатором этой операции считается министр финансов Хуан Негрин, который позже возглавит республиканское правительство. «Испанское золото» использовалось для финансирования советских военных поставок республиканцам в ходе гражданской войны в Испании. Доподлинно известно, что «испанское золото» было полностью израсходовано еще за год до завершения войны, то есть в 1938 году, что признается ведущими испанскими исследователями, включая Анхеля Виньяса. В последний год испанской трагедии советские поставки осуществлялись в кредит, в результате чего республиканское правительство осталось должно Советскому Союзу порядка 50 млн долларов. Однако на заре постфранкистской демократии нашлось немало желающих спекулировать на «золотую» тему, причем подтекст этих спекуляций был весьма банальным: поставки, дескать, осуществлялись по завышенным ценам, а вывезенный золотой запас израсходован не полностью. Постепенно эта тема, тем не менее сошла на нет в политическом дискурсе, и в наши дни она интересует только историков, продолжающих исследования периода гражданской войны. В связи с тем, что в этом году исполнилось 80 лет с начала испанской братоубийственной бойни, тема гражданской войны вновь оказалась в фокусе внимания испанского общества, но главным образом под углом зрения морально-нравственного восприятия этой трагедии.

Что касается проблемы терроризма в Испании, то не будет излишним упомянуть об одном весьма примечательном эпизоде из истории советско-испанских отношений первых постфранкистских лет. В то время, когда определенные силы в Испании нагнетали в провокационных целях страсти вокруг темы «СССР — ЭТА», испанское правительство взяло курс на расширение международного сотрудничества в борьбе с терроризмом, обращаясь за возможным содействием, в частности, к Франции, которую баскский терроризм затрагивал напрямую, а также к другим государствам, среди которых оказался и Советский Союз. Хотелось бы в этой связи поделиться воспоминаниями о первом пробном «заходе» испанцев, который оказался весьма курьезным.

В ноябре 1978 года в Москве проводилась первая испанская промышленная выставка, для участия в открытии которой в советскую столицу прибыл министр торговли и туризма Испании Х. А. Гарсия Диес (Juan Antonio García Díez), входивший, как мы полагаем, в круг лиц, приближенных к Адольфо Суаресу. Вечером 28 ноября он был принят в Кремле Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным. Это был первый контакт советского руководителя уровня главы правительства с официальным представителем постфранкистской демократической Испании. Беседа началась с традиционных выражений удовлетворения по поводу недавнего установления дипломатических отношений между двумя странами и поступательного развития в последующий период советско-испанских экономических, научно-технических и культурных связей. Казалось, что она будет непродолжительной и ограничится формальными любезностями. Как вдруг Гарсия Диес, без какой-либо прелюдии, резко сменил тему беседы и, сославшись на поручение руководства своей страны, обратился к Москве с просьбой о предоставлении информации, которой она, возможно, обладала о деятельности баскских террористов. Присутствовавшие на переговорах советские представители, среди которых выделю нового заведующего Первым Европейским отделом МИД А. Л. Адамишина, просто опешили. Как мне показалось, оторопел и испанский посол Х. А. Самаранч. В кабинете, где проходила беседа, повисла гнетущая тишина — как в классической театральной пьесе. Оказался не готов к такому повороту событий и А. Н. Косыгин. Действительно, было по меньшей мере странно, что министр «экономического блока» совершенно неожиданно затронул настолько деликатную тему, о самой возможности постановки которой, тем более на уровне советского премьера, никто из тех в МИДе, кто готовил материалы к беседе, даже не мог предположить. На реакции А. Н. Косыгина, возможно, сказалось его самочувствие: выглядел он в тот вечер очень утомленным и

нездоровым. Так или иначе, но слова Гарсия Диеса глава советского правительства воспринял как некий упрек Советскому Союзу по поводу его отношения к баскским террористам. Не сомневаюсь, что он был осведомлен о кампании в испанской прессе, о которой говорилось выше. Отвечая собеседнику, А. Н. Косыгин решительно заявил, что Москва не имеет никакого отношения к деятельности террористов в Испании и тем более не оказывает им никакой поддержки. Гарсия Диес в свою очередь оказался весьма озадачен подобной реакцией, поскольку он и не пытался в чем-то нас упрекать, а лишь поставил вопрос об обмене соответствующей информацией. Но когда он снова «заикнулся» о террористах, то вновь получил с нашей стороны «железобетонный» ответ. Беседа из первоначально расслабленной и весьма приятной становилась все более жесткой и нервной. Серьезный дипломатический скандал, образно говоря, повис в воздухе и уже был на расстоянии вытянутой руки или одного неаккуратно сказанного слова. Посол Самаранч буквально вжался в кресло и явно не знал, что делать. Так хорошо развивавшиеся отношения между СССР и Испанией, в становление которых он старательно вносил свой личный вклад, могли на ровном месте пойти «под откос».

Мне было поручено переводить ту беседу. Опыта еще было мало, но я ясно понимал, что в складывающейся ситуации надо что-то предпринять, возможно, выйти за те рамки, которые предписаны переводчику. При этом мне было очевидно, что Алексей Николаевич Косыгин, прежде всего в силу, как я чувствовал, крайней усталости, не совсем верно улавливал смысл слов собеседника, который вовсе не стремился к конфронтации. Тогда, в самый разгар «холодной войны», когда Советский Союз перманентно находился под западным прессом, дипломатический термин: «решительно отвел измышления собеседника» был в большом почете и часто использовался — как устойчивое словосочетание — при записях бесед. Все шло к тому, что и на этот раз придется записать нечто подобное. В общем, я набрался смелости и, как бы переводя сказанное испанцем, объяснил действительный смысл его обращения. А. Н. Косыгин к моему удовлетворению и облегчению все воспринял правильно, умело перестроил беседу, после чего она снова вошла в теплое и дружественное русло. Конечно, с нашей стороны испанцам каких-то конкретных обещаний по части содействия в борьбе с терроризмом дано не было, поскольку этот вопрос нуждался в соответствующей проработке, но и никакого осадка недоговоренности и двусмысленности у наших собеседников не осталось. Таким было первое обращение испанцев еще к Советскому Союзу по вопросу о сотрудничестве в противодействии терроризму, которое чуть было не обернулось большим конфузом. Кстати, после беседы А. Н. Косыгин меня тепло поблагодарил за перевод. С другой стороны, некая неуклюжесть, проявленная Гарсия Диесом при выстраивании беседы, — вполне допускаю, в силу его неопытности и даже нервозности вследствие масштаба личности собеседника — также стала наглядным уроком, насколько важно в беседе правильно расставлять акценты. Похвалил меня за смелость и Анатолий Леонидович Адамишин, мой непосредственный шеф. В то время он был основным спичрайтером А. А. Громыко и включил меня в группу своих помощников при подготовке речей министра. Его одобрение и поддержка тоже дорогого стоили.

Через полтора месяца после описываемых событий, в первой половине января 1979 года, в Москву прибыл другой высокопоставленный эмиссар молодых демократических властей Испании — министр иностранных дел Марселино Ореха Агирре. В материалы для бесед с ним был включен заблаговременно подготовленный пассаж по проблемам терроризма. Однако испанцы в тот раз эту тему не затронули [3, с. 25–27; 4].

Литература

1. Дубинин Ю. В. Становление современных российско-испанских отношений // *Международная жизнь*. 2011, № 1.
2. *Los 90 ministros de Franco*. — Barcelona, DOPESA, 1971.
3. Орлов А. А. Проблема терроризма в Испании: ЭТА — «ударный отряд» баскского национализма. — М.: Русская панорама, 2009.
4. Орлов А. А. Единая и неделимая родина всех испанцев // *Международная жизнь*. 1998, № 7, с. 54–60.

Чернявский С.И.

МГИМО МИД России,
директор Центра постсоветских исследований Института международных исследований,
профессор Кафедры мировых политических процессов

У истоков российско-португальских отношений

Аннотация: *Статья посвящена важнейшему этапу в истории российско-португальских отношений (1722–1799 годы) – от первых, ознакомительных дипломатических контактов (1722 год) до заключения двустороннего Союзного оборонительного договора (1799 год). На основе архивных материалов автор анализирует сложную дипломатическую активность обеих сторон, которая привела к установлению дружеских, доверительных отношений Лиссабона и Санкт-Петербурга.*

Ключевые слова: *Россия, Португалия, российско-португальские отношения, дипломатия.*

Cherniavskiy Stanislav I.

The sources of the Russian-Portuguese relations

Abstract: *The article is devoted to the most important stages in the history of Russian-Portuguese relations (1722–1799) – from the first study of diplomatic contacts (1722) to conclusion of a bilateral Defense Treaty of the Union (1799). On the basis of archival materials, the author analyzes the complex diplomatic activity on both sides, which led to the establishment of friendly, trusting relationship Lisbon and St. Petersburg.*

Keywords: *Russia, Portugal, Russian-Portuguese relations, diplomacy.*

В первой половине XVIII века в Европе и за ее пределами развернулось жестокое соперничество между Францией и Великобританией, крупнейшими колониальными и морскими державами того времени. Их привлекали одни и те же районы земного шара — Индия (Ост-Индия) и Северная Америка. Все вооруженные конфликты, имевшие место между ними, включая войны за испанское и австрийское наследство, сопровождались яростными столкновениями в колониях. Эти события вызывали серьезную тревогу в Португалии, завершавшей свой «золотой период».

В царствование короля Жуана V (1706–1750 годы — *João o Magnânimo*) Лиссабон получал ежегодно из своих американских колоний до 1 200 кг золота и огромные количества бриллиантов из Бразилии. В этих условиях любые попытки развивать собственную промышленность и сельское хозяйство были безуспешны. Аристократия тормозила любую модернизацию. Страна кормилась за счет импортируемого из Бразилии продовольствием, и почти ничего не производила сама. Вся внешняя политика была направлена на сохранение любой ценой Бразилии. Но золото стремительно «утекало, рушилось государство, на обладание которым постоянно претендовали обе соседки — Испания и Франция.

Россия, напротив, укрепляла свое влияние в Европе. Успешное завершение Северной войны 1700–1721 годов открыло новый этап в ее внешнеполитической стратегии. Страна получила выход в Балтийское море, вернула ряд исконных русских земель и удержала за собой богатые прибалтийские провинции — Лифляндию и Эстляндию. Ништадский мирный договор 1721 года закрепил осуществление великой исторической задачи, за решение которой Россия вела многовековую борьбу. Она, наконец, обрела гарантированный выход на мировые торговые пути, значительно расширивший ее политические, экономические и культурные связи с Европой.

Россия и Португалия – внешнеполитические приоритеты

Рассматриваемый исторический период является единственным, когда Португалия оказалась в числе внешнеполитических приоритетов России. Ускоренное развитие русской внешней торговли на балтийском направлении способствовало подъему ее национальной экономики. Северная война привела к коренному изменению в соотношении военно-политических сил в Европе: Швеция превращалась во второстепенное государство, а Россия, утвердившись на берегах Балтики, заняла достойное положение в европейской системе. Победа России в Северной войне обусловила существенную перестройку в расстановке сил на международной арене. В формировавшейся в Европе новой политической структуре Россия претендовала на более важное место: ее присоединение к той или иной группировке создавало серьезный перевес сил, требовавший восстановления «европейского равновесия» и соответствующей трансформации системы союзов.

Эти изменения во внешнеполитическом статусе сулили русскому государству не только заманчивые перспективы, но и выдвигали перед его руководством ряд сложных геополитических проблем.

Одной из самых непримиримых противниц России в Европе в 20-е годы XVIII века стала Англия. Британские власти не без основания опасались роста ее политического и военно-морского могущества, стремясь любым путем сохранить практически монопольную роль посредника во внешней торговле России, особенно в том, что касается экспорта кораблестроительных материалов. Дипломатические отношения, прерванные в 1720 году, наносили чувствительный ущерб экономическим интересам обеих сторон, были восстановлены лишь в декабре 1731 года. В отношениях с другими ведущими европейскими державами также наблюдалась напряженность: в апреле 1731 года приостановились дипломатические отношения с Испанией (вплоть до 1760 года), а с 1749 года на 7 лет были заморожены отношения с Францией. Россия воевала со Швецией в 1741–1743 годы, а также принимала участие в общеевропейской Семилетней войне 1756–1763 годов.

Отношения Португалии с ее ближайшими соседями складывались также непросто. Прижатая к Атлантике Испанией и Францией, в которых правили представители единой семьи Бурбонов, она могла рассчитывать лишь на помощь англичан, которая была далеко небескорыстной.

Лиссабонский договор (16 мая 1703 года) провозглашал «вечный союз» между Португалией и Англией (ст. 14). Англия обязалась оказать Португалии помощь в войне с Испанией и Францией войсками и флотом, достаточным для защиты берегов Португалии и её владений вне Европы (ст.1-10). Со своей стороны Португалия обязалась поддерживать Англию в войне всеми своими силами (ст. 11). Наиболее важным для Англии условием договора стало согласие Португалии на постоянное базирование в её портах определённого количества английских военных кораблей как в военное, так и в мирное время, что позволило Англии оказывать политическое влияние на Португалию. Лиссабонский договор вместе с Метуэнским (27 декабря 1703 года) установил политический союз Португалии с Англией, сохранявшийся вплоть до середины XX века, в котором Португалия играла роль младшего союзника, а фактически вассала Англии. Полученные Англией преимущества дали ей возможность в короткий срок овладеть почти всей торговлей Португалии (уже к 1775 году торговля Англии с Лиссабоном в два раза превышала торговлю с этим портом торговлю всех стран, вместе взятых) и подавить развитие местной португальской промышленности.

Российские дипломаты, отслеживавшие внутреннюю ситуацию в Португалии, докладывали в Петербург, что «финансы, торговля, вооруженные силы, нравы и национальное самосознание этой страны пребывают в состоянии невообразимого варварства. Все области государственного управления находились в беспорядке. Тупой фанатизм господствовал над этим хаосом, и покровы религии скрывали и поощряли пороки, достигшие вершины своего развития. Дворянство было спесивым, трусливым, невежественным и непокорным; священники и монахи могли все. Финансы были истощены, не было ни войска, ни кораблей, ни сельского хозяйства. Иго англичан, которые захватили всю власть и все деньги, для доброго гражданина было самым невыносимым из всех этих зол.

Торговля была областью, наиболее погрязшей в пороках и труднее всего поддававшейся преобразованию. Англичане давно убедили португальцев, что стране, имеющей золото, не нужны ни сельское хозяйство, ни промышленное производство; они поставляли Португалии все жизненно необходимое, и только это, и в результате вывозили за бесценку все их золото»¹.

¹ АВПРИ, ф. 72, оп. 5, д. 41, л. 15–16 об.

Чем же могла заинтересовать Россию далекая Португалия? В первую очередь своим стратегическим положением на пути в Средиземноморье. Постоянные войны с Османской империей требовали передислокации из Балтики крупной военно-морской группировки в Средиземное море с тем, чтобы нанести туркам удар с тыла. Для этого понадобились транзитные порты, в которые корабли могли бы зайти на временную стоянку для ремонта и пополнения необходимых запасов. Идеальным вариантом могла бы стать Португалия.

О ней размышлял еще Петр Великий. В Архиве внешней политики Российской Империи (АВПРИ) сохранилось предписание канцлеру Г. И. Головкину от 1722 года о назначении дипломатических представителей в Европу с личной припиской царя — «еще надобно в Португалию».

Одним из первых шагов в целях установления официальных контактов стало приглашение зимой 1724 года португальского представителя на коронацию супруги Петра Екатерины I. В качестве такового Лиссабон направил аббата Томаша да Сильва де Авелара (в его обязанности входило представлять Португалию на различных торжествах, проводимых дворами европейских стран).

Готовясь к своему визиту в загадочную Московию, аббат писал: «Я нахожусь в таком замешательстве, что заслуживаю сочувствия. Уже середина зимы, а мы должны отправиться в северные страны, очень холодные, некультурные, невежественные, лишенные всяких удобств для путешествий и только полных тысячью опасностей для жизни, как нам здесь говорят»². И далее: «Присутствие на коронации шведки, жены одного из капралов, дело очень дорогое, предстоит преодолеть более чем 400 легуа (легуа = 5 км) пути среди невежд»³.

Однако результаты визита в Россию опрокинули предубеждения аббата. Возвращаясь на родину после двух месяцев пребывания в Москве и полутора месяцев в С.-Петербурге, он докладывал в августе 1724 года:

«Я не могу описать в м-сти те почести и любезности, которые мне были оказаны со стороны этого великого монарха (Петра I — *авт.*) и его министров, а также всеми представителями иностранных держав, находившимися здесь. Достаточно сказать, что я покидаю эту страну очень довольным, о чем в м-сть может сообщить нашему двору»⁴.

Российско-португальские дипломатические контакты начались в Лондоне в декабре 1732 года в очень осторожной форме — прошел лишь год после восстановления дипломатических отношений с Англией, и посланнику А. Кантемиру приходилось опасаться любых провокаций.

Судя по полученной в С.-Петербурге информации, российского дипломата посетил по собственной инициативе секретарь посольства Португалии в Лондоне Кампуш, который завел доверительный («партикулярный») разговор о прямой двусторонней торговле. Разговор получился длинный и содержательный. Португалец жаловался на засилье англичан в экономике страны, интересовался номенклатурой российских товаров, которые можно было бы закупать напрямую, минуя посредников. «Из наших товаров, — отметил Кантемир, — им угодны: пенька, железо, холсты, клей рыбой, а Португалия нам ничего не может дать, кроме вина, овощей и золота»⁵. Несмотря на заявленную Кампушем «партикулярность» беседы, он «просил меня (Кантемира — *авт.*), чтоб я об всем том партикулярно от себя донес ее и. в-ву, а он, с своей стороны, имел о том же писать своему статс-секретарю». По существу начался осторожный («партикулярный») зондаж позиций сторон о более серьезных переговорах.

Сообщение Кантемира с большим интересом встретили в Петербурге. Вице-канцлер А. И. Остерман в депеше, направленной в Лондон в июне 1733 года, поручил посланнику продолжить доверительные встречи с Кампушем, и уточнить у него ряд конкретных вопросов⁶.

Во-первых, какую правовую форму желательно использовать для поощрения непосредственной двусторонней торговли с обслуживанием ее португальскими и российскими судами.

Во-вторых, передать ему список российских товаров, в которых нуждается Португалия, а Россия является единственным экспортером, выяснив при этом следующие детали: по какой предположительно цене эти товары могут быть проданы? Есть ли необходимость в заключении контракта или договора, чтобы пройти таможенные формальности? Должны ли суда дожидаться продажи товаров пока купцы будут искать покупателей, и как это соотносится с уже подпи-

² Lisboa, I.A.N./T.T. Manuscritos da Livraria, №368, Carta 50 (fls.1–2)

³ Lisboa, I.A.N./T.T. Manuscritos da Livraria, №368, Carta 52 (fls.1–2)

⁴ Lisboa, I.A.N./T.T. Manuscritos da Livraria, №368, Carta 56 (fls.1–1v)

⁵ АВПРИ, ф. 36, оп. 2, д. 29, л. 12–12 об.

⁶ АВПРИ, ф. 35, оп. 1, 1733 г., д. 567, л. 29–30 об.

саннами Португалией договорами с другими странами?

Каковы таможенные пошлины на товары из переданного списка, и кто их оплачивает – продавец или покупатель? Какие товары, по какой цене и с платежом какой пошлины могут быть получены из Португалии и каким способом?

Обмен информацией по дипломатическим каналам продолжался, что положительно сказалось на объемах российско-португальской торговли, хотя номенклатура товаров оставалась ограниченной – Португалия импортировала, помимо леса и железа, лен и воск, а Россия покупала португальское вино, фрукты, пробку, оливки и соль. Вместе с тем количество судозаходов росло. В 1747–1749 годы из Португалии в балтийские порты России ежегодно приходило до 20 судов, а уходило только 24 из Риги. Существенным тормозом роста товарооборота оставалось то, что перевозка товаров, как правило, осуществлялась на английских или голландских судах, что не устраивало ни Петербург, ни Лиссабон.

В октябре 1754 года в рескрипте императрицы Елизаветы Петровны новому посланнику в Лондоне П. Г. Чернышеву последовало жесткое напоминание о необходимости возобновить переговоры с португальской стороны. «Еще в прошлом 1752 году реляцией Вашей под № 41 от 7 дня декабря по поводу известного секретного соглашения касательно до учреждаемой между Нашею Империей и Португалией непосредственной коммерции представляли Вы, что бывший министр, который сие дело к пользе обоих государств с Вами вечал, отозван, а на место его определен дон Лудовик да Кунья, с которым у Вас такого знакомства, как с первым еще нет, и просите о Нашем повелении производить ли Вам с ним оное дело и привести ли его от себя на сию материю, ежели он к Вам сам отзываться не станет. И хотя Вы после того об этом деле не упоминали, из чего можно понять, что новый португальский министр с Вами на эту тему не говорил, напомните ему о предыдущих беседах с его коллегой, поинтересуйтесь, есть ли реакция Лиссабона на упомянутые контакты. Если же с его стороны подобной инициативы проявлено не будет, то напомните ему в конфиденциальной форме о Нашей взаимной к постановлению той торговли склонности и, что оное и с Нашей стороны и для наших подданных не за бесполезную признается, присовокупив к тому, что когда б с португальской стороны оное дело поныне молчание оставлено не было, то б уже и давно о том в надлежащую негоциацию вступить можно было»⁷.

Выразив таким образом неудовольствие затягиванием переговоров императрица вновь потребовала от посланника информацию о таможенных тарифах в Португалии на высланный ранее список предлагаемых к экспорту российских товаров, а также проект предложений по заключению договора о прямой русско-португальской торговле.

В контексте выполнения указаний Петербурга об ускорении переговоров с Португалией в июле 1755 года состоялась встреча в Лондоне между П. Г. Чернышевым и Л. Да Кунья Мануэла.

Докладывая о ней в Лиссабон, португалец отметил, что Чернышев «указал также на развитие, которое мы обеспечили бы нашему морскому флоту за счет кораблей, ставших бы заниматься этой торговлей, а результатом того стало бы увеличение количества моряков, которые будут трудиться на этих кораблях вследствие прибыли, получаемой от фрахта. На это я возразил ему, что такая выгода окажется полностью на стороне его нации, потому что у португальцев есть чем заняться – это путешествия в Азию, Африку и, главным образом, в Америку по морям, к которым они уже привыкли. Они более спокойные, грозят меньшими неприятностями, там нет северных льдов, и португальцы плавают там с большей охотой, чем по Балтийскому морю. В то же время русским, привычным к трудностям, с которыми они сталкиваются на Севере, станет гораздо проще отправляться на Юг, что побудит их чаще и охотнее пускаться в такое плавание. И торговля с Португалией заставит их иметь значительно большее количество моряков. Поскольку же в их стране есть все необходимое для строительства судов, его двор сможет привести свой морской флот в такое состояние, что он станет внушать страх всем нациям Севера и вызывать уважение наций Юга»⁸.

В заключение Л. Да Кунья Мануэла сделал вывод геополитического характера: «Поскольку Россия совершенно не склонна вставать на чью-либо сторону во время любой войны, ее нейтралитет и нейтралитет Португалии облегчит доставку последней всех упомянутых (кораблестроительных – *авт.*) материалов без учинения затруднений под каким-нибудь предлогом как со стороны французов, так и со стороны англичан. А когда Россия вступит в войну по желанию Англии, то мощь английского морского флота всегда обеспечит свободное судоходство для русской нации».

⁷ АВПРИ, ф. 36, оп. 1, д. 45, л. 52–55 об.

⁸ Lisboa, I.A.N./T.T. M.N.E., C.L.P.L., c.689 (ffs. 1–4)

Одним из результатов указанных дипломатических контактов стало решение Лиссабона предпринять конкретные шаги по изучению возможностей русского рынка. С этой целью в С.-Петербург и прибалтийские порты в 1755 году отправился португальский купец Мануэл Пинту Пайва Гарсеш. Возвращаясь домой через Лондон, он передал российскому посланнику «проме́морию» по результатам своей поездки,

В записке подчеркивается, что «коммерция между Российской империей и Португальским королевством токмо посторонним образом производится и от того плодам его земли великая неудобность в разсуждении употребления оных в России происходит, где часто принуждены зело высокую ценою оные покупать. Сверх же того, португальские вина, кои поныне гамбургскими и другими кораблями на продажу привозятся, здесь в натуральной своей доброте не выгружаются, но подделаны и по большей части водою подмешаны бывают»⁹. Португальский купец выражает готовность открыть в Петербурге торговую контору, которая способствовала бы продвижению его товаров в Россию.

С учетом выводов Мануэла Гарсеша российская сторона запросила по дипломатическим каналам согласия Лиссабона на отправку в Португалию российских товаров, список которых позднее представили португальской стороне. С ними в далекое плавание отправился корабль купца М. Яковлева, нагруженный наполовину государственными (казёнными) и наполовину принудительно набранными купеческими товарами.

Что же повез русский корабль в Португалию, какие товары отобрали для продажи в неведомой стране? Архивы сохранили и этот документ — «Список товаров, погруженных русским купцом М. Яковлевым на корабль “Кристина-Екатерина”, вышедший из С.-Петербурга в Лиссабон».

В списке числятся: 1 822 железных бруса из Сибири общим весом 27 610 пудов, 56 ящиков воска весом 5 610 пудов; 13 тюков, содержащих 268 мешков кожи высшего качества весом 365 пудов и 12 фунтов; 4 тюка с 78 мешками кожи более низкого качества весом 106 пудов и 8 фунтов; 53 рулона льняного полотна высшего качества весом 3 012 пудов и 39 фунтов; 5 940 рулонов льняного полотна второго сорта весом 2 019 пудов — 166 тюков с 329 единицами парусного полотна и 308 единицами такого же полотна другого сорта, более грубой выделки¹⁰.

Неизвестно, насколько выгодной оказалась первая поставка русских товаров. Скорее всего, больших дивидендов она не принесла. Тем более что это совпало с постигшей Лиссабон трагедией. 1 ноября 1755 года (н. ст.) в городе произошло землетрясение, полностью его разрушившее. Эти события в России встретили с глубоким сочувствием и состраданием. Российская императрица Елизавета Петровна, как отмечал в автобиографической записке первый министр иностранных дел и государственный канцлер России А. Р. Воронцов, «возымела великодушное намерение направить португальскому королю лес для отстройки города, железо, другие материалы и несколько тысяч мешков муки». Предполагалось все это доставить в Лиссабон морским путем в сопровождении видного лица, которому поручалось предложить помощь португальскому королю (по неизвестным причинам это указание не было исполнено).

Попытки российского руководства подтолкнуть российско-португальские торговые переговоры большого успеха не имели — португальцы опасались негативной реакции англичан, да и собственная бюрократия практически «забалтывала» этот вопрос. Возможно, что подобное отсутствие результатов объяснялось и внутренними проблемами. В эти годы премьер-министр Помбал (*Sebastião José de Carvalho e Melo, marquis de Pombal*), разгромив аристократическую оппозицию, изгнал из страны всевластных иезуитов, а в 1761 году запретил рабство.

Послы по особым поручениям — С. В. Мещерский и С. С. Зиновьев

В середине 1760-х годов «переговорная площадка» на некоторое время перемещается из Лондона в Лиссабон и Гаагу.

В августе 1765 года первоприсутствующий в Государственной коллегии иностранных дел Н. И. Панин поручил секретарю миссии России в Мадриде С. В. Мещерскому (1763—1765 годы), возвращавшемуся в С.-Петербург через Лиссабон, провести переговоры с португальцами на возможно более высоком уровне. В ходе беседы с премьер-министром маркизом Помбалом дипломат сообщил о готовности России установить дипломатические отношения. С португальской

⁹ АВПРИ, ф. 72, оп. 1, 1755 г., д. 6, л. 3—4

¹⁰ Lisboa, B.N., Reservados, Coleção Pombalina, 612, (fls. 156—164)

стороны последовала благоприятная реакция, но четкого ответа не было. Дипломата принял и король Жозе I (1750–1777 годы), попросивший заверить российскую императрицу, что Португалия заинтересована в тесных связях с Россией, но и он не дал конкретного ответа.

По результатам своих переговоров С. В. Мещерский подготовил для Н. И. Панина записку «Рассуждение о коммерции российской с Португалией»¹¹, в которой подчеркивал необходимость тщательного изучения местных условий. Он предостерегал, что «в таковых местах европейских, где жадность к интересу во всей своей силе, где недоверие, политика и другие посторонние резоны составляют отменное исчисление к получению верного барыша, надлежит поступать с крайнею предосторожностью и ничего не начинать прежде, как приняв всевозможные к тому меры».

В отсутствие торгового договора Мещерский предлагал назначить «одного фактора или агента от компании, который бы по меньшей мере за три или четыре месяца имел у себя в переду до прибытия корабля». Этот торговый агент мог бы заблаговременно подготовить удобные склады и выяснить конъюнктуру рынка. Товары сдавались бы на комиссию агенту, а судовладельцу после выгрузки и прохождения формальностей не пришлось бы ждать реализации товара.

Хотя систему «агентов» внедрили в практику еще при Петре Первом и агентам доверялись торговые операции с крупными партиями казённых товаров, выручка от которых нередко уходила на закупку на месте необходимых товаров, официальный С.-Петербург не отреагировал на эти предложения. Тем не менее, чтобы повысить заинтересованность португальцев, Россия в 1766 году пошла на беспрецедентный шаг: в одностороннем порядке снизила пошлину на важнейшую статью португальского экспорта – вина – с 80 до 10 % при условии, что они будут доставляться в российские порты на португальских судах и за счет португальских купцов. Этим решением Екатерина II подтвердила, что Россия готова к реальному развитию более тесных отношений с Португалией.

Подобная активность российской стороны диктовалась необходимостью облегчить возможность российским эскадрам, направлявшимся в Средиземноморье, заходить в португальские порты. С согласия Лиссабона Россия учредила в октябре 1769 года пост российского генерального консула в Лиссабоне.

И во время! Уже в ноябре-декабре того же года лиссабонский порт приютил потрепанные сильным штормом в Атлантике российский линейный корабль «Ростислав» и пакетбот «Летучий». Офицеры обоих кораблей были приняты королем Жозе I и по его повелению премьер-министром, а также «протчими весьма благоприятно и ласково». Это побудило Екатерину II заявить со своей стороны о готовности также «действовать в духе совершенной взаимности».

На пост генерального консула Екатерина II назначила 2 (13) октября 1769 года проживавшего в Лиссабоне гамбургского банкира Жоау Антониу Боршера (*Jean-Antoine Borchers*). Иоанн Борхерс (так его именуют в архивных документах – *авт.*) происходил из немецко-португальской семьи, проживавшей в Лиссабоне.

В консульском патенте императрицы Екатерины II, выданной И. А. Борхерсу указывалось: «Мы за потребно признали учредить российского генерального консула в городе Лиссабоне и в других приморских местах владений пресветлейшего и державнейшего короля португальского, дабы подданные Наши, которые туда придут для отправления купечества своего, могли найти протекцию и вспоможение, которое им будет потребно»¹².

В основные функции консулов рассматриваемого исторического периода входило оказание активной помощи внешнеторговым операциям государства. Главной обязанностью консула являлась «продажа и хранение казённых товаров, наблюдение за их качеством и правильностью в упаковке, весе и мере, за тем чтобы не провозились за границу частными купцами товары заповедные или такие, какими казённый торг производится». Консулу поручалось собирать информацию о том, что может способствовать развитию русской торговли и заботиться, чтобы «никакой отросток её не приходил в умаление или упадок». Он должен был, выражаясь современным языком, отслеживать торговую конъюнктуру страны пребывания и информировать о результатах своих наблюдений «с приобщением своего мнения».

Борхерсу, в соответствии с инструкцией, полученной от Н. И. Панина, поручалось дополнительно выполнять приказания, «кои к Вам посылаемы будут от находящегося в Италии рос-

¹¹ АВПРИ, ф. 72, оп. 5, д. 43, л. 10–11 об.

¹² АВПРИ, ф. 72, оп. 5, д. 213, л. 1–2

сийского императорского г-на генерал-порутчика е. с-ва графа Алексея Орлова или же от обоих шефов над отправленными в Средиземное море для поисков над врагом христианского имени здешних эскадр, а именно: г-на адмирала Спиридова, да контр-адмирала Элфинстона, которые Вы от них получать будете либо по случаю входа их в одну из тамошних гаваней, либо по другому какому поводу»¹³.

К сожалению, надежды российской стороны на то, что назначение генерального консула продвинет вопрос о заключении торгового договора, не оправдались. Борхерс был, скорее, заинтересован в сохранении господства ганзейских и голландских посредников в российско-португальской торговле. Его деятельность в этом направлении во многом объясняет «заморозку» переговоров на долгие годы. Кроме того, он практиковал неоправданно многочисленные назначения вице-консулов и консульских агентов, что вызвало острое недовольство португальской стороны. По повелению королевы всех назначенцев Борхерса уволили.

Вялотекущие переговоры не устраивали императрицу Екатерину II, поскольку отсутствие результатов нарушало ее геополитическую стратегию. Тем более что в середине 1770-х годов в условиях войны североамериканских колоний Англии за свою независимость (1775–1783 годы) неустойчивая геометрия европейской политики менялась в ускоренном темпе, создавая новую международную ситуацию. Российскому флоту срочно требовался выход не только в Средиземноморье, но и на просторы Атлантики.

Эта мысль четко проводится в императорском указе от 5 (16) апреля 1771 года: «Вследствие важности положения наших дел, — говорится в документе, — требуется ныне ближайшее и непосредственное сношение между нами и отдаленнейшими полуденными державами. Сего ради и обратили мы наше внимание на португальский двор, яко такой, коего настоящее политическое состояние само собою к тому свойственно, да и для нас предпочтительно другим выгодно».

В качестве своего специального представителя Екатерина назначила камер-юнкера Степана Зиновьева, формально направлявшегося на лечение в Аахен. «Повелеваем нашему министерству, — говорилось далее в указе, — изыскать пристойные средства к начатию с тамошним двором секретной и со всеми нужными осторожностями сопряженной негоциации о взаимном назначении взаимных министров, а потому и снабдить помянутого камер-юнкера Зиновьева достаточными и пристойными в запас предписаниями, дабы сие дело без огласки начато и совершено быть могло»¹⁴. Содержание указа требовалось сохранять «в непроницаемой тайне».

Более подробные указания С. С. Зиновьеву давались в инструкции Государственной Коллегии иностранных дел¹⁵ от 18 (29) мая 1771 года. В преамбуле документа отмечалось, что «политические и коммерческие интересы наших дворов требуют непосредственной между нами и королем португальским связи и переписки». Для этого необходимо, чтобы «оба двора начали взаимно один при другом содержать аккредитованных министров, а с другой — избежать перед публикой и самой наружности первого от нас в том искания».

Судя по естественному положению земель короля португальского, нет сомнений, чтобы он не был сам рад прямым контактам с С.-Петербургом. Превосходящие силы испанской короны держат его в постоянной тревоге. Поэтому политика лиссабонского двора издавна направлена на поиски дружбы и союза с Великобританией, которая находится в постоянном противоборстве с мадридским и версальским дворами.

Россия, будучи в отношениях с Испанией и Францией в ситуации, аналогичной английской и играя теперь в общеевропейских делах активную роль, диаметрально противоположную Мадриду и Парижу, представляет полезную для португальского короля союзницу. В этих условиях прямая торговля лишь укрепит наши добрые намерения. Нет сомнений, «чтоб португальский двор, а особливо первенствующий оного министр маркиз Помбаль — человек мудрой прозорливости и незаурядных дарований» не примет во внимание эти обстоятельства.

Коллегия одновременно поручила консулу Борхерсу, чтобы он выяснил намерения Лиссабонского двора, а «какой он свет получит на первые внушения, о том велено ему не только сюда донести, но и прямо к Вам писать, адресуя депеши свои в Гаагу к чрезвычайному посланнику князю Голицыну».

В случае сообщения Борхерста, что португальская сторона согласна пойти на обмен послан-

¹³ АВПРИ, ф. 72, оп. 5, д. 216, л. 1–5

¹⁴ АВПРИ, ф. 2, оп. 6, д. 7177, л. 283–283 об.

¹⁵ АВПРИ, ф. 2, оп. 6, д. 7177, л. 284–295 об.

никами, Зиновьеву следовало ждать в Гааге, когда португальский посланник пересечет границу, и выехать в Лиссабон в качестве посланника России, чтобы вручить верительные грамоты одновременно с португальским коллегой.

На случай, если никаких известий от Борхерста не поступит, Зиновьеву предлагалось самому встретиться с посланником Португалии в Гааге. В ходе беседы «открыться конфиденциальным образом и единственно для донесения двору его, что Вы получили от министерства её и. в-ва предварительное извещение о будущем Вашем назначении к португальскому двору в качестве министра второго ранга, а между тем и уполномочены уже от одного войти с ним, португальским министром, для выигрыша времени в непосредственное соглашение, надеясь, что он к тому равномерно уполномочен или, по крайней мере, скоро уполномочен будет как о дне назначения при обоих дворах министров, так и о характере их, дабы в том и другом, по предварительному Вашему условию в Гааге, при обоих дворах точное и совершенное равенство, без всякого изъятия, вдруг наблюдается быть могло».

В заключительной части инструкции Коллегии Зиновьеву вновь напоминают о геополитическом значении Португалии для России. В ней, в частности, говорится, что поскольку обе стороны еще не в том состоянии, чтобы вести прямую торговлю, — ибо первая не имеет еще достаточного торгового флота, а вторая использует свой флот в отдаленных владениях, в Восточной и Западной Индиях, — это не должно мешать тому, чтоб на обе стороны не постановить заранее некоторых ободрений в пользу и самого начала, и первых быть могущих опытов».

В результате прождав несколько месяцев известий от Борхерста и не получив их, С. С. Зиновьев лично встретился с португальским посланником Жозе Вашкешем да Кунья, изложив ему поручение Коллегии.

По информации да Кунья, отправленной в Лиссабон в феврале 1772 года, С. С. Зиновьев сообщил ему, «что ничего так не желает царица, его государыня, как того, чтобы Португалия назначила бы посланника для пребывания в С.-Петербурге, а она одновременно назначит своего для пребывания в Лиссабоне. И вслед за этим первым доказательством взаимной дружбы могло бы последовать другое — подготовка торгового договора, который не может не быть выгодным для двух наций, про-изводящих взаимно необходимые друг другу товары»¹⁶.

Интересны комментарии португальского посланника к полученным от Зиновьева предложениям и сделанные им выводы. Несмотря на то, что нас отделяют от той эпохи более 200 лет, суждения да Кунья актуальны и поныне.

Он, в частности, отмечал, что преимущества, которые последуют после установления прямой торговли между двумя нациями, очевидны. Связанные с морским флотом потребности португальцев в строевом лесе, мачтах, конопле, корабельных снастях, дегте, в льняном полотне и т. д. и потребности русских поданных в винах, водке, сахаре, древесных красителях, соли, какао и т. д. неизбежно вынуждают первых с учетом нынешнего состояния торговли приобретать искомое через посредство голландцев и оплачивать, как следствие, их прибыль, которую они накладывают на первоначальную стоимость товаров, а вторых — удовлетворять свои нужды частично тем же путем, частично прибегая к услугам французов — нации, к которой в связи с нынешней расстановкой сил в Европе они никогда не будут испытывать дружественного расположения.

Конечно (признавал да Кунья), если даже торговый договор «по непредвиденным причинам не будет заключен, мне кажется полезным и даже необходимым с точки зрения благопристойности, чтобы держава, занимающая такое видное положение в Европе, как Португалия, имела своего посланника при дворе, уже многими державами признанном императорским и самым могущественным на Севере — дворе, с которым, несмотря на его отдаленность, они имеют те или иные отношения как с морской державой».

Поездка С. С. Зиновьева в Гаагу не принесла скорых результатов, и беседы российских и португальских дипломатов об обмене посланниками продолжались. В результате восторжествовала взаимная заинтересованность сторон и португальская королева Мария I (1777–1786 годы) приняла решение об обмене посланниками, назначила в 1778 году своим представителем посланника в Гааге Франсишку Жозе де Орта Машаду, прибывшего в С.-Петербург 9 (20) октября 1779 года.

Дату его официальной аудиенции у Екатерины II, состоявшейся 13 (24) октября, принято считать днем установления дипломатических отношений между Россией и Португалией.

¹⁶ Lisboa, I.A.N./T.T, M.N.E., C.L.P.P.B., C.794 (fls. 1–5)

В кредитивной грамоте посланника, подписанной Марией I, говорилось о «большом желании» португальской королевы, чтобы с русской императрицей «установилась настоящая и постоянная дружба и между нашими подданными народами святое согласие и гармония...»¹⁷. В свою очередь Екатерина II также в 1778 году приняла решение об установлении дипломатических отношений с Португалией и назначении Вильгельма Нессельроде первым посланником России в Лиссабоне, а 11 (23) января 1779 года подписала кредитивную грамоту, которую он и вручил королеве Марии I 30 мая (10 июня) 1780 года.

Отношения установлены – что дальше?

Ответ на этот риторический вопрос в какой-то степени дает инструкция для Ф. Ж. де Орта Машаду, подготовленная по поручению ко-ролевы посланником Португалии в Англии Л. Пинту де Соуза Коутиню.

Составленное на основе немецкой, английской, голландской географической, экономической и статистической литературы, а также сведений, почерпнутых у служивших в английской столице российских дипломатов, поручение для посланника в России отличается фундаментальностью. Инструкция сконцентрирована на проблемах португальско-российской торговли и путях ее расширения. Анализ многочисленных и разнообразных данных привел ее автора к выводу, «что, ведя пассивную торговлю через посредство голландцев, датчан и гамбургцев, Португалия со всей очевидностью терпит убыток».

Эта «инструкция по торговле с Россией» является по существу многоплановым экономическим обзором состояния российской внешней торговли и конкретных предложений португальской королевы¹⁸.

Документ состоит из нескольких ключевых разделов: естественная продукция двух стран; список заводов России и мест их размещения; сводный перечень их экспортных товаров; соображения о торговых отношениях, которым необходимо следовать; о выгодах и ущербе, которые может принести Португалии установление торговли с Россией, в зависимости от времени года и политической ситуации. В документе подробно анализируется широкая номенклатура российских экспортных товаров (более 60 позиций) и даются конкретные предложения об их закупках.

Составитель инструкции отмечает, что обширная территория Российской империи в сочетании с разнообразием её климатических зон является основой того, что её природные ресурсы огромны по своим объемам и пользуются всеобщим спросом. Поскольку Португалия нуждается в пшенице и других видах зерновых для удовлетворения своих потребностей, она должна содействовать торговле названным товаром и росту активности в этом направлении своих подданных, насколько такое окажется возможным. По его мнению, импорт зерновых из стран Балтики и географической зоны Белого моря должен быть освобожден от таможенных пошлин Королевства в течение 10 лет для всех кораблей, являющихся португальской собственностью и имеющих команды, состоящие на 2/3 из португальских моряков. Португальские негоданты должны обладать полной свободой в своих торговых операциях и в принятии решения, где им лучше продать свой товар. Эта торговля, основывающаяся на экономических потребностях страны, может значительно содействовать расширению португальского судоходства.

В отличие от инструкции, данной португальскому посланнику в С.-Петербурге, наказ, данный В. Нессельроде, носил в основном политический характер. Значительное место в нем занимал анализ общеевропейского положения и роли России в решении европейских дел¹⁹.

Подчеркивалось, что «...российская императрица с удовольствием видит šťastливое начало» беспосредственных сношений с Португалией и повелевает посланнику заявить, что она «всегда охотно будет стараться о вящем и прочном утверждении узлов истинной дружбы и доброго согласия» между двумя странами; отмечалась и готовность российской стороны к развитию торговых связей с Португалией.

В 1781 году в российскую столицу назначается первый португальский генеральный консул Жозе Педру Селештину Белью. Одновременно он возглавил торговое предприятие «Велью, Араужу и Мартинш», созданное в С.-Петербурге по решению Административного Со-

¹⁷ АВПРИ, ф. 72, оп. 6, д. 1, л. 1–1 об.

¹⁸ Lisboa, I.A.N./T.T. M.N.E., Correspondencia de D. Luis da Cunha, C. 952 (fls. 1–16)

¹⁹ АВПРИ, ф. 73, оп. 1, д. 9, л. 2–15

вета компании Алту Дуэру, которое получило название Дом португальской торговли. В 1782 году в Кронштадте учреждается должность португальского экспедитора, ведавшего доставкой товаров из этого порта в С.-Петербург. Там же открывается и госпиталь для португальских моряков, который являлся тогда единственным лечебным заведением для иностранных моряков в этом порту. В декабре того же года в С.-Петербурге создается фактория португальских купцов, обосновавшихся в российской столице.

Португальский посланник в С.-Петербурге Франсишко Жозе Орта Машадо за 20 лет своего пребывания в России внес огромный вклад в развитие отношений между нашими странами: были учреждены консульства и подготовлены договоры между Португалией и Россией, в частности Договор о вооруженном нейтралитете (1782 год), который устанавливал режим свободного мореплавания для кораблей с неконтрабандным грузом, и в развитие этого – Морская конвенция для охранения свободы нейтрального торгового мореплавания (1782 год). В Морской конвенции, подписанной со стороны России вице-канцлером графом И. Остерманом, а со стороны Португалии – Ортой Машадо, подчеркивалось, что обе «Высокие Договаривающиеся Стороны будут соблюдать точнейший нейтралитет и надзирать за строжайшим исполнением запрещений, учиненных относительно торговли обоюдных их подданных заповедными товарами»²⁰.

Важнейшей задачей российской и португальской дипломатии в 80-х годах XVIII века оставалась подготовка торгового договора между двумя странами. Обе стороны детально и скрупулезно изучали предложения друг друга, привлекали экспертов к оценке перспектив планировавшегося товарообмена, настойчиво отстаивали в дискуссиях свои позиции, о чем свидетельствуют многочисленные российские и португальские архивные документы. Итогом этой многолетней работы и крупным событием в истории российско-португальских отношений стал долгожданный Договор о дружбе, торговле и мореплавании, подписанный 9 (20) декабря 1787 года²¹ с российской стороны Остерманом и действительным тайным советником А. Воронцовым, а с португальской – Ортой Машадо. В этом документе из 41 статьи, который активно предлагался Россией к разработке и заключению на протяжении почти 50 лет дипломатических переговоров, констатировалось, что обе державы обязуются «как за себя, так и за всех своих подданных без изъятия». Они обязуются поступать «взаимно во всех случаях дружески как на море, на сухом пути и на пресных водах, помогая взаимно всякого рода добрыми услугами, особливо в том, что может касаться до плавания и торговли. Устанавливались льготные таможенные пошлины: со всех вин, произражения португальского, островов Мадейры или Азорских, привозимых в Россию на российских или португальских судах. Ее Величество императрица согласна, чтобы португальские корабли привозили ежегодно в Ригу или Ревель по 6 тыс. ластов (1 ласт = 2 т) соли, платя только половину пошлины. По договору из России в Португалию разрешалось везти доски, мачтовый лес, льняное масло, железные обручи, ядра, пушки, а из Португалии в Россию – бразильские индиго и молотый табак, португальские товары.

Оговаривалось право сторон учреждать посты генеральных консулов, консулов и вице-консулов, португальским купцам даровалось право уплачивать пошлины во всей Российской империи «российскою ходячею монетою», что ставило их в одинаковое положение с русскими купцами; закреплялось снижение пошлин на португальские вина, установленное в 1766 году, объявлялось о половинном снижении пошлин на оговоренное количество португальской соли, импортируемой в Ригу и Ревель, а также на традиционные товары русского и португальского экспорта, доставлявшиеся на национальных судах обеих стран. Устанавливались особые привилегии для купцов той и другой стороны, поселившихся в С.-Петербурге, Москве, Архангельске, Лиссабоне, Порту, Сетубале. Кроме того, российским купцам, обосновавшимся в Португалии, предоставлялось право пользоваться преимуществом в судопроизводстве, как оно «наблюдается в пользу английской нации». Ряд статей закреплял достигнутые ранее договоренности о морском вооруженном нейтралитете. Договор 1787 года, заключенный на 12 лет, стал базовым договорно-правовым актом в системе российско-португальских отношений.

От торгового договора к обеспечению совместной безопасности

Жизнь доказала взаимную выгоду прямой торговли и по истечении срока действия договора 1787 года. 16 (27) декабря 1798 года Россия и Португалия подписали новый договор²², ко-

²⁰ АВПРИ, ф.163, оп.2, д.293, л.1–5 об.

²¹ АВПРИ, ф.163, оп.2, д.294, л. 2–20 об.

²² АВПРИ, ф.163, оп.2, д.296, л. 2–20 об

торый, как писал спустя четыре дня император Павел I в своем рескрипте посланнику России в Лиссабоне Х. Рехтерену, основывался «на правилах прежде существовавшего, с теми только отменами, кои сообразимы быть должны с разными новыми в империи нашей распоряжениями»²³.

Действительно, в него была важная правка, касавшаяся статуса военных кораблей (ст.15–17). В ст. 15 указывалось: «Военным кораблям обеих союзных держав будут во взаимных государствах свободны и отверсты рейды, реки, порты и пристани для входа или выхода и стояния тамо на якорях, сколько им нужно будет, не подвергаясь никакому осмотру только бы они сообразовались общим законам благочиния и предписаниям карантинным, во взаимных государствах учрежденным», Заключительная статья определяла срок действия договора - стороны «соглашаются между собою, чтоб настоящий таковой договор продолжался двенадцать лет, считая от окончившегося срока прежнего договора, заключенного в 9/20 день 1787 года» (ст. 37).

Договоры о дружбе, торговле и мореплавании 1787 и 1798 годов, вобравшие в себя позитивный опыт развития российско-португальских отношений, стали благоприятной основой для формирования в целом климата двусторонних отношений, в том числе и во многих других областях. Этому способствовало и то обстоятельство, что отношения России и Португалии продолжали оставаться свободными от каких-либо противоречий, взаимных претензий, элементов конфликтности, и обе страны неоднократно демонстрировали примеры симпатии, доброжелательства и солидарности между своими народами. В Португалии с пониманием относились к объективной заинтересованности России в ее портах: там русские торговые и военные корабли могли укрываться от штормов, производился их ремонт, пополнялись запасы воды и продовольствия. Это открывало России возможность активнее развивать свои торговые связи с другими странами и надежнее защищать свои интересы в Атлантике и средиземноморском бассейне.

К концу XVIII столетия основным фактором европейской политики стал новый постреволюционный режим во Франции. Россия вошла в антифранцузскую коалицию, и русское правительство старалось влиять на европейские государства, в том числе и через лиссабонский двор. В декабре 1798 года в рескрипте русскому посланнику в Португалии Рехтерену император Павел I предписывал довести до сведения государственного секретаря Л. Пинту де Соузы, что он желал бы, чтобы Португалия предприняла усилия к тому, чтобы разрушить союз Испании и Франции²⁴.

В ответной депеше португальское правительство поручило своему посланнику сообщить, что королева, «желая дальнейшего укрепления связей, которые уже соединяют ее с российским двором, хотела бы не ограничивать их лишь простыми торговыми сношениями. Прежде всего она желала бы заключить с российским двором союзный оборонительный договор на срок, который будет определен сторонами, постольку поскольку российский двор не имеет обыкновения заключать бессрочные договоры на вечные времена. В связи с этим ее в-во повелевает, чтобы Вы дали знать российскому правительству о ее королевских намерениях и желаниях и настоятельно испросили у него ответ, который бы позволил начать переговоры»²⁵.

В июле 1799 года Россия разорвала отношения с Испанией и объявила ей войну. Принимая во внимание угрозу, которую представляла Испания для своей соседки, и стремясь сохранить с ней отношения дружбы, Россия пошла на подписание осенью 1799 года Союзного оборонительного договора между Россией и Португалией²⁶.

Договор предусматривал обязательство сторон «оказывать взаимную помощь на суше и на море в случае неприятельского нападения». По нему португальская сторона брала обязательство, что в случае просьбы «она немедленно отправит к нему эскадру в шести военных судах, а именно: пять кораблей от 64 до 74 пушек, и сия эскадра будет надлежащим образом для войны снаряжена». Россия, со своей стороны готова направить «шесть тыс. человек пехоты» (ст. 4).

Хотя этот договор не нашел практического применения в крайне сложной и противоречивой военно-политической обстановке в Европе в начале XIX века, он подтвердил, что Россия стремилась в меру возможностей оказывать дипломатическую поддержку усилиям Португалии, пытавшейся удержаться в стороне от военного противоборства великих держав.

²³ АВПРИ, ф. 73, оп. 1, д. 9, л. 236–237

²⁴ АВПРИ, ф.73, оп.1, д.9, л. 236–237

²⁵ Lisboa, I.A.N./T.T., M.N.E., D.L.P., Livro 109 (ff.259)

²⁶ АВПРИ, ф.163, оп.2, д.297, л. 1–13

Вместо заключения

Российско-португальские отношения XVIII века – наиболее насыщенный период двустороннего взаимодействия – остается малоизученной темой как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Число трудов, специально посвященных данной проблеме, невелико. Отношения с Португалией в России и с Россией в Португалии никогда не считались приоритетом внешней политики и были обойдены вниманием историков. Лишь под влиянием апрельских событий 1974 года – «революции гвоздик» – произошел определенный всплеск интереса к Португалии. Оживилась научно-исследовательская работа по различным аспектам российско-португальских отношений – истокам их установления и сложившимся в XVIII–XIX веках традициям, оценке роли выдающихся личностей обеих сторон в становлении двустороннего сотрудничества. Однако распад Советского Союза и поиск Россией своего места в меняющемся мире вновь незаслуженно отдалил португальские сюжеты на задний план.

Литература

1. Россия-Португалия: XVIII – начало XX века. Том 1, 1722–1815. Сборник документов. – М., 2007, 941 с.
2. Альперович М. С. У истоков русско-португальских отношений (вторая половина XVIII – начало XIX века) // Новая и новейшая история. 1988. № 1. С. 65–82.
3. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3. – М.: Комиссия печатания государственных грамот и договоров при Московском Главном Архиве МИД. 1897. 319 с.
4. Комиссаров Б. Н., Божкова С. Г. Российские дипломаты и консулы в Португалии в последней трети XVIII – начале XX века // Мир Лузофонии. Материалы международной научной конференции (15–17 октября 1998 г.). – СПб.: Издательство СПбГУ. 2001. С. 213–230.
5. Фомичев П. Е. Российско-португальские торгово-экономические отношения в XVIII – начале XIX века // Латинская Америка. 2003. № 8. С. 69–76.
6. Фомичев П. Е. Российско-португальские торгово-экономические и дипломатические отношения в XVIII – начале XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук : 07.00.15. – СПб., 2005. 179 с. РГБ ОД, 61:05-7/1172.
7. Brandao F. C. de. A politica externa portuguesa e aliança defensiva de 1799 com a Russia. Lisboa. 1985. A politica externa portuguesa e alianca defensiva de 1799 com. a Russia. – Lisboa. Heuris. 1985. 40 p.
8. Carvallio Romulo de. As relates entre Portugal e a Russia no seculo XVIII. – Lisboa. Sa da Costa Editora. 1979. 274 p.
9. Marques A. H. History of Portugal. Vol. I. – N.-Y.-L. Columbia Univ. Press. 1972.52; Ogg D. Europe of the Aacien Regime. 1715 1783. – Glasgow. William Colins and sons. Co Ltd. 1978. 384 p.
10. Payne A., Stanley G. A history of Spain and Portugal. Vol. II. – The University of Wisconsin Press. 1976. 712 p.
11. Rougle W. P. As relações luso-russas atraves da imprensa portuguesa no seculo XVIII. – Lisboa. Academia das ciencias de Lisboa. Institute de altos estudos. 1979. 85 p.

Sanchez-Andrés, Antonio
Universidad de Valencia, España

La política energética en España: el caso del sector de la electricidad

Resumen: *En este artículo se analiza la política eléctrica reciente en España. En primer lugar se estudia cómo se establecieron los objetivos, después, se explica el diseño y finalmente se ponen de manifiesto los resultados. El artículo se concluye evaluando los resultados obtenidos, teniendo como referencia los objetivos inicialmente establecidos y también los costes de las políticas aplicadas*

Palabras clave: *Política económica, política energética, electricidad, España.*

Sanchez-Andrés, Antonio The energy policy in Spain: the case of the sector of the electricity

Abstract: *In this article the recent electricity policy in Spain is analysed. Firstly, the paper study how the goals were established, afterword it explains the design of the economic policy and finally their results are highlighted. The article concludes by evaluating the results obtained, with reference to the initially established objectives and also the costs of the policies implemented*

Keywords: *Economic policy, energy policy, electricity, Spain.*

La energía es la base para el funcionamiento y desarrollo de cualquier economía. Por este motivo, la política energética es siempre un ámbito estratégico en cada país, aunque, como con frecuencia se trata de una actividad productiva bastante específica y técnica, se le presta poca atención. Dentro de ésta existen varios tipos de energías, que al presentar diversas naturalezas, tienen asociadas políticas específicas muy distintas. En el caso de España, la electricidad ha caído en el centro del debate político, presenta un fuerte impacto sobre la opinión pública y ha sido una de las políticas sectoriales centrales de la agenda del gobierno. Desde este punto de vista contrasta con aquello que ha ocurrido con los combustibles líquidos y con el gas natural. De hecho, esta energía se ha encontrado durante toda la legislatura del Partido Popular (PP) (2012–2015) en un primer plano dentro de las actividades del gobierno.

En este trabajo se prestará atención a la energía eléctrica que, a la sazón, tiene expectativas de ir aumentando su importancia dentro de las economías avanzadas. En primer lugar, se expondrán los problemas en el sector eléctrico y los objetivos de la política económica a través del examen de la configuración de la agenda del gobierno en este ámbito. En segundo lugar, se examinará el diseño de la política energética a través del análisis de las principales legislaciones aprobadas por el gobierno. En tercer lugar, se avanzarán una evaluación de la política económica a través de la comparación entre los objetivos perseguidos y los resultados alcanzados. Se concluirá con un reflexión sobre la necesidad de replantearse la política energética para evitar el colapso energético del país.

1. La formación de la agenda: problemas y objetivos en la política sobre electricidad

En el programa electoral del Partido Popular se le concede una prioridad especial al ámbito energético (Partido Popular, 2011, 45–46) y se asumen como propios los objetivos planteados desde la Unión Europea (Navarrete, 2011 y Marín, 2013): sostenibilidad, competitividad y seguridad en el abastecimiento. En este ámbito, se destaca el problema serio de dependencia externa de la economía española, que se pretende resolver a través del fomento en el ahorro energético y el desarrollo de las energías renovables. Además se constata el impacto positivo de estas últimas sobre la reducción en las emisiones. En cuanto

a la competitividad se pretende alcanzar mediante la liberalización y el reforzamiento de la competencia en los mercados energéticos. Estos objetivos se han ratificado, posteriormente, cuando se ha aprobado una de las piezas clave de la política sobre electricidad del gobierno del PP, es decir, la nueva Ley 24/2013, de 26 de diciembre, del Sector Eléctrico.

No obstante, los anteriores objetivos se matizaron aludiendo a la necesidad de que el sistema eléctrico fuese sostenible económicamente, se redujesen los costes y se luchase contra el déficit de tarifa. De esta manera, los problemas financieros pasaron a un primer plano. Los desequilibrios entre los ingresos y los costes reconocidos en el sistema eléctrico empezaron en 2000 y se descontrolaron a partir de 2005. Cuando el gobierno llegó al poder en 2011 tuvo lugar un déficit de tarifa de 3.850 millones de euros y en términos acumulados alcanzó casi los 30 mil millones de euros, es decir, cerca de un 3 % del PIB de ese año. Así pues, los desequilibrios financieros se habían transformado en estructurales, amenazaban con colapsar el sistema eléctrico español y se estaban transformando en un problema macroeconómico para el país. En este sentido se puede entender la elevación en la prioridad de la lucha contra el déficit tarifario dentro de la política económica del gobierno

Cuadro-1. Evolución del déficit de tarifa, 2000-11
(en millones de euros)

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Déficit anual	289	100	1149	0	0	3830	3046	1223	5819	4616	5553	3850
Déficit Acumulado	289	389	1538	1538	1538	5368	8414	9637	15456	20072	25625	29475

Fuente: Sevillano (<http://javiersevillano.es/DeficitTarifa.htm>) (consultado el 1 de agosto de 2016).

En este contexto la tarifa eléctrica pasó a un primer plano dentro de la política energética del gobierno. Dentro de ésta se pueden distinguir dos componentes, en primer lugar, el precio de la generación de la energía y, en segundo lugar, otros costes, que tradicionalmente han significado aproximadamente la mitad de la tarifa cada uno de ellos. Dentro de ésta última parte se puede distinguir un primer segmento eléctrico que corresponde a los costes de hacer llegar la energía eléctrica a los consumidores (transporte y distribución eléctricas), también conocido como peajes; el segundo segmentos son “costas” que se encuentran vinculadas a otros aspectos más o menos relacionadas con la electricidad. Dentro de este segmento se encuentran subvenciones a inversiones, bien relacionadas con energía convencional (por ejemplo las destinadas a la construcción de centrales eléctricas de ciclo combinado), bien con energías renovables (en este caso adoptan el nombre de primas), apoyos financieros sobre seguridad de suministro (capacidades eléctricas preparadas para ser utilizadas), pagos por uso de combustibles especiales (ayudas al carbón) o a tratamiento de residuos (energía nuclear), ayudas por cambios en el sistema eléctrico (costes de transición a la competencia), subvenciones a población vulnerable (bono social) o impuestos (López, 2004; Beato, 2005; Nieto y Solá, 2005; y Beato y Delgado, 2007) .

Sin embargo, desde el principio el gobierno excluyó cambios en todos los componentes de la tarifa y concentró su atención en la segunda parte. Además, se decidió no reformar la formación del precio de la generación de la energía y se seguiría utilizando el sistema marginalista por el que el coste de la energía más cara introducida en el sistema para cubrir la demanda es el que se aplica para retribuir a todas las puestas en juego generando unas sobrerentas (sobrecostes) a las energías de origen nuclear e hidráulica (Blázquez, 2011). Así pues, el gobierno asumió como objetivo principal de la política en el sector eléctrico la reducción muy sui generis en el déficit de tarifa, puesto que pretendió comprimir una parte de los costes, eximiendo a priori a la otra. A esta característica se le ha de añadir que no se cuestionó la propia tarifa en sí misma, consistente en una diferencia entre costes “reconocidos” en el abastecimiento de la electricidad (no reales) y los pagos efectivos que realiza el consumidor, de manera que el déficit no es real, sino virtual.

Según el gobierno, los costes deberían repartirse entre todos los agentes implicados y no sólo concentrarse en los consumidores. Estas afirmaciones fueron apuntadas reiteradamente tanto por el presidente del Gobierno, Mariano Rajoy, como por el Ministro de Industria, Energía y Turismo, José Manuel Soria (Jorge Fabra, 2012). Sin embargo, este subobjetivo aparecía cuestionado desde un principio por la decisión previa de excluir de los ajustes a una parte (la mitad) de los componentes de la tarifa.

2. El diseño de la política eléctrica

La reforma en el sector eléctrico se inició en marzo de 2012, pero como su pretensión formal era una adaptación de la legislación española a la comunitaria, se indicó que la reforma auténtica se acometería posteriormente. De hecho, en la segunda parte de ese año se avanzaron unos cambios que fueron completados a finales de 2012 y principios de 2013. Finalmente en verano de 2013 se volvió a acometer la actividad reformadora que se extendería hasta mediados de 2014.

La **primera fase** (RDL 13/2012) de la reforma supuso el aumento en la tarifa eléctrica en 1.382 millones de euros y la reducción en retribuciones procedentes de la tarifa equivalentes a 1.764 millones de euros. Los principales recortes recaerían sobre las empresas distribuidoras de energía (que aportaron un 39 % sobre el conjunto) y en los remanentes que tenía el Instituto de Diversificación y Ahorro Energético (significaron un 35 % del volumen de los ajustes). Mientras tanto, las empresas generadoras de energía eléctricas cargarían con unos costes de un 5 % (Monforte, 2012).

La **segunda fase** de la reforma, a pesar de las expectativas apuntadas durante medio año, se limitó, tal como apunta el mismo título de la legislación, a un cambio impositivo. Esta norma creó 3 impuestos especiales: uno del 6 % sobre el valor total de la producción de todo tipo de energía eléctrica, junto con dos impuestos a la energía nuclear, uno que graba la producción por el combustible gastado y otro asociado al almacenamiento de los residuos radioactivos. Además se consideró un canon hidráulico por el uso de agua en centrales hidráulicas y se implantó un impuesto adicional por el uso del gas y el carbón, al tiempo que se eliminaron las exenciones al gasóleo y al fuel para producir electricidad (Ley 15/2012).

A finales de 2012 comenzó la discusión de un nuevo paquete de medidas que inició la **tercera fase** en los cambios en este sector (RDL, 29/2012). Este tenía de trasfondo la ausencia de resultados en cuanto a doblar el déficit y con los agravantes, en primer lugar, de que el déficit de tarifa superaría el techo legal de los 1.500 millones que se podía generar en 2012 (se estimaba que superaría los 4.000 millones) y, en segundo lugar, y tal como se había aprobado en 2009, los ingresos de la electricidad tenían que igualar a los costes en 2013. Por este motivo, el nuevo paquete de medidas significó un aumento en el impuesto sobre la generación de la energía eléctrica, equivalente a un 7 %. Además, el presupuesto público participaría en mayor grado en los gastos del sistema eléctrico y, en concreto, cubriría parte de las primas correspondientes al régimen especial de energía (dentro de las que se encuentran las energías renovables), al tiempo que financiaría los costes energéticos de los sistemas extrapeninsulares (*Cinco Días*, 13 diciembre de 2002).

Los cambios iniciados en diciembre de 2012 se complementaron con otra batería de medidas aprobada a principios de febrero de 2013 (RDL, 2/2013). Esta política concentró su atención en las primas a las energías no convencionales y pretendieron reducir las asignaciones financieras (primas) que les correspondían, concretándose en un ahorro de unos 600–800 millones de euros. En primer lugar, las primas se actualizarían no con referencia al IPC, sino respecto al IPC subyacente a impuestos constantes. Así pues, en ese año, la actualización de las primas no crecería un 3,5 %, sino un 0,47 %. De esta manera, se iría reduciendo el valor de las primas y, en especial, las relativas a las energía renovables (se estimaba un ahorro de 340 millones de euros). En segundo lugar, las renovables que optasen por volcar la energía en el mercado liberalizado quedarían privadas de la prima, de manera que se ahorraría entre 250 y 500 millones de euros (El País, 1 de febrero de 2013).

Esta fase presenta una prolongación en una normativa adicional aprobada en marzo de 2013 y que trataba de afrontar parte de los problemas vinculados a los costes extrapeninsulares de la tarifa eléctrica. En concreto, las medidas pretendían renovar algunas centrales eléctricas antiguas, establecer un nuevo sistema de cálculo del precio del combustible para la generación de la energía eléctrica o poner en marcha dos regasificadoras (Gran Canaria y Tenerife), de manera que se utilizasen centrales de gas en lugar de otras de fuel. De este modo se pretendía ahorrar finalmente 440 millones de euros. No obstante, como no queda claro el futuro acerca de quién debe asumir los costes adicionales eléctricos de las zonas no peninsulares (por impuestos o a través de la tarifa eléctrica), aparecía una amenaza clara de que finalmente acabasen siendo incorporados como déficit de tarifa (en 2013 ascendían a 1.755 millones de euros).

Aún así, después de estas reformas, en 2013, el Ministerio preveía unos costes del sistema de 20.696 millones de euros y unos ingresos de 14.077 millones de euros, generándose un déficit de tarifa de 6.619 millones de euros. Por este motivo el gobierno previó la aprobación de una reforma de gran alcance antes del verano: la Ley de Reforma de *Ley del Sector Eléctrico*.

La cuarta fase de la reforma energética tiene su núcleo en la Ley de Sector Eléctrico aprobada en diciembre de 2013 (Ley, 24/2013). Pero ésta se inicia en el mes de julio, momento en que, por un lado, se aprobó un paquete de medidas para estabilizar el ámbito financiero del sector eléctrico (RDL, 9/2013) y, por otro lado, apareció un borrador de la mencionada ley. Esta fase se extenderá hasta finales de la legislatura como consecuencia de la necesidad de desarrollar aspectos de la Ley del Sector Eléctrico y de dar respues-

ta a los problemas aparecidos con la última subasta de energía de diciembre de 2013.

La legislación aprobada en julio de 2013 concentró su atención en la reducción en los pagos (retribuciones) a las distintas energías que participaban en el sistema eléctrico. En primer lugar, destacó el cambio en la retribución a las energías renovables, que en lugar de tomar como referencia la potencia instalada consideró los costes de la rentabilidad de una empresa estándar (“empresa eficiente y bien gestionada”), haciendo equivalente ese valor a la rentabilidad de los bonos del tesoro a 10 años, añadiéndole 300 puntos básicos, es decir, que se quedaría, aproximadamente, en torno a un 7,5 %. Esta medida supone la eliminación de la distinción de generación de energía entre régimen ordinario y especial. En segundo lugar, se cambió también la rentabilidad de las redes de distribución y transporte, que pasaría a tener un nivel de un 6,5 %. En tercer lugar, se introdujeron recortes en los pagos por mantenimiento de capacidad eléctrica susceptible de ser movilizada. En cuarto lugar, se siguió asumiendo que los sistemas eléctricos extrapeninsulares padeciesen unos costes superiores, que deberían ser cubiertos parcialmente por la tarifa y el resto con flujos procedentes de los Presupuestos Generales del Estado. Adicionalmente, se introdujo un periodo base de referencia de 6 años al que se referirán las regulaciones eléctricas y, en especial, las correspondientes a los costes e ingresos del sistema eléctrico. No obstante, en caso de que apareciese déficit de tarifa se contemplaría la posibilidad de revisar automáticamente los diversos componentes de los peajes y cargos. Finalmente se cambió el concepto de bono social y el autoconsumo.

Las medidas de julio pretendían distribuir el desajuste financiero que se estaba generando en el sistema eléctrico equivalente a 4.500 millones de euros. De estos, 1.500–1.600 millones se atribuían a las energías renovables; 100–150 al segmento del transporte; 850–700 millones a la distribución; y 200 millones a subvención a la reserva de capacidad. Mientras tanto, el Presupuesto del Estado aportaría 900 millones de euros y se acrecentaría la factura de la luz en otros 900 millones (a través de un aumento en los peajes del 6,5 %, que se transmitía a la factura en un 3,2 %, que fue el crecimiento en la factura a partir de julio) (*El País*, 12 de julio de 2013; *El País*, 15 de julio de 2013; *Cinco Días*, 17 de julio de 2013; y *El País*, 24 de julio de 2013). En estas condiciones, las energías renovables cargarían con un tercio del coste, las energías tradicionales, en primera aproximación, con un 20 % a través de la distribución o las reducciones en las subvenciones por disponer de capacidad eléctrica susceptible de ser utilizada, mientras que los ciudadanos, a través de los impuestos o del consumo, pagarían el 40 % de los costes.

En este paquete de reformas se incluyeron restricciones adicionales para poder acceder al bono social, que reducirían los beneficiarios a la mitad, pudiendo comprimir esa partida por debajo de los 200 millones que suponía hasta ese momento. Adicionalmente, se asumía que serían las cinco grandes compañías integradas verticalmente las que pagarán el mencionado bono y que, de esta manera, sería transmitido a la mayor parte del sistema (*Cinco Días*, 13 de julio de 2013 y *Cinco Días*, 19 de julio de 2013).

También debe destacarse una primera regulación del autoconsumo de energía a partir de energías renovables, en especial las fotovoltaicas. En este sentido se estableció la creación de un registro de consumidores que realizasen estas actividades para poder habilitar un régimen económico especial. En definitiva, aquello que planteó la nueva legislación fue que las actividades de autoconsumo pasasen a pagar peajes al sistema eléctrico (peaje de respaldo). De hecho, posteriormente, en la Ley de Sector Eléctrico de 26 de diciembre de 2013, en su artículo 9, apunta la obligación de que todas las modalidades de autoconsumo eléctrico paguen un peaje de respaldo. Esta normativa fue desarrollada en verano de 2015 y aprobada en octubre de ese año. Ahí se ratificó el peaje de respaldo y además una serie de condiciones adicionales que transformaban en muy costoso el establecimiento del autoconsumo eléctrico, como se trataba de que la energía que se abocase a la red no tuviese contraprestaciones económicas, la imposibilidad de acogerse a bono social, la obligatoriedad de realización de estudios específicos de cómo conectarse a la red y la aprobación de un prolijo sistema de multas para aquellos que no observen la normativa legal (RDL 900/2015). Vale la pena poner de manifiesto que junto a la normativa anterior el gobierno empezó a diseñar una legislación para gravar las baterías de almacenamiento de energía eléctrica que daban autonomía al autoconsumo (*El País*, 8 de junio de 2015).

Quizá otra de las medidas relevantes adoptadas fue el cambio en la ponderación entre la potencia contratada y el consumo de energía dentro de la factura de los consumidores. En concreto, durante los primeros años de la legislatura, el precio de la electricidad la primera partida significaba un 35 %, mientras que la segunda un 65 %, pero a principios de 2014, estos pesos se habían invertido (*El País*, 4 de febrero de 2014).

Finalmente debe destacarse la eliminación de las subastas trimestrales de energía, que servían de referencia para la determinación de los precios de la electricidad a los consumidores. A partir de abril de 2014, el precio al consumidor dependería del correspondiente al del mercado diario de la electricidad (RDL 216/2014 y *Cinco Días*, 10 de marzo de 2014).

3. Resultados de la política eléctrica

El primer y gran objetivo del gobierno ha sido eliminar el déficit tarifario, tal como se reiteró prácticamente desde el principio de la legislatura. La política energética aplicada durante 2012 presu- mía un impacto de unos 8.400 millones de euros sobre los flujos financieros del sistema eléctrico, unos 3.200 millones derivados de las medidas de marzo y unos 5.200 millones de las de septiembre. Así pues, estas medidas, junto con las adoptadas durante el año siguiente, debían haber eliminado el déficit tarifario en 2012, y consolidado esta situación en 2013 y 2014. Sin embargo, mientras que en 2011 el déficit de tarifa registrado fue de 3.850 millones de euros, en 2012 aún subió más todavía hasta alcanzar los 5.609 millones de euros. A partir de ese momento sí se fue reduciendo este desequilibrio. En 2013 se registró un déficit de 3540 millones de euros, pero, a partir de ese momento, se consiguieron superávits tarifarios de 550 millo- nes y 251 millones de euros en 2014 y 2015 respectivamente.

Cuadro-2. Resultados de la política económica sobre el déficit de tarifa, 2012–15
(en millones de euros)

	2012	2013	2014	2015
Déficit anual	5609	3540	-550	-251 (*)
Déficit Acumulado	35084	38624	38075	37823

(*): Dato provisional.

Nota: las cifras en negativo son superávit tarifario

Fuente: Sevillano (<http://javiersevillano.es/DeficitTarifa.htm>) (consultado el 1 de agosto de 2016), Cinco Días, 25 de abril de 2016 y Cinco Días, 27 de mayo de 2016).

Sobre la distribución equitativa del ajuste del déficit tarifario, el gobierno previó que, en la primera fase, los consumidores asumirían el 45 % de los costes y las compañías eléctricas tradicionales el 25 % (esencial- mente a través de sus secciones de distribución de energía). En las segunda fase, la mayor parte del coste recaería sobre las empresas eléctricas a través del impuesto sobre generación eléctrica. Posteriormente, las medidas de julio de 2013 serían soportadas en un 40 % por los consumidores, en un 33 % por las energías renovables y en un 20% por las compañías de energía tradicionales. Sin embargo, la distribución final de los costes entre los agentes participantes correspondientes a la primera fase de las reformas se puede estimar de la siguiente manera: un 8% ha recaído sobre las compañías generadoras de energía eléctrica, otro 8% sobre las compañías de distribución y más del 70 % sobre los consumidores finales (familias y empresas) (RDL, 20/2012). En particular, y a título de indicador del reparto de costes de la reforma, se puede destacar la consideración del anterior presidente de Red Eléctrica Española, que afirmaba que el 80 % de los impuestos que constituían la segunda fase de reformas recaería sobre los consumidores (El País, 30 de octubre de 2012). Esta transmisión de los costes (impuestos) queda patente cuando se considera que, a finales de 2012, cuando quedó clara la aplicación de una tasa sobre el precio de la electricidad de un 6%, entonces en la subasta de energía de diciembre de 2012 se trasladó el impuesto a los precios y la tarifa se acrecentó en un 3 % (aproximadamente la mitad de la tarifa proviene de la energía eléctrica generada). Una situación similar tuvo lugar con la última subasta de 2013, anulada finalmente por las autoridades.

Asumiendo que los objetivos del gobierno en su política sobre la electricidad era reducir el déficit de tarifa y distribuir los costes entre todos los agentes del sistema, la efectividad en su ejecución es cuestio- nable. Las medidas aplicadas por el gobierno ha presentado serios problemas para eliminar el déficit de tarifa, aunque sí hay que reconocer que se consiguió en los dos últimos años. Sin embargo, a pesar de las afirmaciones iniciales del presidente del gobierno y del ministro del ramo, los costes de la reforma se han concentrado mayoritariamente sobre los consumidores finales (familias y empresas), a través de aumentos en las tarifas y acrecentamiento en impuestos pagados en última instancia por los propios consumidores. En términos también distributivos vale la pena señalar la concentración de los costes en las empresas generadoras de energías renovables y las exclusión casi total del ajuste de las productoras de energía tradi- cionales (Sánchez, 2014).

El fracaso en la consecución del segundo objetivo mencionado se explica en que el gobierno no ha pres- tado ninguna atención a los efectos redistributivos de sus medidas, aspecto que remite a una concepción estática del diseño de la política económica. Pero, por añadidura, los límites en conseguir una distribución “equitativa” de los costes también remite a la estrechez con que se ha definido el objetivo de estabilidad financiera de reducir el déficit de tarifa, es decir, excluyendo la generación de la electricidad del ajuste. Con esta presunción se asumía que la fijación marginalista de precios y las estructuras integradas de las em-

presas de las cinco grandes empresas no tenían un impacto sobre el déficit de tarifa (Sallé, 2012; Montes, 2012; y Fabra y Fabra, 2010).

Este último aspecto pone de relieve los problemas en la configuración de la agenda gubernamental, cuyos objetivos sólo pueden alcanzarse parcialmente mientras que no incluya otros, como el estímulo de la competencia (y, en particular, la liquidación de la fijación marginalista de precios en el mercado mayorista y la desintegración vertical de las empresas eléctricas). Es decir, mientras que los costes considerados no se ajusten más a los reales y no a los “virtuales”, y se rompa el carácter oligopolista en el mercado mayorista, la tarifa estará sometida a fuertes tensiones especulativas (Fabra y Fabra, 2010).

En cuanto al objetivo de ahorro energético, las medidas adoptadas obstaculizan su consecución. En concreto, a finales de 2012 se discutió la creación de una tarifa especial en la factura de la luz por la que los consumidores pagarían un coste sobre la luz más que proporcional conforme aumentase su volumen consumido de este recurso. Sin embargo, nunca se llegó a introducir. En un sentido opuesto durante el año 2013, en las distintas normativas sobre peajes eléctricos se fue cambiando la ponderación en la factura de los consumidores del peso asignado a la potencia contratada y la electricidad consumida en detrimento de esta última. De esta forma, el interés de los consumidores por introducir medidas de ahorro energético quedó prácticamente anulado (El País, 4 de febrero de 2014 y ABC, 4 de febrero de 2014).

Relacionadas con las medidas anteriores se encuentran las que han afectado al autoconsumo de energía. El autoconsumo significa la instalación por parte de los propios consumidores de energías renovables. Con la nueva normativa, estas iniciativas deben pagar unos peajes adicionales (de respaldo) que las transforman en absolutamente no rentables. Así pues, se aboca a los consumidores a adquirir la electricidad por las vías ortodoxas y se cierra una opción alternativa a las grandes empresas en la generación de energía. Así pues, esta medida refuerza la dependencia exterior, limita la competencia en el mercado de la electricidad y frena la eficiencia (ahorro) energética, tal como apuntó la Comisión Nacional de Energía y la Comisión Nacional de Competencia (ABC, 16 de septiembre de 2013 y ABC, 29 de septiembre de 2013), contraviniendo todos los grandes objetivos marco de la política energética que inicialmente se planteaba el gobierno (ABC, 22 de agosto de 2013).

Finalmente, vale la pena aludir a la reciente eliminación de las subastas trimestrales de electricidad que determinaban el precio de este tipo de energía para los consumidores. El problema de la mencionada reforma es que no ha alterado la estructura oligopolista en la oferta (generación de energía eléctrica) y en la demanda al por mayor (estando ambos componentes controlados en su 95 % por las 5 grandes compañías eléctricas), así como en la formación de los precios en la electricidad producida (sistema marginalista). Por este motivo, no es previsible que aparezcan cambios esenciales en los precios. No obstante, en esta reforma más que su impacto económico destaca su repercusión política. En concreto, hasta 2013, cada trimestre se transmitía abiertamente a la población las subidas en los precios de la electricidad y los problemas en el déficit tarifario, con el consiguiente deterioro de la imagen pública del gobierno. A partir de ahora, la ausencia de las subastas de energía (CESUR) evitará este efecto negativo, aunque el problema económico seguirá existiendo (Natalia Fabra, 2012).

5. Conclusión

La política energética en el sector de la electricidad se ha caracterizado por una estrechez de miras en la configuración de la agenda, desdeñando una parte sustancial de los objetivos estratégicos y dejando a la deriva una parte relevante de los problemas energéticos-eléctricos españoles. Esta perspectiva ha condicionado el diseño de la política establecida que, en el momento de su ejecución, ha puesto de relieve serios problemas en casar los objetivos con los instrumentos establecidos. Es decir, el gobierno ha presentado un visible incapacidad de “manipulabilidad” de la política eléctrica, como queda visible en el descontrol sobre el déficit de tarifa y el incumplimiento del resto de objetivos “secundarios”.

Los objetivos establecidos y las políticas diseñadas no han considerado la redistribución de los costes de los ajustes perseguidos, que se han concentrado en los consumidores (familias y empresas) y en las empresas generadoras de energías nuevas renovables al tiempo que se han protegido a las pocas empresas de generación de electricidad tradicional. Por un lado, al cargar los costes sobre las empresas se limita su capacidad de competitividad de éstas y se limita la fuerza de este motor impulsor para salir de la crisis actual. En el mismo ámbito, al aumentar las cargas sobre los ciudadanos (precio de la electricidad e impuestos), se restringe la demanda agregada creando problemas adicionales para la recuperación económica. Por otro lado, las beneficiarias de las reformas han sido las empresas de energía eléctrica tradicionales en dos ámbitos. En primer lugar, han conseguido proteger sus ingresos, pero con la peculiaridad de que con frecuencia se están transformado en inversiones en el extranjero, suponiendo una succión de demanda interna en

España que obstaculiza el crecimiento económico sostenido. En segundo lugar, los frenos al desarrollo al autoconsumo, consiguen mantener para ellas a España como un mercado, con un nivel de competencia muy reducido. Como resultado de esta última consideración, los precios en España seguirán siendo de los más elevados de la Unión Europea, además de que se mantendrá la fuerte dependencia externa con la consiguiente falta de seguridad político-económica

Bibliografía

1. Beato, Paulina (2005): “La liberalización del sector eléctrico en España ¿un proceso incompleto o frustrado?. *Información comercial española*, nº.826, pp.259–283.
2. Beato, Paulina y Delgado, Juan (2007): “Algunas asignaturas pendientes en la regulación del sector eléctrico español” en García, José L. y Jiménez, Juan C.: *Energía y regulación*. Thomson-Cívitas, Madrid, pp. 113–137.
3. Blázquez, Leticia (2011): “El juego de platos chinos del sector eléctrico español”. *Economistas*, nº.126, pp. 80–88.
4. Fabra, Natalia (2012): “Retos regulatorios y temas pendientes en el sector eléctrico español”. *Economistas*, nº.131, pp.103–111.
5. Fabra, Natalia y Fabra, Jorge (2012): “El déficit tarifario en el sector eléctrico español”. *Papeles de economía española*, nº.134, pp. 88–100.
6. Fabra, Jorge (2012): “En la electricidad, los números se imponen”. *El País*, 22 de enero de 2012.
7. Ley 15/2012 del 27 de diciembre, de medidas fiscales para la sostenibilidad energética.
8. Ley 24/2013, de 26 de diciembre, del sector eléctrico.
9. López, Julián (2004): “El reconocimiento del déficit tarifario en el marco de la metodología para la determinación de la tarifa eléctrica” *Boletín económico de ICE*, nº.2807, pp. 27–36.
10. Marín, Miguel (dir.) (2013): *Propuestas para una estrategia energética nacional*. FAES, Madrid.
11. Monforte, Carmen (2012): “La reforma inclinada del ministro Soria”. *Cinco Días*, 2 de abril de 2012.
12. Montes, Eduardo (2012): “El déficit tarifario”. *Economistas*, nº.131, pp. 235–239.
13. Mota, Jesús (2014): “Un mercado sin ley ni esperanza”. *El País*, 7 de enero.
14. Nieto, Ignasi y Solà, Joaquín (2005): “Los problemas de la regulación del sector eléctrico”. *Economistas*, nº.104, pp. 109–114.
15. Navarrete, Fernando (2011): *Propuestas para una estrategia energética nacional*. FAES, Madrid.
16. Partido Popular (2011): *Lo que España necesita. Confianza, empleo, reformas, educación. Programa electoral Partido Popular*, 2011. URL: <http://www.pp.es/sites/default/files/documentos/5751-20111101123811.pdf>
17. Real Decreto-ley 13/2012, de 30 de marzo, por el que se transponen directivas en materia de mercados interiores de electricidad y gas y en materia de comunicaciones electrónicas, y por el que se adoptan medidas para la corrección de las desviaciones por desajustes entre los costes e ingresos de los sectores eléctrico y gasista.
18. Real Decreto-Ley 20/2012, de 13 de julio, de medidas para garantizar la estabilidad presupuestaria y de fomento de la competitividad.
19. Real Decreto-ley 29/2012, de 28 de diciembre, de mejora de gestión y protección social en el Sistema Especial para Empleados de Hogar y otras medidas de carácter económico y social.
20. Real Decreto-Ley 2/2013 de 1 de febrero, de medidas urgentes en el sistema eléctrico y en el sector financiero.
21. Real Decreto-ley 9/2013, de 12 de julio por el que se adoptan medidas urgentes para garantizar la estabilidad financiera del sistema eléctrico.
22. Real Decreto 216/2014, de 28 de marzo, por el que se establece la metodología de cálculo de los precios voluntarios para el pequeño consumidor de energía eléctrica y su régimen jurídico de contratación.
23. Real Decreto 900/2015, de 9 de octubre, por el que se regulan las condiciones administrativas, técnicas y económicas de las modalidades de suministro de energía eléctrica con autoconsumo y de producción con autoconsumo.
24. Sallé, Carlos (2012): “El déficit de tarifa y la importancia de la ortodoxia en la regulación del sector eléctrico”. *Papeles de economía española*, nº.134, pp. 101–116.
25. Sánchez, Antonio (2014): “La política económica en el sector eléctrico español” en Sánchez Andrés, Antonio y Tomás Carpi, Juan A.: *Crisis y política económica en España. Un análisis de la política económica actual*. Thomson Reuters-Aranzadi, Cizur Menor (Navarra), pp. 153–174.

Torrejón-Velardiez, Miguel
Universidad de Valencia, España

La política de I+D+i y el cambio del modelo productivo en España durante la crisis

Resumen: *En este artículo se relaciona el fuerte impacto de crisis sobre la economía española con las debilidades estructurales del modelo de crecimiento de la fase anterior y se concluye en la necesidad de impulsar políticas económicas dirigidas a cambiar ese modelo, así como las formas de competitividad. Se constata, sin embargo, que la orientación de esas políticas no ha impulsado ese cambio, especialmente las políticas en materia de I+D+i, que son aquí específicamente analizadas.*

Palabras clave: *política económica, políticas de I+D+i, tecnología, innovación, España*

Torrejón-Velardiez, Miguel

R&D policies and change of the productive model in Spain during the crisis

Abstract: *This article establish relationships between the strong impact of crisis on the Spanish economy and the structural weaknesses of the growth model in the previous phase. Finally conclude about the need to promote specific economic policies to change that model as well as the forms of competition. However, it is found that the orientation of these policies has not driven this change, especially policies on R&D, which are specifically analyzed in this paper.*

Keywords: *Economic policy, R&D policies, technology, innovation, Spain*

El impacto de la gran recesión sobre la economía española

La economía española ha sufrido un proceso de recesión prácticamente ininterrumpido entre 2008 y 2013, a consecuencia del cual el PIB ha caído significativamente y el empleo aún más (durante ese periodo se destruyeron casi 3,5 millones de empleos, el 16 % de los existentes). Las causas de este fuerte impacto están relacionadas básicamente con el modelo económico que se gestó en España en el periodo anterior a la crisis, basado en factores como el excesivo endeudamiento del sector privado, el boom inmobiliario y la consiguiente hipertrofia del sector de la construcción, la elevada precariedad laboral, la baja productividad, o la debilidad del modelo social; a los que habría que añadir las políticas de austeridad impuestas desde la UE a partir de mayo de 2010, que han debilitado la demanda interna y, con ello, han agudizado la depresión.

A nivel sectorial, se trataba de un modelo productivo débil, en el que la construcción y algunos servicios, como el turismo, fueron adquiriendo un protagonismo excesivo; mientras que la industria retrocedía sistemáticamente. La caída de la industria es anterior a la propia crisis y refleja los problemas de competitividad de la misma en un contexto de creciente globalización. Es decir, los problemas son previos a la crisis iniciada en 2008 y de carácter estructural, si bien fueron ignorados tras el velo del boom inmobiliario y la fuerte creación de empleo del periodo 1995–2007. Así, el Valor Añadido Bruto (VAB) industrial representaba en el año 2000 el 20,6 % del VAB total de la economía (y el de la industria manufacturera el 17,8 %), habiendo descendido al 17,5 % en 2014 (con una caída aún mayor de las actividades manufactureras que se situaron en el 13,2 %). El proceso de desindustrialización que reflejan estos datos es mucho más patente cuando el indicador utilizado es el empleo, ya que el empleo del sector industrial representaba el 19 % del

empleo total en el año 2000 y sólo 13,2 % en 2014 (en el caso de la industria manufacturera los porcentajes son el 17,8 % y el 11,8 % respectivamente) (Tabla 1).

Tabla 1: VAB (a precios corrientes), empleo (equivalente a tiempo completo) y productividad (VAB por ocupado) por sector de actividad

	VAB		Empleo		Productividad	
	(% s/total)		(% s/total)		(miles €)	
	2000	2014	2000	2014	2000	2014
Agric., ganad., silvic. y pesca	4,1	2,5	5,9	4,2	38,4	34,8
Total industria	20,6	17,5	19,0	13,2	77,7	77,6
Industria manufacturera	17,8	13,2	17,8	11,8	65,1	65,3
Construcción	10,1	5,6	11,6	5,6	57,9	58,0
Servicios	65,1	74,4	63,5	77,0	56,5	56,4
Total ramas	100	100	100	100	40,6	64,0

Fuente: INE y MINETUR.

En la tabla 1 se observa, en definitiva, no sólo un importante retroceso en la importancia de la construcción, lo cual sería lógico dado su desmesurado protagonismo en la fase anterior, sino también de la industria, el sector que presenta mayores niveles de productividad y un sector que es estratégico para la economía. Lo es por su importancia como motor del cambio tecnológico, o de las exportaciones, o, también, por los importantes efectos de arrastre que ejerce sobre otras actividades, como la agricultura o los servicios, especialmente los servicios avanzados.

El necesario cambio "del" y "en" el modelo productivo

Ente la evolución descrita en el apartado anterior parece evidente la necesidad, por una parte, de cambiar "el" modelo productivo, es decir, aumentar el peso de la industria en la economía y, dentro de ésta, apostar por las actividades más intensivas en conocimiento e innovación (sectores avanzados). Pero, por otro lado, también es necesario reducir las debilidades estructurales y reorientar los factores de competitividad del modelo actualmente existente (cambio "en" el modelo productivo). Y ambas estrategias exigen una reorientación de la política económica en la misma dirección, priorizar las políticas de I+D+i.

En efecto, en el actual contexto de globalización, con la emergencia de nuevos países a la industrialización, los BRICS fundamentalmente (Brasil, Rusia, India, China y Sudáfrica), la industria española no puede continuar sosteniendo sus ventajas competitivas sobre los costes laborales, sino que ha de reorientarlas fundamentalmente hacia el aumento de la productividad y la innovación. Entendido esto último en un sentido amplio, que considere no sólo la innovación estrictamente tecnológica, sino también otros tipos de innovación, como la comercial o la organizativa.

Durante el periodo anterior a la crisis, los costes laborales unitarios (CLU) nominales españoles (CLU = salario por trabajador / productividad) crecieron más en España que en sus principales países competidores (Unión Europea –UE–) debido, sobre todo, al peor comportamiento de la productividad, derivado en buena medida del modelo productivo que se desarrolló en España (intensivo en trabajo poco cualificado). Es durante el periodo de crisis cuando los CLU caen en España, como consecuencia tanto de la moderación de los salarios como del crecimiento de la productividad. Los salarios se moderan a causa de los efectos de la crisis (aumento del paro) y de las reformas laborales, especialmente la de 2012 que contiene una batería importante de medidas dirigidas a debilitar el poder negociador de los trabajadores. Y la productividad crece, sobre todo, como consecuencia de la destrucción del empleo (productividad pasiva). De hecho, a partir de 2014, cuando empieza a crecer el empleo, se frena el crecimiento de la productividad.

Se observa, por lo tanto, que el modelo de crecimiento español es un modelo de crecimiento sin productividad. Es decir, cuando la economía crece, lo hace sobre la base de actividades intensivas en mano de obra y aumenta mucho el empleo. Sin embargo, cuando llega la fase baja del ciclo, se destruye el empleo muy deprisa y el paro aumenta vertiginosamente. Y es en este periodo cuando aumenta la productividad, pero como consecuencia de la pérdida de puestos de trabajo y no de la mejora en la eficiencia con la que son usados los factores productivos (mejoras tecnológicas y organizativas).

La debilidad del sistema español de innovación

La debilidad del sistema español de innovación es un rasgo definitorio de este modelo y refleja, no sólo la dificultad de transitar hacia un modelo productivo con mayor peso de las actividades avanzadas, sino también la opción por un modelo de competitividad en el que se prioriza la reducción de los costes (competencia vía precios) sobre otro tipo de ventajas como las derivadas de la innovación de proceso y de producto, que permitirían competir a través de la calidad, la diferenciación y el diseño.

Los datos para España confirman lo que se acaba de señalar. Así se refleja en los indicadores de I+D+i. Si consideramos el indicador de esfuerzo en I+D (gasto en I+D como porcentaje del PIB), constatamos, no sólo unos niveles significativamente inferiores de España a la mayoría de países desarrollados, sino también un aumento de esa divergencia durante el periodo de la crisis. Como se observa en la Tabla 2, España aumentó su esfuerzo en I+D durante el periodo 2000-2008 y redujo el diferencial respecto a la media de la UE y de la OCDE. Pero a partir del inicio de la crisis cayó el esfuerzo español en I+D, a diferencia de lo que ocurrió en la UE y la OCDE, aumentando de este modo la divergencia, que en 2014 se sitúa en 0,72 puntos respecto a la UE-28 y 1,15 respecto a la OCDE.

Tabla 2: Diferencia de esfuerzo en I+D (Gasto en I+D en % del PIB) de España respecto a la UE-28 y OCDE

	UE28-España	OCDE-España
2000	0,80	1,26
2001	0,81	1,29
2002	0,75	1,19
2003	0,68	1,13
2004	0,63	1,09
2005	0,57	1,06
2006	0,52	1,02
2007	0,47	0,99
2008	0,45	0,97
2009	0,49	0,99
2010	0,49	0,95
2011	0,55	1,00
2012	0,64	1,06
2013	0,67	1,11
2014	0,72	1,15

Fuente: Fundación Cotec para la Innovación.

Por sectores de ejecución, destaca el bajo gasto en I+D de las empresas españolas, que en 2014 realizaron el 53,1 % del gasto total en I+D, por debajo del porcentaje que representaban en 2007 (56 %) y lejos del promedio de los países de la UE-28, que desde el año 2000 vienen ejecutando en torno al 63 %, con pocas fluctuaciones. En España desde 2009 las empresas han venido reduciendo su gasto en I+D, mientras que la mayoría de los países desarrollados lo han incrementado.

La misma tendencia se observa cuando consideramos el conjunto del gasto en innovación, añadiendo al gasto en I+D el de “otras actividades innovadoras” (adquisición de activos para la innovación, comercialización o formación), pues éste ha caído en España a partir de 2009. De este modo, la intensidad en innovación tecnológica (% del gasto en innovación de las empresas sobre la cifra de negocios), que alcanzó su nivel máximo en 2009 (1,1 %), ha disminuido a partir de ese año hasta situarse en 2014 en el 0,89% (Tabla 3).

Tabla 3: Intensidad en innovación tecnológica (% de la cifra de negocios). España

2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
0,83	0,88	0,89	0,95	1,10	1,00	0,91	0,84	0,91	0,89

Fuente: Fecyt.

La política de I+D+i no ha contribuido al cambio del modelo productivo

Los indicadores anteriores muestran, en definitiva, no sólo el menor nivel español respecto a los países más avanzados, sino también un deterioro de los mismos durante el periodo de la crisis económica, lo cual ha aumentado la brecha respecto a estos países. Y esto está relacionado con las políticas económicas que se han desarrollado durante este periodo: mientras otros países han reforzado las políticas de I+D+i como respuesta a la crisis económica, España las ha debilitado.

En términos generales, España ha apostado (inducida por las instituciones europeas) por una estrategia de devaluación salarial y de austeridad fiscal. Lo primero, espoleado sobre todo por la reforma laboral de 2012, ha conducido a una caída de los salarios y a reforzar, de este modo, la competencia vía costes y el modelo productivo predominante antes de la crisis (intensivo en mano de obra poco cualificada). Lo segundo, ha conllevado una fuerte reducción del gasto público, en la cual el gasto en I+D+i ha sido uno de los grandes sacrificados. Es decir, este tipo de gasto no ha sido una prioridad, sino todo lo contrario y, de esta manera, lo mismo que en el caso anterior, se dificulta el cambio del modelo productivo hacia actividades más avanzadas, y de las formas de competitividad hacia factores como la calidad y la innovación.

Como se observa en la Tabla 4, los Presupuestos Generales del Estado han reducido el gasto destinado a I+D (política de gasto 46) desde su nivel máximo en 2009 a 2016 en un 34 %. Y si se considera sólo el periodo de recesión de 2009 a 2013, la reducción fue del 39 %. Además, la disminución del gasto en I+D ha sido superior a la del gasto total, de forma que ha pasado de representar el 2,8 % en 2009 al 1,7 % en 2013 y el 1,8 % en 2016. Lo cual es claramente indicativo de que la política de I+D no ha sido una prioridad. Además, al recorte del gasto en I+D de los Presupuestos Generales del Estado se suma el de las CCAA, que desciende casi un 15 % entre 2010 y 2015.

Tabla 4: Gasto en I+D (política de gasto 46) y gasto total (capítulos 1 a 8) en los Presupuestos Generales del Estado Consolidados (millones € y %)

Años	Gasto total	Gasto en I+D	% s/total
2007	291.191	8.123	2,8
2008*	314.522	9.337	3,0
2009	350.213	9.662	2,8
2010	350.696	9.271	2,6
2011	315.992	8.586	2,7
2012	311.777	6.387	2,0
2013	345.446	5.926	1,7
2014	354.626	6.140	1,7
2015	347.843	6.395	1,8
2016	351.856	6.425	1,8

* Presupuesto homogeneizado, teniendo en cuenta el crédito extraordinario para inmigración (RDL 1/2008).

Fuente: Ministerio de Hacienda y AAPP y elaboración propia.

En el caso de los Presupuestos Generales del Estado la situación es todavía más grave si en lugar de fijarnos en el gasto presupuestado (previsiones iniciales) lo hacemos en el gasto real ejecutado al final de cada periodo presupuestario, ya que se ha reducido significativamente el grado de ejecución durante los años de la crisis económica. Así, según la Fundación Cotec, en 2007 el conjunto del gasto en I+D (función 46) presentaba un porcentaje de ejecución del 90 %, pero ha ido descendiendo paulatinamente durante la crisis hasta situarse en 2014 en el 62 %. El principal responsable de ese descenso ha sido el subsector Estado, que ha pasado del 90 % al 50 % en ese periodo, mientras que los “Organismos Autónomos y Agencias Estatales” han mantenido niveles de ejecución estables por encima del 90 %.

La explicación del bajo grado de ejecución de los presupuestos para I+D, que refleja una escasa eficacia de estas políticas, está muy relacionada con la reorientación de los programas desde las subvenciones hacia los créditos, que son menos atractivos para los destinatarios. De este modo, mientras que en 2004 el subsector Estado presupuestaba 2 euros en el capítulo 8 (créditos) por cada euro del capítulo 7 (subvenciones); en 2014 fueron 4 euros para el capítulo 8 por cada euro del 7.

La orientación de la política económica española, por lo tanto, no es la más adecuada para detener el proceso de desindustrialización y reactivar el sector industrial, reorientándolo, a su vez, hacia las actividades más avanzadas. Ni tampoco, como ya se ha reiterado, para cambiar las formas de competitividad.

A nivel sectorial, lo que se observa, además de la caída del conjunto de la industria, es la pérdida de peso de las actividades intensivas en tecnología. Así, desde el año 2000 hasta 2012 los sectores manufactureros de tecnología alta tuvieron en España una tasa de variación anual acumulativa del VAB de sólo el 0,8 %, frente al 4,4% de la UE-15; los de tecnología media-alta el -0,4% (el 0,7 en la UE-15); los de tecnología media-baja el -1,6 (el 0,1 en la UE); y sólo se comportaron mejor los de tecnología baja (0,5 en España y -0,4% en la UE-15). Esta evolución ha acentuado todavía más una especialización productiva de las manufacturas españolas respecto a la UE ya de por sí muy sesgada hacia las actividades menos intensivas en tecnología. En 2014 sólo el 8,6 % del VAB de las manufacturas españolas procedía de sectores de tecnología alta y el 27,6 % de tecnología media-alta; mientras que el peso de los de tecnología media-baja era del 29,6 % y el de los de tecnología baja el 34,2 %.

En lo que respecta a la competitividad, la reducción de los costes laborales no se ha trasladado plenamente al precio de las exportaciones industriales, ya que, tras una importante caída en 2009 como consecuencia del desplome del comercio mundial, los precios de las mismas han venido creciendo hasta 2013. Y si consideramos los precios industriales en general y los comparamos con nuestros principales competidores, la UE, constatamos una evolución similar, sin ganancias significativas de competitividad. En un contexto de competencia vía reducción de los salarios (además de la caída de otros costes como los de las materias primas y la energía) los precios se moderan en todos los países (cayendo a partir de 2014) y nadie gana competitividad, pero la contrapartida es una demanda cada vez más reducida.

Conclusiones

La economía española ha sufrido un periodo de recesión prácticamente ininterrumpido durante los años 2008–2013, con fuerte caída del PIB y del empleo. El impacto de la crisis internacional ha sido mayor en España que en la mayoría de los países de su entorno, debido a las debilidades estructurales que arrastraba de la fase anterior, que han acentuado los efectos del cambio de la coyuntura económica. Debilidades que derivan de un modelo de crecimiento basado en un excesivo endeudamiento del sector privado y una hipertrofia del sector inmobiliario. Un modelo, también, intensivo en mano de obra poco cualificada y con bajos niveles de productividad. La orientación de la política económica aplicada, basada en la devaluación salarial y la consolidación fiscal, han contribuido, por otra parte, a agudizar la caída de la actividad económica. Y ha ido en la dirección contraria de lo que exigiría los cambios “del” y “en” el modelo productivo necesarios para superar esas debilidades estructurales y garantizar un crecimiento sostenible en el actual contexto de globalización.

En ese contexto, un país como España debe potenciar el sector industrial y reorientarlo hacia las actividades más avanzadas (intensivas en tecnología y conocimiento). Y debe también cambiar las formas de competitividad desde las ventajas de costes hacia la calidad de los productos y la innovación. Sin embargo, no ha sido así, como se refleja en la pérdida de peso del sector industrial, y, especialmente, de los sectores de tecnología alta y media-alta respecto al promedio de los países de la UE-15; así como en retroceso de los indicadores relacionados con la I+D+i. Detrás de este retroceso está, sin duda, el fuerte recorte de los presupuestos públicos para I+D, que entre 2009 y 2013 se redujeron un 39 %; a lo que habría que añadir el recorte de las CCAA (el 15 % entre 2010 y 2015) que también tienen competencias en esta materia.

Referencias bibliográficas

1. *Fariñas, J. C.; Martín, A. y Velázquez, F. J.* (2015): “La desindustrialización de España en el contexto europeo”, *Papeles de Economía Española*, nº 144.
2. *Fernández, M. J.* (2016): “Devaluación interna y crecimiento de las exportaciones”, *Cuadernos de Información Económica*, nº 242, págs. 21–28.
3. *FUNCAS* (2016): “Indicadores económicos, sociales y financieros”, *Cuadernos de Información Económica*, nº 252, pp. 129–168.
4. *Fundación Cotec para la Innovación* (2016): *Informe Cotec 2016*.
5. *Gandoy, R. y González-Díaz, B.* (2015): “Especialización y reactivación de la industria española”, *Economistas*, nº 144, pp. 75–83.
6. *MINETUR* (2015): *Informe Anual 2014*.

Reinicio de las relaciones Cuba-EEUU: ¿un “nuevo capítulo” en las relaciones de EEUU con América Latina?

Resumen: *El artículo centra la atención en el análisis de los cambios que enfrentan las relaciones cubano-estadounidenses. El 17 de diciembre de 2014 los dos líderes anunciaron su decisión de restablecer las relaciones diplomáticas después del medio siglo de hostilidades. Desde entonces, han sido logrados los avances significativos, pero Cuba y EE.UU. tienen aún muchas cuentas por saldar para que finalice el proceso de normalización. Entre estos asuntos pendientes son el bloqueo económico de Cuba y la devolución de la Bahía de Guantánamo bajo la jurisdicción de las autoridades cubanas. No obstante, es evidente que el acercamiento entre los viejos antagonistas ha removido la piedra de tropiezo que durante mucho tiempo estorbaba las relaciones interamericanas.*

¿Adónde van las relaciones Cuba-EEUU? ¿Se puede decir que “el nuevo inicio” proclamado por Obama en 2009 se pone en práctica de verdad? ¿Lograrán los dos países superar las discrepancias que siguen existiendo e impiden el desarrollo ulterior del diálogo prometedor? ¿O la política interior de EEUU con su mecanismo sofisticado de toma de decisiones va a obstaculizar ese proceso? Estas son las cuestiones que pretende abordar el autor en el artículo.

Palabras clave: *relaciones Cuba-EEUU, reinicio, bloqueo económico de Cuba, Guantánamo.*

Ulugova Jilola Sh.

Restarting Cuba –USA relations: a “new chapter” in USA relations with Latin America ?

Abstract: *The article focuses the attention on the analysis of the changes that face the Cuban-American relations. On December 17, 2014 two leaders announced their decision to restore diplomatic relations after half a century of hostilities. Since then, they have achieved significant progress, but Cuba and USA still have many accounts to pay before the standardization process can be finished. These outstanding issues are the economic blockade of Cuba and the return of Guantanamo Bay under the jurisdiction of the Cuban authorities. However, it is clear that the rapprochement between the old antagonists has removed the stumbling block that for the long time was hindering the inter-American relations.*

Where will go Cuba-USA relations? Can we say that “restarting” proclaimed by Obama in 2009 is really implemented? Will the two countries overcome the discrepancies that still exist and prevent the further development of promising dialogue? Or USA domestic politics with its sophisticated decision-making mechanism will hinder this process? These are the questions that aims to address the author in the article.

Keywords: *Cuba – USA relations, restarting, economic blockade of Cuba, Guantanamo.*

El 13 de enero de 2016 Barack Obama pronunció su último discurso presidencial sobre el Estado de la Unión ante el Congreso. Entre sus prioridades para el año que le queda, destacó las dos clave para la normalización de las relaciones cubano-estadounidenses, el proceso que fue lanzado ya en diciembre de 2014. Para empezar, destacó la importancia que tiene el levantamiento del embargo comercial y económico a

Cuba que, según el presidente, es una huella de la guerra fría que impide la consolidación, o más precisamente, restablecimiento de la posición de EEUU en América Latina. En segundo lugar, Obama manifestó la firmeza en su intención de seguir solicitando el cierre de la prisión de Guantánamo. Sin embargo, eso no va a ser fácil, teniendo en cuenta la resistencia dura del Congreso, que de momento está bajo el control del Partido Republicano.

No obstante, si no en el corto, por lo menos en el medio plazo, algunas indulgencias por parte del Ejecutivo pueden crear las condiciones necesarias para que el Congreso levante el embargo. Lo evidente es que Obama tratará de hacer todo lo posible porque en caso de éxito puede retirarse como un presidente que abrió un nuevo capítulo en las relaciones cubano-estadounidenses, así como en las relaciones interamericanas.

En este sentido, el viaje de Obama a Cuba los días 20–22 de Marzo, la primera visita de un presidente estadounidense a la isla desde 1928, puede servir de puerta a un nuevo ciclo en las relaciones entre Latinoamérica y EEUU¹. Pero al presidente demócrata le queda poco tiempo para poner en práctica todos sus planes, y no se sabe si podrá lograrlo todo antes de las elecciones próximas.

Le tomó a Obama casi 8 años de su presidencia para avanzar en el asunto cubano. Siempre le impedían los factores externos (preocupación por las situaciones explosivas en otras regiones del mundo, como Oriente Medio, Asia) o internos (“controles y contrapesos” por parte del Congreso y la presión por los grupos de influencia). No obstante, ha sido hecho gran trabajo por ambas partes hacia la normalización que ha llegado con retraso de más de cincuenta años.

Antes de Obama nadie hizo hasta única mención de la posibilidad de normalización. Él, por su parte, aún durante la campaña electoral reconoció la ineficacia de la política de *guerra fría*, y en la Cumbre de las Américas en Trinidad y Tobago (2009) declaró el *nuevo inicio* en la relaciones entre Cuba y EEUU². Y hay que destacar que eso no fue la mera retórica. La Administración de Obama hizo unos pasos efectivos dirigidos hacia el alivio de la tensión entre los dos países. Fueron levantadas las sanciones contra Cuba, incluso fueron atenuadas las reglas financieras para vender en la isla alimentos y medicamento. Además, fueron anuladas prácticamente todas las restricciones referentes a las remesas y a los viajes de los norteamericanos a Cuba. Decidieron también las partes reanudar las consultas bilaterales suspendidas por Bush respecto al régimen inmigratorio en EEUU. Sin embargo esos pasos fueron de carácter bastante limitado. Washington no estaba listo para revisar por entero su política y levantar el embargo económico y comercial a la Isla de Libertad. En el transcurso de la Cumbre de Trinidad y Tobago Obama destacó que esperaba de Cuba más pasos hacia la democratización, incluso excarcelamiento de los prisioneros políticos. Mencionó también la importancia de la solución en Cuba de los problemas relacionados a la libertad de palabra y conciencia³.

Es muy importante al mismo tiempo entender que las condiciones objetivas para la revisión del curso estadounidense hacia Cuba habían madurado mucho tiempo antes del 17 de diciembre de 2014, el día que ha sido histórico para toda la región.

Cada año se iba más difícil despreciar la presión creciente por parte de los países de América Latina. La política anti-cubana de EEUU hizo unir al lado de La Habana prácticamente a todos los miembros de la comunidad panamericana, incluso hasta los aliados más leales de Washington. En diciembre de 2008 admitieron que Cuba hiciera parte del Grupo de Río que incorpora más de 20 países de América Latina y el Caribe, en marzo de 2009 Costa Rica y Salvador (los últimos dos países en la región) restablecieron las relaciones diplomáticas con Cuba, y a comienzos de junio de 2009 la Asamblea General de la Organización de los Estados Americanos (OEA) en San Pedro Sula (Honduras) derogó la resolución de 1962 que había expulsado Cuba de la OEA⁴. El apogeo de la consolidación latinoamericana en torno de Cuba fue alcanzado en la Cumbre de las Américas en 2012 (Cartagena, Colombia) donde Obama se enfrentó al ultimátum: se celebra la cumbre de 2015 en Panamá con la participación de Cuba o no se celebra jamás.

Otro factor significativo que contribuyó a la revisión de la política cubana de Obama fue el cambio perceptible de la opinión pública estadounidense respecto a la normalización de las relaciones bilaterales con Cuba. Según los datos presentados por la agencia *Opinion Dynamics*, en los últimos años⁵ ha crecido sensi-

¹ *Oppenheimer A.* El tango de Obama en Latinoamérica // El Nuevo Herald, Marzo 25, 2016. URL: <http://www.elnuevoherald.com/opinion-es/opin-col-blogs/andres-oppenheimer-es/article68296722.html>

² *Obama B.* Remarks to the Summit of the Americas in Port of Spain, Trinidad and Tobago. April 17, 2009. // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=86017>

³ *Obama B.* The President's News Conference in Port of Spain. April 19, 2009 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=86033>

⁴ Cuba, a propósito, se negó volverse a la OEA declarando que iba colaborar con los países latinoamericanos en el marco de otras organizaciones regionales.

⁵ A fecha de 2009.

blemente el número de estadounidenses que no consideraban a Cuba como un enemigo. Mientras que en 2002, como demostró el sondeo organizado por la cadena estadounidense Fox, el 44% de los encuestados estaban en favor de la normalización de las relaciones entre los dos países y el 41% no lo querían, en enero de 2009 los resultados fueron más optimistas: el 59% y el 30%, respectivamente⁶.

Y según el sondeo realizado por la organización *WorldPublicOpinion.org*, el 59 % de estadounidenses estaban convencidos de que “ya es tiempo poner en prueba el nuevo enfoque de las relaciones” con La Habana⁷.

Lo importante es que los estadounidenses de origen cubano también empezaron a darse cuenta de que la política de EEUU hacia Cuba había fracasado sin llevar a ningún resultado significativo y abogaron por el diálogo bilateral y la normalización de las relaciones diplomáticas⁸.

Este estado de ánimo muy favorable para Obama y sus iniciativas fue citado en el reporte preparado por el Instituto Brookings en vísperas de la Cumbre de las Américas en Trinidad y Tobago. Los autores se refirieron al apoyo de los ciudadanos estadounidenses y de la comunidad internacional con el que contaba Obama para pasar de la política dirigida al cambio del régimen en la isla a la política de “involucración” del vecino del sur y para volver hacia atrás el proceso de la pérdida de la influencia tanto en Cuba como en el Hemisferio occidental en general⁹.

La llegada al poder de Obama también ha cambiado el tono de los líderes cubanos hacia EEUU. Si antes los hermanos Castro hablaban sobre las perspectivas de las relaciones con EEUU con mucha prudencia y no ponían sus esperanzas en el nuevo presidente estadounidense, poco a poco tanto Raúl como Fidel Castro iban empezando a hablar más favorablemente sobre el inquilino de la Casa Blanca y sus capacidades.

En el Congreso también afloraban condiciones más o menos favorables para la revisión de la política hacia Cuba. El 23 de febrero de 2009 el grupo de Republicanos del Comité para los asuntos extranjeros publicó el reporte¹⁰, según el cual la ineficaz política cubana necesita revisión en los intereses de la seguridad nacional.

En particular, fueron señalados cuatro puntos flacos de esa política:

Primero, teniendo en cuenta la importancia simbólica de Cuba para la región latinoamericana, el embargo impuesto por EEUU a la isla y otras restricciones concomitantes siempre fueron la causa de los desacuerdos entre dos Américas y como resultado fue Washington que se quedó aislado, no La Habana.

Segundo, los impedimentos para la cooperación cubano-estadounidense en los asuntos migratorios y problemas de la lucha contra el narcotráfico perjudican ante todo los intereses de la seguridad nacional de EEUU.

Tercero, aspirando al tránsito democrático en Cuba EEUU les han hecho el juego a las autoridades cubanas que necesitaban un enemigo exterior para acusarlo de todas las dificultades económicas que enfrentaban los cubanos.

Cuarto, la política de sanciones priva a EEUU de la posibilidad de influir directamente en la política de Cuba y estar enteramente informado de la situación y acontecimientos en la isla.

El reporte también destacaba que Cuba se caracteriza por alta posibilidad de la continuidad de poder. Por lo tanto, las autoridades estadounidenses deben establecer contactos con futuros líderes cubanos con el objetivo de promover los intereses estadounidenses en la isla en futuro.

Después del levantamiento de algunas de las sanciones contra Cuba Obama y otros altos funcionarios hicieron comprender que ahora la normalización depende de las acciones por parte de las autoridades cubanas. Ellas, a su vez, confirmaron que estaban dispuestas a discutir con EEUU sobre los derechos humanos, libertad de prensa y prisioneros políticos por vía del diálogo equitativo, pero nunca iban a renunciar a los ideales de la revolución.

“Nuestra política está definida: el día que quiera discutir, discutimos, en igualdad de condiciones, como ya he dicho, sin la más mínima sombra a nuestra soberanía y de igual a igual... Esa es nuestra posición, seguiremos a la espera pacientemente. Cosa increíble que con el temperamento de los cubanos aprendamos a tener paciencia; la tenemos, y por lo menos en esto lo hemos demostrado... ¡Estamos aquí porque

⁶ Poll: Americans Divided on Normalizing Relations with Cuba// Fox News. May 17, 2002. URL: <http://www.foxnews.com/story/2002/05/17/poll-americans-divided-on-normalizing-relations-with-cuba/>

Window Open On Thawing Relations With Cuba// The Fletcher School Tufts University. URL: <http://fletcher.tufts.edu/News-and-Media/2009/04/05/Window-Open-On-Thawing-Relations-With-Cuba>

⁷ Americans Favor New Approach to Cuba: Lift the Travel Ban, Establish Diplomatic Relations, April 14, 2009. – URL: <http://worldpublicopinion.org/pipa/articles/brunitedstatescanadara/600.php?lb=brusc&pnt=600&nid=&id=>

⁸ Cuba: A New Policy of Critical and Constructive Engagement// Report of the Brookings Project on US Policy Toward a Cuba in Transition. April, 2009

⁹ Ibid.

¹⁰ Changing Cuba Policy - In the United States National Interest. Staff Trip Report to the Committee on Foreign Relations, United States Senate. S.Prt.111-5. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CPRT-111SPRT47260/html/CPRT-111SPRT47260.htm>

resistimos, resistimos medio siglo! y, por supuesto, hay que estar listos para resistir medio siglo más”¹¹, eso fue y sigue siendo la posición oficial de los líderes cubanos.

En EEUU, lo que metía en freno los impulsos positivos fue el acercamiento de las elecciones intermedias de noviembre 2010. Teniendo eso en cuenta Obama debía ser muy cauteloso tomando una u otra decisión de la política exterior para privar a los Republicanos de una oportunidad de usarlas contra el partido gobernante.

La situación se agravó con los resultados de la elección. Los Republicanos obtuvieron el control sobre la Cámara de los Representantes (y luego lo conservaron en 2012), y el Comité para los asuntos internacionales de esta Cámara del Congreso fue encabezado por Ileana Ros-Lehtinen que nunca disimulaba su posición *anticastrista* y se pronunciaba categóricamente contra cualesquier indulgencias a favor del régimen cubano¹². Eso afectó inevitablemente el destino de Guantánamo. En junio de 2013 la Cámara baja votó contra los planes de Obama de cerrar la prisión declinando la enmienda que estipulaba asignaciones para transportar los presos de Guantánamo a otras prisiones estadounidenses.

Mientras tanto el problema de Cuba se quedaba entre los puntos más importantes de la agenda tanto de la política exterior de EEUU como del diálogo interamericano. El problema del aislamiento prolongado de Cuba y la necesidad de levantar el embargo comercial y económico se convirtieron clave en la cumbre de las Américas que tuvo lugar en Cartagena. Pero también la política interior de EEUU influyó en la situación en parte. El acercamiento de las elecciones presidenciales hizo a Obama actuar aún más cautelosamente que antes.

Al ser reelegido Obama intensificó sus pasos hacia la mejora de las relaciones con Cuba. En la primavera de 2013 empezaron las negociaciones secretas a nivel de las administraciones presidenciales. Principalmente tuvieron lugar en Canadá, y por mediación del Papa quien estimuló el diálogo.

El 16 de diciembre de 2014 se celebró, después de más de 50 años, la primera comunicación telefónica entre los líderes de EEUU y Cuba. Durante casi una hora las partes se acordaron restablecer las relaciones diplomáticas y manifestaron su completa disposición de intercambiar prisioneros, un asunto pendiente, además de muchos otros.

El día siguiente Raul Castro hizo una declaración especial en que comunicó sobre el regreso a casa de los agentes cubanos detenidos en 2001 por EEUU y de Alan Gross, el contratista de la Agencia de los Estados Unidos para el Desarrollo Internacional (USAID), que fue condenado en Cuba a 15 años de cárcel por actos contra la independencia o la integridad del Estado cubano. Al mismo tiempo, Obama en su discurso de televisión informó sobre la intención de Washington de normalizar el diálogo con La Habana y restablecer las relaciones diplomáticas.

En su intervención Obama contorneó su nueva política hacia Cuba:

- entablar las negociaciones sobre restablecimiento completo de las relaciones diplomáticas;
- abrir la embajada de EEUU en Cuba;
- organizar las consultas intergubernamentales de alto nivel con la delegación estadounidense encabezada por R. Jacobson, Vicesecretario de Estado de EEUU;
- formalizar las consultas bilaterales sobre migración, narcotráfico, protección del medio ambiente y trato de personas;
- levantar las restricciones a los viajes, remisiones y operaciones económicas y comerciales de las personas físicas y jurídicas estadounidenses con Cuba;
- permitir la exportación de los equipos de telecomunicación a Cuba;
- examinar la posibilidad de excluir a Cuba de la lista de patrocinadores del terrorismo.

A pesar de este cambio brusco, pero inminente, de la política de la Casa Blanca hacia Cuba, Obama, alegando a la conversación telefónica con Castro confirmó su firmeza en lo que se refiere al apoyo de la democracia y los derechos humanos y prometió también en futuro “declarar rigurosamente sobre la necesidad de la libertad para el pueblo cubano”. Así, EEUU siguen asignando a través del USAID 20 millones de dólares al año para la financiación de los programas democráticos en Cuba¹³.

Por su parte, Raul Castro durante su intervención en la cumbre de CELAC el 28 de enero de 2015 hizo hincapié en que la normalización absoluta solo sería posible si fuera levantado el bloqueo económico y

¹¹ Entrevista realizada al Presidente de los Consejos de Estado y de Ministros de la República de Cuba, General de Ejército Raúl Castro Ruz, por la periodista Talía González Pérez, del Sistema Informativo de la Televisión Cubana, el 31 de diciembre de 2008, “Año 50 de la Revolución”. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/rauldiscursos/2009/esp/r050109e.html>

¹² Ros-Lehtinen: My mission is to cut the state and foreign aid budgets // Foreign Policy. December 8, 2010. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/12/08/ros-lehtinen-my-mission-is-to-cut-the-state-and-foreign-aid-budgets/>

¹³ FY 2015 Congressional Budget Justification for Foreign Operations.

URL: <http://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/9276/222898.pdf>

FY 2016 Congressional Budget Justification for Foreign Operations.

URL: <http://www.usaid.gov/sites/default/files/documents/9276/FY16CBJStateFORP.pdf>

comercial contra la isla, si EEUU devolvieran a Cuba los territorios ocupados por la base naval de Guantánamo y si cesaran las acciones subversivas contra Cuba.

No obstante, en el acto de buena voluntad las autoridades cubanas decidieron decencarcelar a 53 prisioneros políticos, demostrando así que estaban listas para continuar marchando al encuentro y consolidar los éxitos logrados.

La Casa Blanca apreció debidamente esos pasos de La Habana y a su vez a través de los ministerios de Hacienda y de Comercio y rodeando al Congreso, relajó el régimen de sanciones.

Además, desde el momento cuando fue proclamado el restablecimiento de las relaciones diplomáticas entre los dos países, se celebraron unas rondas de las negociaciones, el factor clave para que mejore la cooperación bilateral.

Aunque entonces las partes fracasaron acordarse sobre la apertura de las embajadas, Obama hizo mucho progreso en otras direcciones creando así una atmósfera favorable en vísperas de la cumbre de Panamá y demostrando toda la seriedad de las intenciones no sólo a las autoridades cubanas sino también a toda América Latina.

En particular, a 12 categorías de los ciudadanos estadounidenses les otorgaron el permiso para viajar a Cuba para realizar las actividades periodísticas, religiosas, humanitarias, profesionales y con fines educativos, para participar en los eventos deportivos y culturales. Además, los estadounidenses obtuvieron el permiso para importar a EEUU la producción cubana por una suma máxima de 400 dólares, así como usar en la isla las tarjetas. La suma de remisiones a los cubanos fue subida de 500 hasta 2000 dólares en trimestre. A las compañías de telecomunicación les permitieron exportar ordenadores y otros equipos.

Un momento importante en la historia de las relaciones cubano-estadounidenses en más de medio siglo fue la celebración de las primeras desde el año 1959 negociaciones entre los dos líderes (sin contar el encuentro en el funeral de Nelson Mandela en 2013 cuando nadie aún sabía sobre las negociaciones secretas).

Esta vez el encuentro fue planeado. La séptima Cumbre de las Américas (10–11 de abril, 2015) se celebró bajo el signo de la normalización de las relaciones entre EEUU y Cuba, mientras que otros asuntos fueron relegados a segundo plano.

Una conversación de dos horas tenía un carácter principalmente simbólico. En cuanto al mensaje general, era lo mismo que antes. Las partes expresaron su voluntad de seguir dando pasos hacia el deshielo y dialogar con respeto y cortesía mutuos a pesar de las discrepancias y diferencias que existen entre los dos países. Obama destacó que Cuba no representa amenaza para la seguridad nacional de EEUU y que Washington no pretende cambiar el régimen en la isla.

La cuestión de principio para La Habana en el transcurso de la Cumbre y durante las negociaciones bilaterales con Obama fue el estatus de Cuba como el estado patrocinador del terrorismo junto con el problema del bloqueo económico y comercial de la isla. Eso fue una de las razones que impedían la apertura de la embajada de EEUU en La Habana antes de la Cumbre.

Obama prometió a su homólogo que la decisión sería tomada lo más pronto posible y lo cumplió su promesa. Ya el 14 de abril Obama informó al Congreso que intentaba excluir a Cuba de la lista de los estados espónsos del terrorismo¹⁴. Por la ley, el Congreso tenía 45 días para apelar esta iniciativa del presidente pero no lo hizo, y el 29 de mayo de 2014 Cuba fue borrada de la lista.

Los líderes cubanos saludaron este paso de Obama y le caracterizaron como justo¹⁵. Tuvo gran resonancia no sólo en América Latina, sino en todo el mundo¹⁶.

Mientras que la comunidad internacional en general acogió con entusiasmo la noticia, en EEUU las opiniones se dividieron.

La reacción más dura fue la de Marco Rubio, el senador republicano del estado de Florida (el estadounidense de origen cubano) quien entonces fue el candidato oficial para las elecciones presidenciales de 2016. Dijo que “la decisión de la Casa Blanca es lamentable”, porque, según su opinión, Cuba debe estar

¹⁴ Message to Congress – Report to Congress with Respect to the Proposed Rescission of Cuba’s Designation as a State Sponsor of Terrorism . URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/04/14/message-congress-report-congress-respect-proposed-rescission-cubas-desig>

Certification -- Report to Congress with Respect to the Proposed Rescission of Cuba’s Designation as a State Sponsor of Terrorism. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/04/14/certification-report-congress-respect-proposed-rescission-cubas-designat>

¹⁵ Declaración de la Directora General de EE.UU. del Ministerio de Relaciones Exteriores, Josefina Vidal Ferreiro. URL: <http://www.cubaminrex.cu/es/declaracion-de-la-directora-general-de-eeuu-del-ministerio-de-relaciones-exteriores-josefina-vidal>

¹⁶ Reconocen que Cuba nunca debió estar en lista de países patrocinadores del terrorismo.

URL: <http://www.cubaminrex.cu/es/reconocen-que-cuba-nunca-debio-estar-en-lista-de-paises-patrocinadores-del-terrorismo>

en la lista como “un país que apoya el terrorismo”¹⁷.

Ya en diciembre de 2014 Rubio declaró que “hará todo para bloquear el intento grave y sin perspectivas del presidente de acumular su legado a cuenta de los cubanos... Siento que nos esperen los dos años muy interesantes de discusión sobre como van a nombrar al Embajador y financiar la Embajada”¹⁸.

El deshielo en las relaciones cubano-estadounidenses tampoco animó a otros republicanos¹⁹ Según Ted Cruz y Jeb Bush, EEUU muestra debilidad al ceder ante los hermanos Castro. Y Elise Stefanik, una congresista republicana, dijo que uno de los mayores errores del presidente en su mandato se dibujaba en sus estrategias de política exterior, haciendo referencia obviamente al deshielo con La Habana.

Pero no fueron sólo republicanos quienes criticaron la política de EEUU hacia Cuba. Los demócratas también lo hicieron. Robert Menéndez, el senador demócrata y ex presidente del Comité de asuntos internacionales del Senado, dijo que Obama comitió un error de cálculo al pensar que “si tiende la mano a los dictadores estos van a aflojar el puño”²⁰.

A diferencia de los legisladores, los hombres de negocio en EEUU saludaron con mucho más entusiasmo la nueva política de Obama. En particular, Thomas Donohue, el presidente de la Cámara de Comercio, expresó su convicción de que el diálogo abierto y intercambio comercial entre los sectores privados de EEUU y Cuba les dará el beneficio mutuo contribuyendo al desarrollo de empresa libre. Con todo eso, destacó que “el gobierno cubano tiene que aprovechar los pasos positivos para promover las reformas políticas ambiciosas dentro del país, mientras que EEUU siguen moviendo hacia el levantamiento del embargo”²¹.

El 20 de julio de 2015 tuvo lugar otro evento clave – la apertura de la embajada estadounidense en La Habana y la de Cuba en Washington. Por supuesto, este paso es de carácter bastante simbólico y los cambios cualitativos todavía nos dejan esperarlos (teniendo en cuenta las discrepancias ideológicas, el embargo, Guantánamo). Sin embargo, es crucial destacar que en cuanto la embajada de Cuba en EEUU ya está encabezada por Jose Cabañas, Embajador Extraordinario y Plenipotenciario, EEUU no ha nombrado a su jefe de la misión, que puede ser relacionado (y con eso amenazaba Marco Rubio) con la posición dura del Congreso, que según la ley debe aprobar la dicha candidatura. Entonces, en parte esta cuestión sigue abierta.

Además, es importante entender que todos los pasos de Washington hacia La Habana no signifiquen que EEUU se renuncia a su objetivo primordial – el cambio del régimen en la isla, - y no es un gesto de buena voluntad, como a veces lo interpretan. La nueva política no significa el renuncio de este objetivo, sino la búsqueda de los métodos e instrumentos para lograrlo, que permite a EEUU a influir sobre las generaciones futuras que van a ocupar los puestos dirigentes, y de esta manera cambiar el régimen de dentro. La embajada de EEUU en La Habana es nada más que la base legal para que siga funcionando la actividad propagandística.

Según Arturo López Levy, el científico de la Universidad de Denver y especialista en las relaciones cubano-estadounidenses, ahora EEUU pueden construir las relaciones normales con Cuba que ya no es una amenaza, pero “no van a renunciar sus valores o la promoción de otro sistema político en Cuba”²².

Con todo eso, la coyuntura política en Cuba y la necesidad de aprovecharla corrigiendo los errores del pasado no es el único motivo que estimula a la Administración de Obama seguir en esta dirección.

La apertura de las relaciones entre EEUU y Cuba en gran parte está dictada por las circunstancias externas y los cambios que está viviendo América Latina.

Hoy somos testigos del propiamente dicho ocaso de “la gira a la izquierda” que ha formado durante casi dos décadas la configuración de las fuerzas políticas en el continente. Estos cambios abren ante Obama un momento oportuno para que EEUU pueda recuperar sus posiciones perdidas en América Latina. Durante

¹⁷ Rubio Condemns Removal Of Cuban Regime From State Sponsors Of Terrorism List // Press Releases // Marco Rubio Official Web Site. April 14, 2015. URL: <http://www.rubio.senate.gov/public/index.cfm/press-releases?ID=dd2df50a-f8ea-4d0f-bc9d-2da926b59278>

¹⁸ Rubio Comments On Reports Of Change In U.S. Policy Toward Cuba, Release Of Alan Gross // Press Releases// Marco Rubio Official Web Site. December 17, 2014. URL: <http://www.rubio.senate.gov/public/index.cfm/press-releases?ID=d6c39dd4-8d06-4de3-8065-5cb27d865f1f>

¹⁹ Republicanos critican encuentro Obama-Castro // El Nuevo Herald. 12.04.2015. URL: <http://www.elnuevoherald.com/noticias/mundo/america-latina/cuba-es/article18363443.html>

²⁰ Ibid.

²¹ США меняют политику по Кубе, но «не откажутся от защиты прав человека» [EEUU cambia su política hacia Cuba, pero no va a “renunciar la defensa de derechos humanos”] // RIA Novosti. 18.12.2014. URL: <http://ria.ru/world/20141218/1038877333.html#ixzz3WZKAC3nW>

²² США объявили о нормализации отношений с Кубой [EEUU declaró la normalización de relaciones con Cuba] // RIA Novosti. 18.12.2015. URL: <http://ria.ru/world/20141218/1038857136.html#ixzz3WZKbDpaE>

más de cinco décadas la tensión cubano-estadounidense lastraba el dialogo interamericano y, ahora siendo extraído este “rancajo” más doloroso, EEUU puede pasar al nuevo formato de cooperación con la región en pleno.

En este contexto conviene mencionar que Obama quien, a diferencia de sus predecesores, nunca proponía los planes de integración comercial de toda la región, ahora parece buscando a los países que puedan apoyar el Acuerdo Estratégico Transpacífico (TPP)²³, un tratado de libre comercio entre EEUU, los países asiáticos y ya tres países latinoamericanos (Perú, Chile, México). Eso significa que esta iniciativa puede ser una alternativa de nivel global para el proyecto intercontinental del ALCA que fracasó en 2005.

Además, hay que añadir, que si bien había demasiadas razones objetivas para que EEUU restableciera las relaciones diplomáticas con Cuba, esta decisión fue obviamente acelerada por la intensificación de la cooperación de la última con Rusia. Durante la visita de Vladímir Putin, presidente de Rusia, a Cuba en julio de 2014 fue cerrado un gran bloque de los acuerdos sobre la cooperación bilateral, incluso en los ámbitos de comercio, colaboración tecnológica e investigación de materias primas. Las partes otra vez confirmaron que tienen mucho en común en la arena internacional, y Raúl Castro, a su vez, manifestó que Cuba coincide “con la actual política de firmeza y política inteligente que está llevando a cabo Rusia”, apoyando así a su homólogo en el contexto de la crisis ucraniana. Al tenerlo en cuenta hay motivos para pensar que normalizando las relaciones con Cuba, Obama aspira a contener las relaciones entre Moscú y La Habana.

La creciente influencia de China en América Latina es otro objeto de preocupación después de EEUU. China se ha convertido en el segundo socio comercial en América Latina detrás EEUU. Sus socios principales en la región son Chile, Brasil, Perú, México. Argentina y Venezuela también se orientan más hacia China en su política comercial. Venezuela, por ejemplo, tratando de reducir su dependencia de las exportaciones de petróleo hacia EEUU, ha aumentado sus exportaciones al gigante asiático.

La importancia estratégica de América Latina sigue creciendo, así como la competencia entre los estados por la influencia en esta región. EEUU no puede desdeñarla. El acercamiento con Cuba es una gran oportunidad para que Washington recupere el terreno perdido en la región, pero será nueva Administración que debe, si quiera, aprovecharla y convertirla esa oportunidad en realidad, especialmente teniendo en cuenta los vientos de cambio que ahora tienen lugar en América Latina.

En cuanto a Obama, la normalización de las relaciones con Cuba le permite lograr éxitos históricos antes de que expire su mandato presidencial en 2016 justificando así, a lo menos en parte su premio Nobel de la paz que le otorgaron de antemano en 2009.

Referencias

1. Americans Favor New Approach to Cuba: Lift the Travel Ban, Establish Diplomatic Relations, April 14, 2009. URL: <http://worldpublicopinion.org/pipa/articles/brunitedstatescanadara/600.php?lb=brusc&pnt=600&nid=&id=>
2. Certification – Report to Congress with Respect to the Proposed Rescission of Cuba’s Designation as a State Sponsor of Terrorism. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/04/14/certification-report-congress-respect-proposed-rescission-cubas-designat>
3. Changing Cuba Policy – In the United States National Interest. Staff Trip Report to the Committee on Foreign Relations, United States Senate. S. Prt.111-5. URL: <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CPRT-111SPRT47260/html/CPRT-111SPRT47260.htm>
4. Cuba: A New Policy of Critical and Constructive Engagement // Report of the Brooking Project on US Policy Toward a Cuba in Transition. April, 2009.
5. Declaración de la Directora General de EE.UU. del Ministerio de Relaciones Exteriores, Josefina Vidal Ferreira. URL: <http://www.cubaminrex.cu/es/declaracion-de-la-directora-general-de-eeuu-del-ministerio-de-relaciones-exteriores-josefina-vidal>
6. Entrevista realizada al Presidente de los Consejos de Estado y de Ministros de la República de Cuba, General de Ejército Raúl Castro Ruz, por la periodista Talía González Pérez, del Sistema Informativo de la Televisión Cubana, el 31 de diciembre de 2008, “Año 50 de la Revolución”. URL: <http://www.cuba.cu/gobierno/rauldiscursos/2009/esp/r050109e.html>
7. Message to Congress – Report to Congress with Respect to the Proposed Rescission of Cuba’s Designation as a State Sponsor of Terrorism. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/04/14/message-congress-report-congress-respect-proposed-rescission-cubas-desig>
8. *Oppenheimer A.* El tango de Obama en Latinoamérica // El Nuevo Herald, Marzo 25, 2016. URL: <http://www.elnuevoherald.com/opinion-es/opin-col-blogs/andres-oppenheimer-es/article68296722.html>

²³ Cerrado el 5 de octubre de 2015.

9. *Obama B.* Remarks to the Summit of the Americas in Port of Spain, Trinidad and Tobago. April 17, 2009 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=86017>
10. *Obama B.* The President's News Conference in Port of Spain. April 19, 2009 // The American Presidency Project. URL: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=86033>
11. Poll: Americans Divided on Normalizing Relations with Cuba // Fox News. May 17, 2002. URL: <http://www.foxnews.com/story/2002/05/17/poll-americans-divided-on-normalizing-relations-with-cuba/>
12. Reconocen que Cuba nunca debió estar en lista de países patrocinadores del terrorismo. URL: <http://www.cubaminrex.cu/es/reconocen-que-cuba-nunca-debio-estar-en-lista-de-paises-patrocinadores-del-terrorismo>
13. Rubio Condemns Removal Of Cuban Regime From State Sponsors Of Terrorism List // Press Releases // Marco Rubio Official Web Site. April 14, 2015. URL: <http://www.rubio.senate.gov/public/index.cfm/press-releases?ID=dd2df50a-f8ea-4d0f-bc9d-2da926b59278>
14. Rubio Comments On Reports Of Change In U.S. Policy Toward Cuba, Release Of Alan Gross // Press Releases // Marco Rubio Official Web Site. December 17, 2014. URL: <http://www.rubio.senate.gov/public/index.cfm/press-releases?ID=d6c39dd4-8d06-4de3-8065-5cb27d865f1f>
15. Republicanos critican encuentro Obama-Castro // El Nuevo Herald. 12.04.2015. URL: <http://www.elnuevoherald.com/noticias/mundo/america-latina/cuba-es/article18363443.html>
16. Ros-Lehtinen: My mission is to cut the state and foreign aid budgets // Foreign Policy. December 8, 2010. URL: <http://foreignpolicy.com/2010/12/08/ros-lehtinen-my-mission-is-to-cut-the-state-and-foreign-aid-budgets/>
17. Window Open On Thawing Relations With Cuba // The Fletcher School Tufts University. URL: <http://fletcher.tufts.edu/News-and-Media/2009/04/05/Window-Open-On-Thawing-Relations-With-Cuba>
18. Заявления для прессы по итогам российско-кубинских переговоров [Las declaraciones ante la prensa después de las negociaciones ruso-cubanos, el 11 de julio de 2014] // Sitio web oficial del Presidente de Rusia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/46201>
19. США меняют политику по Кубе, но «не откажутся от защиты прав человека» [EEUU cambia su política hacia Cuba, pero no va a “renunciar la defensa de derechos humanos”] // RIA Novosti 18.12.2014. URL: <http://ria.ru/world/20141218/1038877333.html#ixzz3WZKAC3nW>
20. США объявили о нормализации отношений с Кубой [EEUU declaró la normalización de relaciones con Cuba] // RIA Novosti. 18.12.2015. URL: <http://ria.ru/world/20141218/1038857136.html#ixzz3WZKbDpaE>

Instrumentos institucionales de política fiscal anticíclica de Chile

Аннотация: Страны – экспортеры сырьевых ресурсов вновь оказались в центре внимания. Завершение сырьевого суперцикла, длившегося десять лет, привело к резкому ухудшению состояния государственных финансов и заставило правительство этих стран принимать меры по адаптации фискальной политики к новой долгосрочной конъюнктуре низких цен на сырьевые товары. Большинство стран этой группы сталкиваются с проблемой финансирования своих социальных обязательств, стимулирования деловой активности и компенсировать отток иностранных инвестиций путем увеличения государственных расходов. Для достижения этих целей необходима устоявшаяся институциональная структура и нормативная база, что в свою очередь позволило бы правительству проводить антициклическую политику. В данной статье рассматривается опыт Чили как страны создавшей прочную базу институтов независимых экспертных советов и прозрачный процесс принятия решений. В статье представлен обзор таких параметров чилийской антициклической политики как бюджетное правило, управление Фондами Национального Благополучия, а также приводятся результаты фискальной политики в условиях текущего кризиса.

Ключевые слова: антициклическая политика, бюджетное правило, структурный бюджетный баланс, Фонды Национального Благополучия, развивающиеся страны.

Ajmed Abu Bakr, Farid

Institutional instruments of anticyclical fiscal policy of Chile

Abstract: The recent slump in commodity prices put resource rich countries in the spot again. The end of a ten year commodity boom put to test the resilience of countries' financial position and urged the governments of these economies to adjust their fiscal policy to a new long term reality of low prices for commodities. The overwhelming majority of these countries are now facing the problem of finding financial resources to meet their social security obligations, stimulate business activity and offset the outflow of foreign investment by increasing government spending. For this purpose a strong institutional and legislative framework is required to ensure that government spending plays an anticyclical role. In this article we put Chile as an example of a country that managed to lay grounds for a solid fiscal policy with independent advisory institutions and a transparent decision-making process. The overview tackles the issues of fiscal rule, Sovereign Wealth Fund management as well as the results of Chilean fiscal policy during the recent crisis.

Keywords: anticyclical policy, fiscal rule, structural budget, Sovereign Wealth Funds, Chile, emerging market economies.

La reciente caída de los precios de productos básicos vuelve a poner en el enfoque a los países ricos en materias primas. El término de la década de auge de los precios de materias primas ha creado un nuevo desafío para las finanzas públicas, obligando a los gobiernos ajustar su política fiscal a la nueva realidad de

bajos precios de productos básicos. La mayoría de los países exportadores de petróleo, gas o metales se ven ante el reto de encontrar recursos financieros para cumplir con sus obligaciones sociales, estimular el negocio y compensar la fuga de capital extranjero con el incremento del gasto público. Para este fin se requiere un conjunto de medidas legislativas y mecanismos institucionales de control asegurando que el gobierno ejerce la función de política anticíclica. Este artículo pone como ejemplo el modelo fiscal de Chile que logró crear un fundamento para una sólida política fiscal con instituciones de asesoría independientes y el proceso de toma de decisiones transparente. El análisis incluye los problemas de la regla fiscal, la gestión del Fondo Soberano de Inversión así como los resultados de la política fiscal de Chile durante la reciente crisis.

Palabras clave: política anticíclica, la regla fiscal, presupuesto estructurado, Fondos Soberanos de Inversión, Chile, economías emergentes.

Introducción

En los países donde el tamaño del sector de materias primas es similar, el auge de precios de recursos naturales beneficia a los países que inicialmente tienen mejores instituciones. Más en particular se ha establecido que cuando la recaudación de impuestos sobre los sectores no relacionados con materias primas es alta y las rentas de exportaciones se acumulan en los fondos soberanos de inversión la economía del país demuestra más sostenibilidad frente a un escenario de alta dependencia de materias primas [1, pag.3].

El problema de la política fiscal y monetaria pro-cíclica está relacionada según varios estudios con tales problemas institucionales como: mala gestión fiscal, opaca gestión del presupuesto, falta de control externo de las cuentas públicas, alto nivel de corrupción, carencia de estabilidad fiscal de largo plazo, sistema financiero nacional subdesarrollado [2, pag. 2]. La pro-ciclicidad se revela si analizamos el balance de la cuenta corriente sin contar la renta de materias primas. En los periodos 2003–2008 y 2011–2013 los países exportadores de petróleo registraron el aumento del déficit en el intercambio comercial no relacionado con materias primas. Al contrario en 2009 y 2015 este indicador mejoró exhibiendo una clara tendencia pro-cíclica.

El presente artículo describe el ejemplo de una gestión fiscal en Chile que se considera uno de los pocos países exportadores de materias primas que logró reducir su dependencia de exportaciones de cobre fomentando instituciones de control y gestión fiscal independientes.

El marco institucional y la Ley de Responsabilidad Fiscal

Para hacer frente a los desafíos de alta volatilidad económica los expertos del Fondo Monetario Internacional recomiendan las siguientes medidas [3, pag. 6,8,9]: la ley de responsabilidad fiscal, gestión financiera eficaz, el planeamiento de ingresos y gastos públicos de largo plazo a base del pronóstico imparcial y equilibrado del precio de las materias primas, la regla fiscal para el presupuesto, los requisitos de transparencia de gestión del dinero público incluidos el control y la auditoría externos, la constitución de comité fiscal independiente.

En esta parte se comenta cómo unas de las medidas mencionadas se aplican en Chile y cuáles fueron sus resultados.

Los criterios de estabilidad presupuestaria de Chile son similares a los criterios de convergencia de la Eurozona (el Pacto de estabilidad y crecimiento exige el déficit público no superior al 3 % del PIB) y de EE.UU, donde se debate La Enmienda del Presupuesto equilibrado (que apunta a llevar el déficit hasta cero). Sin embargo tales reglas no se cumplen por el carácter rígido de las metas, que no dejan a los gobiernos el margen de maniobra para aumentar la deuda en los tiempos de recesión para contrarrestar los efectos cíclicos y acumular las reservas adicionales en los tiempos de auge.

La vía alternativa es establecer los límites flexibles dentro de los cuales el presupuesto pueda registrar un déficit o un superávit en función de la coyuntura económica.

La política fiscal de Chile consta de una serie de reglas. La primera es que el gobierno establezca la meta para el presupuesto. Cuando apenas se introducía esta medida de control fiscal el superávit que se establecía fue del 1 % del PIB. En aquel entonces el gobierno perseguía los siguientes objetivos: 1) recapitalizar el banco central que quedó en números rojos tras llevar a cabo el rescate de la banca privada chilena en los 80ta y esterilizar los flujos de fondos que llegaban al país en los 90ta; 2) la financiación de compromisos sociales (en su mayoría relacionados con fondos de pensión) y 3) servir la deuda externa denominada en dólares. A partir del año 2007 la meta se redujo hasta el medio por ciento del PIB y consecuentemente hasta el 0 % en 2009 cuando el grueso de la deuda pública ya se había pagado y el presupuesto equilibrado a nivel estructural se consideraba económicamente sostenible.

La Ley de Responsabilidad Fiscal

En 2006 el gobierno de Michel Bachelet propuso una serie de iniciativas legislativas para dar fuerza legal a la regla del equilibrio presupuestario [4, pag. 1–12]. De esta manera el gobierno chileno fomentó el Sistema de implementación de estabilizadores fiscales automáticos ampliándolo con las medidas contracíclicas adicionales. La ley adoptada tiene los siguientes puntos importantes:

- 1) La obligación de diseñar la política fiscal de 4 años a base del balance presupuestario estructural (ajustado a las fluctuaciones cíclicas).
- 2) Crear el Fondo de Reserva de Pensiones (FRP) para financiar los compromisos sociales del gobierno en el futuro. Durante la primera década desde su puesta en marcha el Fondo acumulaba recursos en concepto entre 0,2% y 0,5 % del PIB;
- 3) Establecer el Fondo de Estabilización Económica y Social (el FEEC) aportando como capital social los recursos financieros acumulados en el Fondo de Compensación de Cobre (el FCC) y otros activos en el extranjero manejados por el gobierno al cierre de 2006. El superávit presupuestario (después del pago al FRP) se transfiere al FEEC y en el caso de registrar déficit el gobierno retira el dinero del fondo (incluidos los pagos inicialmente destinados al FRP).
- 4) El derecho del gobierno a realizar las transferencias al Banco de Chile para reforzar su capitalización en el periodo de cinco años (2007–2011) depositando la cantidad no superior al 0,5% del PIB en función de tener superávit presupuestario tras realizar el pago al FRP. El gobierno se reserva el derecho de elegir donde alocar el superávit: en el FEES o en el Banco de Chile según las restricciones arriba mencionadas;
- 5) Las inversiones realizadas por los dos Fondos Soberanos de Inversión están controladas por la Tesorería (bajo el Ministerio de Finanzas) o por el Banco de Chile que puede encargar la gestión de los FSI tanto a su propio personal como a las gestoras externas. La ley establece también el Comité Financiero Asesor para la Responsabilidad Fiscal adjunto al Ministerio de Hacienda para elaborar recomendaciones dedicadas tanto al marco legal como las decisiones de gestión de los FSI.

La definición del presupuesto estructurado en Chile

El cobre representa un 16% del ingreso a las arcas públicas con el 10 % aportado por la empresa CODELCO controlada por el estado y el resto contribuido por las mineras privadas del país. El hecho de que las exportaciones de cobre cuenten con solo el 16 % demuestra que Chile ha logrado diversificar su economía. Dicho esto el peso específico de las exportaciones de cobre no refleja la sensibilidad del presupuesto a la evolución de los precios de cobre y según varios estudios los precios de otros productos básicos exportados de Chile también están sujetos directa o indirectamente a la cotización del cobre. El estudio llevado a cabo por Madrid-Aris y Villena demuestra a través de la regresión que Chile sigue padeciendo de la enfermedad Danesa. Cada vez que el cobre sube en precio el efecto se transmite a los demás sectores no exportables [5, pag.6] .

La regla básica implementada en Chile permite aumentar el déficit público aun más del nivel-objetivo en el caso de las siguientes circunstancias:

- 1) El PIB nacional experimenta un shock negativo que descarrila la economía de la trayectoria de largo plazo;
- 2) El precio de cobre es inferior al equilibrio de medio-plazo.

La innovación institucional en el caso de Chile consiste en constituir dos comités de expertos que expresen su opinión sobre la brecha fiscal y el precio equilibrado de cobre a medio plazo. Los expertos del comité del análisis de cobre son especialistas que trabajan en las empresas mineras, el sector financiero, centros de investigación y las universidades. El gobierno a su vez prepara su estimación del equilibrio presupuestario estructural guiado por las recomendaciones del comité y los parámetros macroeconómicos correspondientes a impuestos y el volumen de gasto público. Si el balance presupuestario estructural resultante no coincide con la meta, el gobierno ajusta los planes del gasto hasta que se alcance el objetivo fiscal.

La regla fiscal de Chile

La sostenibilidad fiscal y macroeconómica se consigue mediante una política de gasto público conforme a los ingresos ajustados a las fluctuaciones cíclicas. Tal método se denomina como el modelo de ingreso

permanente, que excluye todo tipo de ingreso que tiene carácter temporal¹.

Chile en comparación con otros países de la OCDE es relativamente poco flexible a la hora de ajustar el gasto público dado el carácter limitado de los estabilizadores automáticos como los beneficios sociales a los desempleados o los programas de creación de puestos de trabajos financiados por el gobierno. Por lo tanto la regla fiscal chilena está enfocada en el ajuste a los ciclos económicos del lado de ingresos al presupuesto.

La regla fiscal tiene la siguiente fórmula que introduce el componente cíclico en el presupuesto, es decir la diferencia entre el presupuesto estructurado sin contar la ganancia procedentes del sector minero y el presupuesto actual. De hecho esta diferencia se calcula como el diferencial entre el ingreso de recaudación de impuestos del sector no relacionado con la minería ajustado al ciclo y los ingresos actuales del mismo y las cotizaciones sociales. Otra parte de esta ecuación se obtiene restando de la cantidad de impuestos recaudada del sector minero y ajustada al ciclo y la recaudación actual de los impuestos sobre sociedades mineras privadas, transferencias realizadas por CODELCO (la minera estatal) como parte de sus ganancias actuales y estructuradas procedentes de la venta de cobre y molibdeno [6, pag. 10].

$$BE_t = Be_t - TNMIN_t + [TNMIN_t^*(Y_t^*/Ye_t)^\varepsilon] - TMIN_t - TMINE_t - ICC_t + ICCE_t - ICM_t + ICME_t$$

Donde:

BE_t = el presupuesto estructurado (es decir ajustado al ciclo económico);

Be_t = el presupuesto actual (acumulado) en el periodo t ;

$TNMIN_t$ = el ingreso neto de recaudación de impuesto del sector no minero y las cotizaciones sociales al presupuesto en el periodo t ;

$TNMIN_t^*$ = el ingreso neto cíclicamente ajustado de recaudación de impuesto del sector no minero y las cotizaciones sociales al presupuesto en el periodo t ;

$TMIN_t$ = el ingreso de los impuestos sobre mineras privadas en el periodo t ;

$TMINE_t$ = el ingreso estructurado sobre mineras privadas en el periodo t ;

Ye_t = el PIB efectivo en el periodo t ;

Y_t^* = el trend del PIB en el periodo t ;

ICC_t = las transferencias de CODELCO como parte de sus ventas del cobre en el periodo t ;

ICE_t = las transferencias estructuradas de la CODELCO como parte de sus ventas del cobre en el periodo t ;

ICM_t = las transferencias de CODELCO como parte de sus ventas del molibdeno en el periodo t ;

$ICME_t$ = las transferencias estructuradas de la CODELCO como parte de sus ventas de molibdeno en el periodo t ;

ε = la elasticidad del PIB a los cambios de ingresos impositivos.

Las variable cíclicamente ajustadas – es decir las que describen una tendencia o una proyección de largo plazo – son las que se computen a base de una estimación. Las variables clave como la previsión del PIB o los precio de cobre son imprescindibles a la hora de formar el presupuesto para el año siguiente y estimar futuros ingresos. La computación de estas dos variables la encargan a dos Comités Asesores antes de someter el nuevo presupuesto al congreso. La implementación del presupuesto está sujeto a la regla fiscal y a la Ley de Responsabilidad Fiscal.

La fórmula introduce tres elasticidades en la regla fiscal. La primera es la elasticidad de la recaudación de impuestos en el sector no minero a la producción. Hasta 2008 el Ministerio de Hacienda empleaba este indicador asumiendo implícitamente que la recaudación de impuestos sobre los sectores no mineros variaba en las mismas proporciones que el PIB. A partir de 2009 esta elasticidad agregada fue sustituida por las elasticidades propias para cada sector variando de 1,0 a 2,4 [7, pag. 25].

El Comité Asesor recomendó al gobierno mantener los coeficientes de elasticidad actuales siempre que el gobierno se comprometa a revisar la elasticidad destacando la diferencia entre la elasticidad cíclica y la de largo plazo.

En lo referente a la elasticidad de los ingresos procedentes de la venta de cobre y molibdeno el Departamento de Presupuesto del Ministerio de Hacienda (DIPRES) elabora su estimación anual de los mismos a base de la tendencia y la dinámica de los precios de los metales en el mercado.

¹ Según destaca Klaus Schmidt-Hebbel en su artículo “Instituciones Fiscales en Países Ricos en Materias Primas: Las Lecciones de Chile y Noruega” Chile como muchos otros países no aplica dicha regla a raja tabla dejando al margen tales componentes del modelo de ingreso permanente como los cambios temporales en las tasas de impuestos o el cambio de los tipos de interés.

La constitución de los Fondos Soberanos de Inversión

La política fiscal conservadora de Chile se origina a mediados de 1980 y se manifestaba en forma de reducir las obligaciones financieras del gobierno y de atraer fondos adicionales para incrementar los ingresos públicos.

La forma incipiente de la regla fiscal se aprobó en los 80ta. Fue el primer intento de reducir el impacto de las fluctuaciones de precios de cobre en la dinámica de los ingresos. Para este fin se creó el Fondo de Compensación de Cobre de Chile, que sirvió de una almohada financiera para respaldar el gasto público en periodos de bajo precio de cobre. Los fondos acumulados ascendieron a 637 mln. de euros en Diciembre de 2000 (lo que equivale a 0,3 % del PIB del país en 2000), justo antes de la introducción formal de la regla fiscal. Durante la crisis de 2001–2003 gracias a los recursos ahorrados Chile logró estimular su economía parte a través de la emisión de deuda pública y parte retirando el dinero del Fondo de Compensación de Cobre que se redujo a 304 mln [8, pag. 12, 15].

El FCC se disolvió tras la constitución de dos Fondos Soberanos de Inversión, según establecía la Ley de Responsabilidad Fiscal. Consecuentemente los superávits procedentes de las exportaciones de cobre se ahorraban en dichos Fondos, que invertían dichas ganancias en los activos de solvencia internacional.

El gráfico 1 refleja la cantidad de fondos acumulados en los Fondos Soberanos de Inversión entre 2006 y 2014. El diagrama 2 demuestra el porcentaje de las ganancias invertidas en activos extranjeros a través del FCC, los dos Fondos Soberanos de Inversión. En el gráfico se demuestra la evolución de los superávits gubernamentales en el transcurso del periodo entre 2000 y 2010. Importantes superávits de 2007 y 2008 se acumularon en los fondos soberanos de inversión frente al déficit de 2009 que provocó una retirada significativa. A finales de 2014 la cantidad que gestionó el FSI fue equivalente a 22,6 mil millones de euros correspondientes al 8 % del PIB.

Las inversiones realizadas por los FSI las forman instrumentos financieros de bajo riesgo y con corto plazo de vencimiento: el 30 % en el mercado cambiario, el 66,5 % en los bonos soberanos sin calificación [9, pag. 9].

Los resultados de la regla fiscal y la gestión de los FSI

La economía de Chile está en medio de un duro proceso de reajuste. Siendo el mayor productor de cobre Chile se ha beneficiado del despegue de los precios de materias primas y del ambiente favorable de bajos tipos de interés internacionales durante el reciente superciclo. El auge de los precios de cobre influyó en la economía del país a través del efecto de inversiones [10, pag. 13–15]. Dado que la industria minera es muy intensa en capital, las inversiones crecieron desde el 2 % del PIB en 2002 hasta un 7 % del PIB en 2012, generando un efecto de domino positivo sobre los demás sectores de la economía, la construcción en particular. Sin embargo la tendencia de elevados precios de cobre se ha revertido y en no se anticipa una recuperación en el medio plazo. La combinación de bajo precio de cobre y altos costes de producción resultaron en una drástica caída de inversiones (Gráfico 3). La reducción en comercio también ha tenido su efecto en los ingresos de hogares y perjudicó el consumo privado. Como resultado la tasa de crecimiento de la economía cayó en 2014 [11, pag. 11–14].

Como demuestra el gráfico la brusca caída de inversiones resultó en una fuga de inversiones del país. Sin embargo el PIB del país ha manifestado una mayor resistencia a la adversidad externa que los demás países de la región. Es más a pesar de los pronósticos bajistas del precio de cobre en 2016–2017 se proyecta una gradual subida de la tasa de crecimiento a partir del segundo trimestre de 2016.

Cabe destacar que además de mantener la dinámica positiva de desarrollo Chile todavía ha recurrido a los recursos que tiene ahorrados en el Fondo de Estabilización Económica y Social (el FEES) de manera muy reducida. Según el último informe del Ministerio de Hacienda desde el inicio del desplome de precios de productos básicos a mediados de 2014 el gobierno ha recurrido a este instrumento dos veces en 2014 y 2015 retirando del FEES 498,9 y 463,9 mil mlns. de dólares respectivamente (Cuadro 1). Un simple cálculo aritmético permite demostrar que con la cantidad total ahorrada de 14 697,6 mil millones de dólares el gobierno de Chile dispone de suficientes recursos financieros para hacer frente a una década de precios de cobre actuales [11, pag. 11].

En 2015 el gobierno incrementó el gasto público en 8,4 % frente al año anterior. Parte de este incremento en el gasto público se financió con 460 millones de dólares retirados del FEES, pero también por medio del incremento de las tasas impositivas. Esta combinación de mediadas de consolidación fiscal por un lado e inyecciones de estímulo financiero por otro asegura un equilibrado ajuste a continuo shock negativo de bajos precios de cobre. El presupuesto de 2016 prevé el incremento del gasto equivalente a 4,4 %, la mitad de lo gastado en 2015 [9, pag. 5].

Los científicos que analizan el caso de Chile coinciden, que la regla fiscal implementada por el gobierno de la nación andina ha hecho un impacto positivo en varios ámbitos:

- 1) Se ha reducido el comportamiento pro-cíclico del gasto público que ahora está destinado a amortiguar el golpe de las crisis y contener el flujo del dinero caliente de corto plazo previniendo el sobrecalentamiento de la economía en tiempos de auge;
- 2) Una menor dependencia de la financiación extranjera;
- 3) Una sustancial mejora de la calificación crediticia y solvencia internacional del país y como consecuencia mejores condiciones de endeudamiento con prima de riesgo notablemente más baja que la de los países de su entorno.

Conclusiones

Como hemos podido demostrar en el presente artículo el caso de Chile es uno de los ejemplos de la graduación del país del grupo de países emergentes y su ingreso en el grupo de países desarrollados. Parte del mérito hay que achacarla a una política fiscal responsable realizada por el gobierno Chileno.

Entre los puntos más importantes en la gestión fiscal de Chile podríamos destacar un marco legal bien elaborado en forma de la Ley de Responsabilidad Fiscal, la base institucional sólida integrada por dos Comités Asesores independientes, la regla fiscal con una indicación clara de las metas presupuestarias y la metodología creíble del cálculo de previsiones de la dinámica del precio de cobre y consecuentemente las proyecciones de los ingresos impositivos en el presupuesto.

El caso de Chile es especialmente importante a la hora de analizar y adaptar las mejores prácticas de gestión de Fondos Soberanos de Inversión en Rusia. Como deriva de nuestro análisis Chile implementa con éxito la tarea de ahorrar las plusvalías de la venta de cobre para después invertir estos recursos en los periodos de recesión como el actual.

Las recomendaciones que se puede dar a los gestores del Fondo de Reserva rusos son las siguientes:

1. Constituir un Comité independiente responsable de la gestión de los Fondos Soberanos;
2. Asegurar una metodología transparente de la estimación de futuros ingresos al presupuesto con el ajuste cíclico de los mismos;
3. Utilizar los recursos acumulados para contrarrestar las variaciones de actividad empresarial previniendo el sobrecalentamiento o drásticos desplomes de la economía.

Literatura

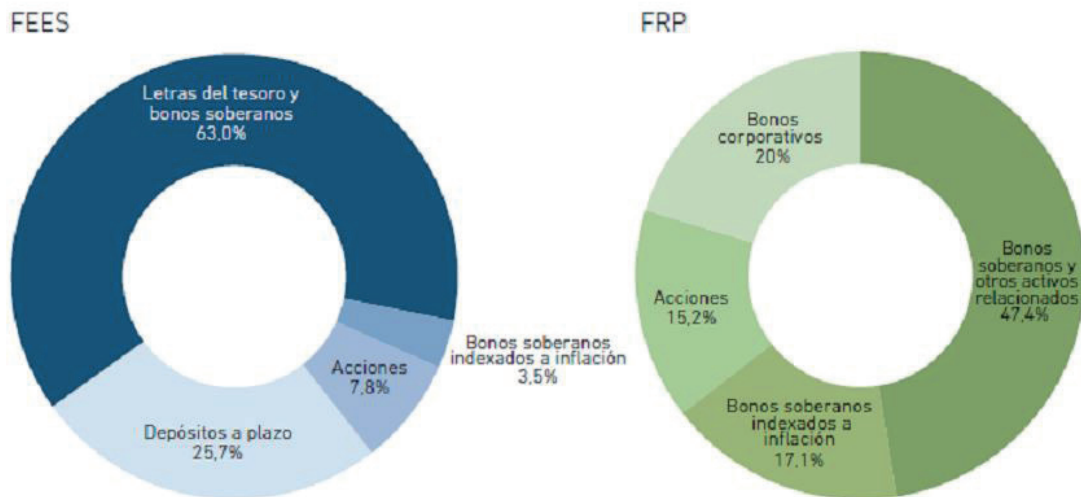
- Salti, N.*, 2008. "Oil greasing the wheels: when do natural resources become a blessing?", *American university of Beirut Working Paper* no. 439, September.
1. *Ilzetzki and Végh*, 2008 "Procyclical fiscal policy in developing countries: truth or fiction?" Working paper 14191. URL: <http://www.nber.org/papers/w14191>
 2. *Ter-Minassian*, 2010. "Preconditions for a successful introduction of structural fiscal balance-based rules in Latin America and the Caribbean: a framework paper". *Inter-American Development Bank, discussion paper no. Idb-dp-157*.
 3. Ley 20.128 sobre responsabilidad fiscal, Dirección de Presupuesto de Chile. URL: http://www.dipres.gob.cl/594/articles-21088_recurso_1.pdf
 4. *Jeffrey a. Frankel*, "A solution to fiscal procyclicality: the structural budget institutions pioneered by Chile", working paper 16945, April 2011, URL: <http://www.nber.org/papers/w16945>
 5. Dipres (Dirección de Presupuestos) (2006), "Structural balance policy in Chile", Report on public finances, public sector budget bill for 2005, Budget Office, Ministry of Finance, Santiago.
 6. *Velasco, A., Arenas A., Rodríguez J., Jorrot M. and Gamboni G.*, 2010. "El enfoque de balance estructural en la política fiscal en Chile: resultados, metodología y aplicación al período 2006-2009". *Estudios de finanzas públicas* no 15.
 7. Ministerio de Hacienda, Informe Anual 2008, "Fondos Soberanos". URL: <http://www.hacienda.cl/fondos-soberanos/informe-anual.html>
 8. Ministerio de Hacienda, Informe Anual 2008, "Fondos Soberanos". URL: <http://www.hacienda.cl/fondos-soberanos/informe-anual.html>
 9. *Jorge Fornero, Markus Kirchner*, mayo, 2014. "Learning about commodity cycles and saving-investment dynamics in a commodity-exporting economy". *Chile central bank working papers* no. 727.
 10. OECD, Economic Surveys Chile, November 2015. URL: www.oecd.org/eco/surveys/economic-survey-chile.htm

Gráfico 1. Valor de Mercado de los FSI (en millones de dólares)

Fuente: Ministerio de Hacienda de Chile, Informe Anual 2014.

Gráfico 2: Composición por clase de activo al 31 de diciembre de 2014 (porcentaje de la cartera)

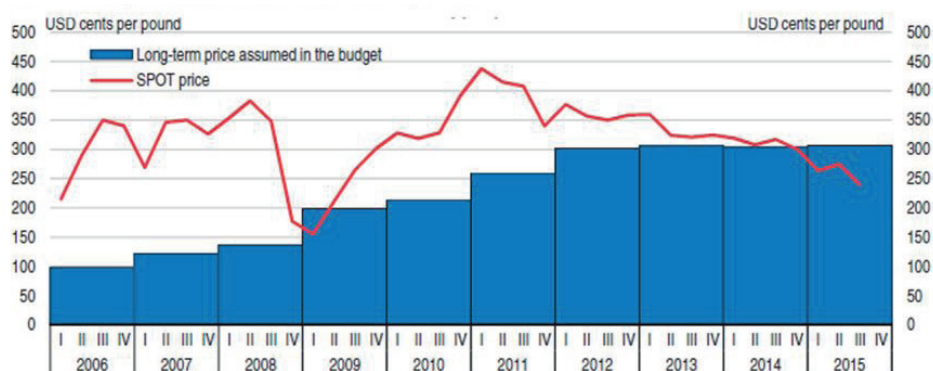

Fuente: Ministerio de Hacienda de Chile, Informe Anual 2014.

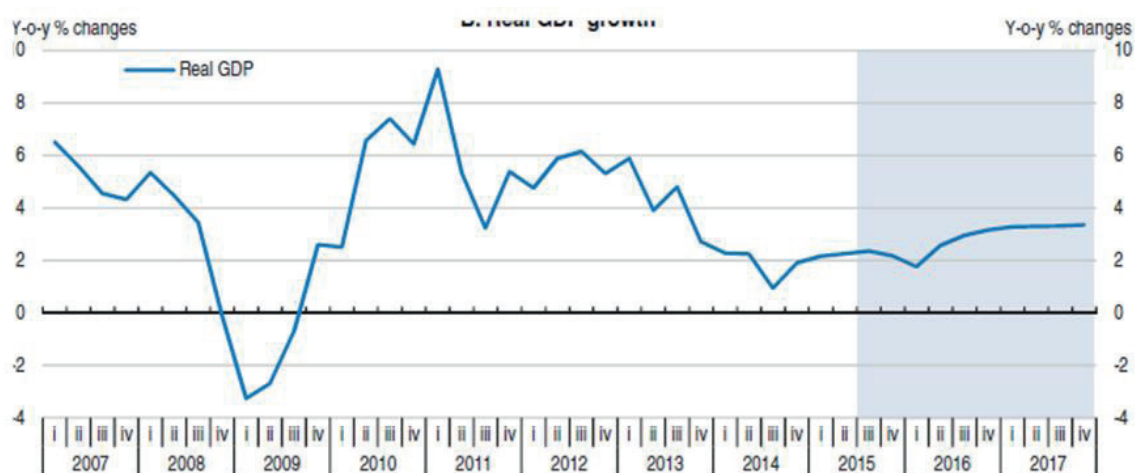
Instrumentos institucionales de política fiscal anticíclica de Chile

Gráfico 3. La dinámica de los precios de cobre y del PIB de Chile

A. Los precios de cobre entre 2006 y 2015

B. La tasa de crecimiento del PIB real de Chile

Fuente: OECD Economic Surveys Chile, pag. 8.

Cuadro 1. Aportes y retiros del FEES (en millones de dólares)

Variación del valor de mercado (MM US\$)	2012	2013	2014	2015	Desde el inicio(!)
Valor de mercado inicial	13 156,64	14 997,52	15 419,13	14 688,82	0,00
Aportes	1 700,00	603,39	0,00	0,00	21 765,71
Retiros	0,00	0,00	-498,93	-463,88	-10 390,52
Interés devengado	201,89	184,10	188,28	167,08	2 602,95
Ganancias (pérdidas) de capital	-59,71	-363,71	-416,97	-422,87	735,31

Costos de Adm., custodia y otros ⁽²⁾	-1,30	-2,17	-2,69	-2,87	-15,81
Valor de mercado final	14 997,52	15 419,13	14 688,82	13 966,28	14 697,65

(1) El FEES fue creado al refundir en un solo fondo los recursos adicionales de estabilización de los ingresos fiscales a los que se refiere el Decreto Ley N° 3.653, de 1981 y los del Fondo de Compensación para los ingresos del Cobre, recibiendo su primer aporte el 6 de marzo de 2007.

(2) Incluye costos asociados a asesorías y otros.

Fuente: Ministerio de Hacienda de Chile: <http://www.hacienda.cl/fondos-soberanos/fondo-de-estabilizacion-economica-y/informes-mensuales/informe-marzo-2016/version-xls.html>

Раздел II.

Иberoамериканский мир в пространстве и времени: актуальные вопросы языка и культуры

Астахова Е.В.

МГИМО МИД России,
доцент Кафедры испанского языка

Комплимент пиропо в испанском пространстве

Аннотация: В статье рассматривается испанский комплимент пиропо как средство языковой коммуникации, которое является принадлежностью испанской народной культуры, охватывает разные аспекты жизни и имеет прямое отношение к сфере изучения национального характера, сохранения или отказа от традиций и ценностей. Пиропо отражает особенности исторических, литературных, социально-психологических событий испанского общества. Отношение к этому явлению свидетельствует о тех глобальных изменениях в сфере экономики, политики, социальных и гендерных отношений, которые произошли в Испании на протяжении последней трети XX и в начале XXI веков.

Ключевые слова: Испания, комплимент, пиропо, лингвокультурный феномен, *teamp castizo*, махизм, юмор, национальный характер, феминизм.

Astakhova Elena V.

Compliment piropo in Spanish space

Abstract: The article analyzes the Spanish compliment piropo as a special form of language communication which is directly connected to popular culture, covers different aspects of life and is related with studies of national character, saving or abandoning traditions and old values. The compliment piropo reflects particular features of historical, literal, social and physiological events experienced by Spanish society. The phenomenon of piropo shows global transformations in the economy, policy, social and gender relationship of Spanish society during the last third of the twentieth and early twenty-first century.

Keywords: Spain, compliment, piropo, linguistic-cultural phenomenon, *theatre castizo*, machism, humor, national character, feminism.

Astakhova Elena V.

Piropo como herramienta de la comunicación lingüística

Resumen: En el artículo se analiza el cumplido español piropo como herramienta de la comunicación lingüística. Es parte de la cultura popular, abarca diferentes aspectos de la vida y tiene una relación directa con los estudios del carácter nacional, de la conservación o rechazo de las tradiciones y valores seculares. El piropo refleja las características históricas, literarias, sociales y psicológicas de la sociedad española y manifiesta los cambios en el ámbito de la economía, política y de las relaciones de género que se han producido en España durante el último tercio del siglo xx y principios del siglo XXI.

Palabras clave: España, piropo, cumplido, fenómeno cultural y lingüístico, el teatro castizo, majismo, humor, carácter nacional, feminismo.

Un piropo es una flor que se ofrece a la mujer...
Пиропо – это цветок-подношение женщине...
Из народной поэзии

Испанский комплимент *piropo* — необычное средство языковой коммуникации, которое является несомненной принадлежностью испанской народной культуры, хотя в последние десятилетия говорить и писать о пиропо считается политически некорректным, не модным и даже опасным занятием — можно прослыть ретроградом. Более того, на первый взгляд эта тема может показаться не заслуживающей внимания — ведь речь идет о куплетах, виршах, прибаутках. Тем не менее в комплименте-пиропо отражаются особенности исторических, литературных, социально-психологических событий, которые переживало и переживает испанское общество, и даже отрицательное отношение к пиропо свидетельствует о тех глобальных изменениях в сфере экономики, политики, социальных и гендерных отношений, которые произошли в Испании на протяжении последней трети XX и в начале XXI веков.

Пиропо как лингвокультурный феномен коммуникационного поля охватывает разные аспекты жизни и имеет прямое отношение к сфере изучения национального характера и народной культуры, с ним связано такое истинно испанское общественное явление как *casticismo* — «тяга к народным корням».

Пиропо в испанском языке обозначает импровизированный эмоциональный, чаще всего эротический комплимент в отношении незнакомого адресата — до недавнего прошлого — женщины, произносимый в общественном пространстве и в присутствии других людей — зрителей и слушателей. Следует отдельно отметить несовпадение значений русского слова комплимент как «приятные, любезные слова» и испанского пиропо. Русскому комплимент соответствует испанское *cumplido*. Другими словами, в испанском языке существуют два вида комплиментов: комплимент-кумплидо и комплимент-пиропо, последний обладает конкретными специфическими признаками. Многие русские авторы переводят пиропо как «комплимент, фам.», и только в некоторых словарях дается специфическое значение *piropo* — «сказать комплимент незнакомой женщине» [6], а также определяется его маскулинный лингвокультурный феномен и возможный, но не обязательный, вульгарный тон [22, с. 193]. Вместе с тем в последние десятилетия, в связи с глубокими социально-психологическими трансформациями в обществе, такого рода комплимент используют и женщины в отношении мужчин, особенно это принято в молодежной среде. В то же время прагматика использования *piropo* привела к его расширительному толкованию, поэтому в настоящее время возможно услышать *piropo* в общепринятом значении комплимента.

Искусство комплимента, истоки пиропо

Этимологические корни *piropo* восходят к латинскому *pyropus*, а это слово в свою очередь происходит от греческого *pyropos*, состоявшего из двух компонентов *pyr*-*pyrós* (*fuego*, огонь) и *ops* (*vista*, *ojo*, взгляд, глаз). Синонимами выступают *lisonja* (лестные, сладостные слова), *alabanza* (похвала, восхваление), *requiebro* (комплимент, любезность, ухаживание), *flor* (любезность), *galantería* (галантность), *cumplido* (комплимент), *halago* (лесть, приятные ласковые слова).

Лексема проникает в испанский язык в XV веке как обозначение драгоценного камня красного оттенка — рубина или граната. Когда и почему произошло семантическое изменение этого слова как метафоры женской красоты, цветалица, блеска глаз, — сказать точно уже невозможно. Некоторые авторы ссылаются на слова Америко Кастро (Américo Castro, 1885–1972, испанский филолог и культуролог), который считал, что нашел возможное историческое объяснение расширительного толкования *piropo* в латинских стихах «Реторики» Ариаса Монтано (1569 год). В этих поэтических строках щеки молодой красавицы уподобляются краскам рубина — *piropo*. Кастро утверждал, что «студенты, вдохновленные поэмой, в которой пиропо звучит исключительно в чувственном контексте», начали делать комплименты девушкам — *echar piropos*, затем уже это слово проникло в разговорную речь «улицы» [18]. Этимологический словарь «Короминас и Паскуаль», дает ссылку на поэму Кеведо (Francisco de Quevedo y Villegas, 1580–1645, испанский поэт и прозаик «золотого века»), в которой *piropo* выступает как метафора «женских уст», тем самым превращаясь в тонкую галантную любезность — *requiebro por excelencia* [1].

Пиропо в современном значении спонтанного и эмоционально окрашенного комплимента, обращенного к незнакомому адресату, начинает употребляться намного позже. Вот как пишет об этом анонимный автор в 1921 году: «*Пиропо* — это внезапное проявление эмоции, которая

вспыхивает у мужчины в присутствии красивой женщины... *Пиропо* — это летящая фраза, которую обращает мужчина женщине, не ожидая ее ответа, а тем более благодарности или какой-либо другой реакции» [18]. Еухенио д'Орс (Eugenio d'Ors, кат. Eugeni d'Ors i Rovira, 1881–1954, испанский философ и писатель) называл пиропо «внезапным мадригалом», обращая внимание на его поэтическое содержание [2, p. 146].

Пиропо, который в эпоху Возрождения родился как синоним поэтической галантности, по мере трансформации в XX веке стал олицетворяться с проявлением маскулинности, мачизмом. По словам писателя Фернандо Диаса-Плаха, в основе пиропо лежат два мотива — выплеск эмоций при виде женщины, а также желание продемонстрировать окружению свою мужественность: «Каждое утро испанец выходит из дома, чтобы доказать всем, что он — мачо. А для этого пиропо — просто необходимый элемент» [2, p. 152].

Итак, *пиропо* — это впечатление — *impresión*, за которым следует экспрессия — *expresión*, выраженная словами или невербальными средствами — это может быть взгляд, улыбка, жест, свист, гудки автомобиля и т. п. Феномен настолько «виден» и «слышен», что его связывают с проявлениями испанского национального характера. А к чертам этого характера, кроме прочих качеств — открытость, общительность, спонтанность — относится и способность играть со словом, импровизировать, изобретать метафоры, искать новые словообразования, проводить нетождественные сравнения... Площадками словотворчества становятся улицы, площади, бары, кафе, политические митинги и трибуны, парламент; слово рождается в общественном пространстве без социальных и возрастных преград.

Пиропо — это также проявление эмпатии (сопереживание эмоциональному состоянию), что является особенностью энергетики коммуникационных способностей. Когнитивная эмпатия базируется на интеллектуальных процессах — сравнение, аналогия [10].

Как известно, сравнение — это особая синтаксическая форма выражения, фигура речи, когда один предмет посредством грамматической связки «как», «будто», «словно», «точно» и т. п. сопоставляется с другим. Не всякое сравнение может быть синтаксически сжато в метафору. В сравнении существенна именно раздельность сопоставляемых предметов, между сравниваемыми предметами ощущается расстояние, которое в метафоре преодолевается. Образ, привлекаемый для сравнения, легко разворачивается в совершенно самостоятельную картину, связанную часто только в одном каком-нибудь признаке с тем предметом, который вызвал сравнение. В пиропо часто присутствуют сравнения. *Пиропо* — это также творчество в создании метафоры, причем необычной, неподготовленной заранее.

Прежде, чем приводить примеры (сноски на примеры представлены в библиографии), оговоримся, что в переводе на русский передается смысл высказывания, что, естественно, снижает стилистику и очарование комплимента:

Quisiera ser el mar, y que tú fueras la roca, porque al subir la marea te besaría en la boca.
Хотел бы я быть морской волной, а ты — скала,
ведь когда будет прилив, я поцелую тебя в уста.
Si amarte es pecado, el infierno es todo mío.
Если любить тебя — грех,
то тогда весь ад — мой.

Истоки *пиропу* лежат в раннем средневековье, в куртуазных лирике и песнопениях трубадуров с их идеальным культом Прекрасной дамы. Рыцарская поэзия была распространенным литературным жанром старинных княжеств, которые позже станут Испанией. Испанская средневековая лирика включала в себя множество произведений разного жанра. По мнению исследователей, авторами большинства из них были выходцы из низших слоёв общества, скрашивавшие свой повседневный быт (работу и праздники) лирическими песнями. Почти во всех композициях той поры присутствовала тема любви и связанных с ней переживаний — страдание или смерть из-за любви, горе из-за расставания, боль измены, прочие превратности судьбы. «Культурная» лирика, которая была распространена при королевских дворах, отличалась от «народной» высоким слогом: в ней присутствовали мораль, политика, философия, теология, использовались отсутствующие в «народных» произведениях аллегории и сложные словоформы. Особое влияние на «галантные» стихи оказали испано-арабские литераторы, особенно в Андалусии, они и заложили основы поэзии с ее синтезом земной и небесной любви и идеалом поклонения.

Театр, «кастицизм», «махизм»

Риторика галантной поэзии имела мало общего с речью народного ухаживания. Спонтанная, грациозная и не связанная никакими канонами форма пиропо становится частью коммуникации в конце XVII – XVIII веков в связи с расцветом драматического искусства и появлением новых эстетических законов.

Театр в ту эпоху был настолько популярен, что охватывал все стороны жизни, более того был самой жизнью. Ожесточенная борьба между защитниками классического театра с присущей тому воспитательной миссией и сторонниками национальной комедии – *teatro costumbrista* (от исп. *costumbre* – обычай) завершилась тогда в пользу последней. Причиной была, по мнению Ортеги и Гассета, неспособность испанской аристократии послужить социальным и образующим образцом поведения: «...знатия утратила какую бы то ни было творческую силу», «была бездарной не только в политике, в правлении, в войне, но и в том, чтобы обновить или хотя бы достойно поддержать повседневную жизнь» [12, с. 206].

Спонтанная народная реакция на искусственно навязываемые сверху универсальные идеи французского просвещения получила название *casticismo*, что означает приверженность национальным и народным обычаям, привычкам, манере поведения, речи. Можно сказать, что *casticismo* – это особое социокультурное явление испанской истории XVIII века, «значительнейшее», «огромное», «неслыханное в других странах» [12, с. 206], отзвуки которого докатились до XX века.

Пылкая любовь к «народному» – *castizo*, подражание речи, одежде, танцам, песням, манерам, развлечениям «плебса» охватила многочисленные слои образованного общества: «Простые люди жили так, как сами хотели, как придумали, и ничуть этого не стыдились, напротив – очень радовались, не подглядывая за аристократами и не пытаясь подражать им. А вот аристократы радовались только тогда, когда им удавалось перенять манеры простонародья» [12, с. 206]. Народ начал ориентироваться только на себя и стилизовать свои традиционные ценности: вести себя «в образе», «жить в определенном стиле». Ортега писал, что стилизованное поведение «породило все, какие только есть, жесты, позы и движения двух последующих веков... Народ создал для себя как бы вторую природу... Набор ежечасных линий и ритмов составил особый словарь, и из этого материала возникли народные искусства» [12, с. 207].

Испания в ту эпоху разделилась на две партии: с одной стороны, подавляющее большинство, погруженное в «простоту», с другой – несколько групп, весьма малочисленных, но состоящих из выдающихся ученых, мыслителей, государственных деятелей, воспитанных на французских идеях и вкусах. «Для них народный испанский облик был отвратителен, – продолжим цитировать Ортегу. – Спорили эти партии рьяно и всерьез. Честно говоря, в чем-то были правы и те, и эти». «Умники» боролись с грубым щегольством, пытались запретить корриду, яростно бранили развязные пьески, хотя глупы были и переводные и испанские трагедии, которыми хотели их заменить. И как это ни забавно, нападки умников на опрощение уснащены теми самыми словами, которые поборники «простоты» употребляли в разговоре: а значит, «опрощение» проникло буквально повсюду» [12, с. 211,212].

В театре же на первом месте был зритель. Пьесы ставились для увеселения народа. В антракте «серьезных пьес» давались «шутейные» представления, чтобы дать расслабиться, отсмеяться, увидеть изображение близкой и понятной жизни (кстати, так было еще в античном театре – вслед за трагедией представляли комедию). Короткие пьесы-сайнетты – *sainete* и сарсуэлы – *zarzuela* (музыкальные постановки, в которых мифологические истории переплетались с картинами повседневности), были особо любимы публикой. Разжигающие кровь сюжеты, роковые чувства и страсти – вот, что влекло испанцев в театр. «Главным» автором был драматург Рамон-де-ла-Крус (*Ramón de la Cruz Cano y Olmedilla*, 1731–1794), написавший свыше трёх сотен пьес о жизни низших и средних классов Мадрида и безжалостно критикуемый интеллектуалами.

Театр формировал социальное пространство и игровое поведение. Зритель активно участвовал в сценических ситуациях. Восхищение актерами и актрисами достигало апогея: копировали их одежды, язык, манеры, взаимоотношения, сопровождали кареты, в которых следовали «кумиры». На улицах даже нищие распевали куплеты из сайнете.

Заметим, что именно в XVIII веке, сначала в Мадриде, а затем и в других городах, в связи с регламентацией городской застройки, улица стала сценой и своего рода театром для разных классовых слоев. Появилась мода на прогулки, *гуляния* по бульварам, улицам, площадям – *paseo*

callejero, что остается принадлежностью социального поведения и типичной формой времяпрепровождения и в наши дни.

Процветал *lenguaje del coqueteo* — язык флирта, не ограниченный социальными предрассудками и развивающийся не только на вербальном, но и на невербальном уровне — положение родинки на щеке, игра веером, особым образом завязанная косынка.

Прямое отношение к нашей теме имеет и еще одно чисто испанское явление — махизм (махизм) — *majismo*. Данный феномен, тесно связанный с *casticismo*, родился в Мадриде (а затем распространился в Севилье, Кордобе, Кадисе) как ответ на наступление французского влияния в разных аспектах социальной жизни. Махó (исп. *majo*, муж.) и махá (исп. *maja*, жен.) — испанские щеголи из простонародья в XVIII—XIX веках, но подобным сухим определением не исчерпывается значение этих слов.

Majos и их подружки *majas* были представителями низших классов общества, выходцами из обедневших провинциалов, жителями мадридских бедных районов, нередко среди них оказывались настоящие бандиты — *bandoleros*. Эта городская прослойка выделялась из остального общества высокомерным поведением, презрительным отношением к аристократии, чувством собственного достоинства, особой щегольской манерой одеваться. Кроме того, они практиковали особый разговорный язык городской богемы, тореадоров, актеров, маргинальных слоев.

На фоне *афранcesадос* (*afrancesados* — галломаны), которые отличались рафинированными манерами и языком, *махос* отважным поведением, яркой народной речью и костюмом подчеркивали, помимо всего прочего, и национальную принадлежность. Так, известный персонаж Маноло, махо из пьесы Рамона де ла Круса, олицетворял собой популярный среди городских низов тип смельчака и волокиты, полной противоположности *афранcesадо*, у которого было выверено каждое слово и деталь костюма.

Современники так рисовали типичную картину на улицах Мадрида — надменный махо, этот «плебейский» кавалер, с важным видом шагает по бульвару, закутавшись в длинный плащ и вызывающе попыхивая большой черной сигарой. Махос служили излюбленным объектом изображений Франсиско Гойи.

Особенно отличались женщины-махи — своеобразным обликом, характером и одеждой. Со временем популярная фигура махи, в которой сочетались романтизм, сильное национальное начало, стала восприниматься как квинтэссенция испанки. Их стиль одежды находил адептов во всех слоях общества, состоятельные сеньоры имитировали костюм *majas*. В сохранившихся портретах испанской аристократии того времени мы наблюдаем, с каким удовольствием позировали испанки в образе махас. мода достигла королевского двора, чему свидетельствовал портрет королевы Марии Луизы кисти Ф. Гойи в испанской народной одежде. Самый яркий пример — герцогиня Альба, которая, как приписывала молва, послужила моделью Гойе для картин «Одетая маха», «Обнаженная маха».

К 1770-м годам «махизм» превратился в повальное увлечение в высших кругах. Выставляемая напоказ в театре и в жизни бурная и аморальная жизнь махос, их жесты, песни и танцы (с тамбуринами, кастаньетами и гитарами), обороты речи и характерное произношение, оказались чрезвычайно притягательными для аристократии. **Majismo выступал как народное явление и идентификационный фактор, затронувший высшие классы общества.**

Язык махос с театральных подмостков спустился «на улицу». Авторы представлений вдохновлялись смелым народным языком, создавали новые словообразования, публика имитировала язык спектаклей. Такие известные слова, как *guapo* (а) — красавец, *chulo(a)* — проказник, милашка, *majo (a)* — щеголь, красавец, считались сначала грубыми и вульгарными, но, войдя в разговорную лексику аристократов, стали нормой. Можно утверждать, что пиропо, так часто звучавший с подмостков, явился продуктом «махизма».

На протяжении всего XVIII века шел взаимообмен словотворчества театра и жизни. Кульминации он достиг в эпоху театра Малого жанра — *teatro de género chico* — в конце XIX века — в первой трети XX века. В коротких одноактных пьесах сайнетес, энтресес, сарсуэлах, тондильяс (*las obras de ambientes y costumbres*) преобладала любовная тема, поэтому пиропо выступал как часто используемое средство. «Наследники Маноло» — *chulo* и *chula* (представители низших слоев Мадрида, отличавшихся аффектацией манер, одежды и речи) в своих диалогах копировали эстетику поведения и разговора простолюдинов, те в свою очередь повторяли их формулы коммуникации — так родился особый язык — *habla chulesca*.

Именно тогда пиропо окончательно отошел от эстетики «галантного ухаживания» — *requiebros*, «перешел на улицу». В *piropo callejero* — «уличном комплименте» и в «искусстве уха-

живания» — *arte de cortejo* стали цениться острый юмор, соленые словечки, двойные подтексты. Примеры этих комплиментов можно найти в сборниках пиропо, издающихся в Испании, они почерпаны в основном из театральных пьес Малого жанра. Приведем типичный парафраз из известной пьесы *La revoltosa*:

*¡Viva lo hermoso! ¡Y lo esbelto!
 ¡Y lo chulo! ¡Y lo serrano!
 ¡Vaya un trapío! ¡Qué posturita!
 ¡Qué cinturita! ¡Vaya unas formas que tiene usted! ¡Olé! ¡Y olé! ¡Requeteolé!
 Да здравствует красота! И стройность!
 И кокетка! И недотрога!
 А как нарядна! Какая походка!
 Какая талия! Что за фигура! Оле! И оле! И еще раз оле!*

Между прочим, многие испанские телевизионные сериалы конца XX века и начала нашего века в общем-то повторяют те же темы, что и пьесы театра *género chico* — незатейливые сюжеты повседневной жизни простых жителей района, города, поселка, их семейные заботы, любовные связи, взаимоотношения на работе, проблемы отцов и детей и т. д. И в этих сериалах также можно найти примеры *пиропо*, как и другие заметные приметы народного языка.

Признаки пиропо

Пиропо стал частью коммуникационного поведения испанцев в силу упомянутых причин, к которым можно добавить следующее:

Для испанского языка характерно стремление к преувеличению, гиперболе, броским образам, громким словам, неожиданным стилистическим оборотам [7, с. 74–75], что отражает живость темперамента, экспрессию чувств.

Экспансивный, экстравертный характер обуславливает частоту использования определенных языковых средств в эмоциональном высказывании, прежде всего таких, как восклицание. «Комплименты-*пиропо* — как пиротехнический салют, — говорит Эстер Форгас, профессор испанского университета. — Эти выражения свойственны экстравертным лингвокультурным сообществам, поскольку речь идет о внутреннем взрыве, который рвется наружу» [20].

В силу климатических, географических и историко-этнологических факторов различаются регионы, где чаще употребляется *пиропо*: это Андалусия и Кастилья, а вот в Галисии и Каталонии — это более редкое явление.

Присутствию *пиропо* в коммуникации способствует игровое, театральное сознание. Автору комплимента необходимо свободное словотворчество как таковое: игра слов, нетождественные сравнения, использование метафор, изобретение новых словечек, шуток, прибауток, поговорок. Например, такой необычный пиропо: *Nena, con estas pestañas no vayas por El Retiro, que están de poda.* — Малышка, не гуляй по Ретиро (парк Ретиро в Мадриде — автор), ведь сейчас подстригают деревья.

Или другой, построенный на игре слов, которую оценит знающий испанский язык и реалии читатель: *Mi amor espuro. Si usted quiere, podemos ser Romeo y Julieta y poner un estanco* [15, p.45] — *Моя любовь чиста, мы можем стать как Ромео и Джульета и открыть табачный киоск.* *Puro* — это не только прилагательное *чистый*, но и *сигара*, а «Ромео и Джульета» — марка сигарет.

В следующих примерах мы видим забавное обыгрывание слов:

La vida sin ti no tiene sentido porque mis cinco sentidos los tienes tú. — *Жизнь без тебя не имеет смысла (чувств), потому что все мои пять чувств (смыслов) — твои.*

Cómo quieres que te olvide si cuando quiero olvidarte, me olvido del olvido y comienzo a recordarte. — *Как ты хочешь, чтобы я забыл тебя: ведь, когда я хочу тебя забыть, я забываю о забывании и начинаю вспоминать.*

Te quiero porque te quiero, porque te quiero querer, porque siempre te he querido y nunca sabré por qué. — *Люблю тебя, потому что люблю, потому что люблю любить, потому что всегда тебя любил и не знаю почему.*

Есть мнение, что комплимент, брошенный на улице незнакомке, не несет заинтересованного характера, его автор просто демонстрирует свои эмоции, но большинство исследователей склоняются к тому, что цель пиропо привлечь внимание адресата, вызвать социальный кон-

такт. Настоящий пиропо не должен быть оскорбительным, он должен быть галантным, изобретательным, к месту. Вот правила, которым предлагается следовать автору спонтанного комплимента: «Для того, чтобы пиропо отвечал поставленной цели, он должен быть умным, вежливым, тонким, по возможности смешным, последнее можно заменить поэтическими строфами по вдохновению» [18].

Сравним, насколько отвечают этим требованиям следующие комплименты:

No eres el sol, no eres un lucero, pero eres la luz que alumbró mi sendero. — Ты не солнце и не яркая звезда, ты — свет, освещающий мой путь.

Adán por Eva se comió una manzana, yo por ti me comería toda la frutería. — Адам из-за Евы съел яблоко, а я за тебя съел бы все-все фрукты.

¿Cómo me gustaría ser pirata con semejante tesoro! — Как бы мне хотелось быть пиратом, чтобы обладать таким сокровищем!

Суммируем специфические признаки пиропо:

1) Этот комплимент должен прозвучать в публичном пространстве, ведь его автор — *piropeador*, ожидает восхищения и аплодисментов слушателей и зрителей. Мужчина не прибегает к жанру *пиропо* в адрес женщины, если он один. Предполагается также, что женщина не должна отвечать на комплимент, если же отвечает, то теряется соль игры «по правилам». В этом признаке ярко видны роли противоположных полов.

2) Формула *пиропо* — краткая. Ожидается немедленный эффект слов, которые произносит *piropeador*, у него мало времени на длинные тирады — адресат уже поворачивает за угол, ускользает из поля зрения. Фраза — лаконична, спонтанна, смысл высказывания по возможности оригинален и сжат. Это может быть одно слово — *¡guapa!* (красотка), *¡bonita!* (красавица), *¡preciosa!* (сокровище), *¡bombón!* (конфетка), — или рифма, что предполагает наличие определенного поэтического дара и встречается реже:

Yes, yes, en inglés, piano, piano en italiano, y lo mucho que te quiero te lo digo en castellano. — Йес, йес — по-английски, пиано, пиано — по-итальянски, а то, как я тебя люблю, я скажу по-испански.

Si deseas lastimarme, de nada sirve un puñal, basta con ignorarme y la herida será mortal. — Если хочешь меня ранить, не нужен тебе кинжал, достаточно не замечать меня, и рана будет смертельной.

3) По форме и по содержанию настоящий комплимент-пиропо должен быть красивым, галантным, не грубым:

Mírame un poco que me estoy muriendo de frío. — Ну взгляни на меня, ведь я умру от холода.

Cuando sales a la calle se nubla el sol. — Когда ты выходишь на улицу, то затмеваешь солнце.

Cuidado con las abejas porque andan buscando flores. — Осторожно с пчелами: они летают в поисках цветов.

4) *Пиропо* — это импровизация. Заученные стихи или приевшаяся формула не соответствуют жанру, который подразумевает спонтанность, искрометность, вдохновение. Существует мнение, что настоящий пиропо — это отражение внутреннего *duende*, он иррационален:

¿Sabes porque el mar es salado? Porque tú te llevaste toda la dulzura. — Знаешь, почему море — соленое? Потому что ты унесла всю сладость.

5) Юмор — неременная часть ситуации комплимента. Искусное слово, смешная фраза могут вызвать смех, одобрительную улыбку и даже ответный комментарий. Иногда в предложении комбинируются совершенно разные, не тождественные элементы. Присутствует игра слов, гипербола, противопоставление и другие приемы, к которым бессознательно прибегает *piropeador*. Например:

Préstame una pestaña que se me ha perdido un cordón del zapato. — Одолжи мне твою ресницу — у меня потерялся шнурок от ботинка!

Quisiera ser papa frita para acompañar a ese lomo. — Хотелось бы мне быть жареной картошечкой, чтобы стать гарниром к этому аппетитному кусочку.

¿Me dejas encender un cigarro con el fuego de tus ojos? —

Позволишь мне зажечь сигарету от огня твоих глаз?

Que bonitos ojos tienes, tan redondos como el sol, se parecen a los ceros que me pone el profesor. — Какие у тебя красивые глаза! Такие же круглые, как и нули, что мне ставит учитель.

Приведем *пиропо*, в которых автор хочет прослыть высокообразованным:

Por usted, que es una Venus de Milo con brazos, me voy a quedar como la Victoria de Samotracia: sin pies ni cabeza [21, 44]. Ради тебя — Венеры Милосской, но с руками, я стану как Ника Самофракийская — без головы и ног!

6) *Пиропо* часто носит фрагментарный характер, наиболее распространенные относятся

к глазам, ресницам, губам, походке, груди, ногам и т. д. Примеры словотворчества о походке:

Eso no es andar, es hacer cosquillas al pavimento. — Ты не идешь, а щекочишь тротуар.

Ahora resulta que las estatuas caminan. — Уже и статуи спустились с пьедестала!

Tú no andas... ¡Planeas! — Ты не идешь, паришь по воздуху!

¡Ya va andares bonitos, caminante de mi corazón! — Какая походка, в ритм моего сердца!

Очень много комплиментов о глазах-звездах, что объясняется давней традицией, уходящей корнями в арабо-андалузскую лирику:

¡Mi señora madre, que par de ojos! ¡Ahora me entero de que hay estrellas negras! — Матерь Божья, какие глаза! Теперь понимаю, что черные звезды существуют на самом деле.

Tus ojos son más lindos que dos soles juntos. — Твои глаза прекраснее двух солнц.

¡Has robado del cielo los ojos que tienes en la cara, niña? — Ты с неба украла свои глаза, детка?

Вообще в фольклоре многих народов присутствует упоминание о разрушительной силе «очей», сравним русские цыганские романсы и куплеты фламенко, в которых часто повторяется эта тема. В современных *пиропо* накал «тайны взгляда» снижается с помощью иронии, юмора и даже лексем из научно-технического ряда:

Aprague usted los faros, que me voy a deslumbrar. — Погасите фары, а то я ослепну.

Con esos ojos, en vez de anteojos tienes que usar parabrisas. — С такими глазами тебе нужны не очки, а дворники для ветрового стекла.

Длинные ресницы — другая тема, в том числе и современных *пиропо*, в которых нередко содержится «поэтизация» обычных бытовых предметов:

¡Ya va pestañas! Si en ellas se puede tender la ropa! [21, p. 118]. — О, какие ресницы — на них даже можно сушить одежду!

¡Abanícame con esas pestañas, linda! [16]. — Красотка, обдуй меня веером своих ресниц!

Предметом восхищения обязательно служат маленькие рот и нос:

Esto no es una nariz, es un suspiro. — Это не носик, просто вздох!

¿De dónde ha robado esos dos claveles que lleva en los labios? — Где ты украла эти две гвоздики, что украшают твои губки?

¡Eso que tiene usted no es una boquita! ¡Es un joyero para guardar perlas! — Это — не ротик, а шкатулка с жемчугом!

В комплименте-*пиропо* отражаются конкретные исторические референции, например веяния моды или появление новых предметов потребления, упоминаются элементы технического прогресса, политические и культурные события. Этот комплимент превращается в документ — свидетельство определенной эпохи.

В 60-е годы прошлого века, когда Испания под лозунгом *Spain is different* стала активно привлекать туристов из Западной Европы, был зафиксирован такой *пиропо*: *¡Preciosidad! ¿Le ha contratado a usted el Patronato Nacional del Turismo para la atracción de forasteros? — Красотка, тебя наняло Национальное агентство по туризму, чтобы привлечь иностранцев?*

Приведем некоторые примеры, связанные с политикой:

¡Ya va! ¡Hace más estragos que la bomba de hidrógeno! — Ох, ты разрушаешь все больше, чем водородная бомба!

¡Qué piernas más bonitas! Con el refuerzo de unas columnas como esas, yo acababa en seguida la guerra de Vietnam. — Какие ножки! С такой красотой я остановил бы войну во Вьетнаме тотчас же!

¿No sabes que la unión hace la fuerza? ¡Unámonos! — Ты знаешь, что сила в единстве? Так объединимся же!

Интересен такой факт: когда началось активное освоение космоса и появились сообщения об НЛО, многие испанцы отправлялись на Канарские о-ва наблюдать за якобы имевшими место маневрами «летающих тарелок» именно в той части света. Вот *пиропо*, свидетельствующий о том увлечении:

Lo aseguro, chiquita bonita, que si no ha caído del cielo, esque le ha traído a la tierra un platillo volante. — Уверяю тебя, красавица, что, если ты не упала с неба, то тебя принесла «летающая тарелка».

Упадок пиропо

В комплименте-*пиропо* с самого начала присутствовал дуализм. Вместе с галантными формулами существовали и продолжают существовать грубые и агрессивные фразы. В испанской истории даже имели место безуспешные попытки со стороны правительственных кругов ограничить *пиропо* в общественных местах под предлогом борьбы за «моральную целостность граж-

дан». В частности, правительство Примо де Риверы (1923–1930 годы) издало декрет о запрете пиропо, что вызвало бурный протест сторонников обычая, объявивших *пиропо* чуть ли не «национальным достоянием», и от указа пришлось отказаться.

Путь реформ, на которые ступила Испания, начиная с 60-х годов XX века, и особенно после падения режима Франко, последующей демократизации, вступления в Европейский Союз, радикально изменил роль женщины в патриархальном обществе. Эмансипация, сексуальная свобода, отмена традиционных табу послужили толчком для упадка комплимента, который превратился в анахронизм в обществе, где уже преобладают другие, «разрешительные» формы межличностного общения. Но кроме социальной эволюции и глобализации, которые вызвали гендерные изменения, есть еще другие причины ухода *пиропо* в тень. Это иррациональный страх испанцев показаться в глазах «чужих» отсталой страной «третьего мира», глубоко запятанный комплекс неполноценности перед «развитыми нациями», которые в век феминизма не позволяют себе «приставать к женщине».

Натиск массовой культуры, упадок интереса к *teatro castizo*, засилье универсальных телевидения, кинематографа, Интернета, развитие социальных сетей также фигурируют среди источников этих перемен. Если пиропо и существует, то благодаря представителям профессий (таксисты, строительные рабочие, официанты и т. п.), которые считают улицу своей территорией и не хотят знать, что это явление — анахронизм.

«Культура обычно меняется медленно, но в конце концов все-таки отвечает на вызов меняющейся среды. Перемены в социально-экономической среде, воздействуя на жизненный опыт индивидов, тем самым способствуют переформированию убеждений, позиций и ценностей на индивидуальном уровне», — пишет исследователь современного постмодерна Р. Инглхарт [20]. Культура не меняется вдруг, культура противится переменам, но люди чутки к тем аспектам реальности, которые затрагивают их напрямую. Это является решающим в перемене отношения к новым ценностям, в том числе в гендерной области.

В Испании движение против *пиропо* возглавили феминистские организации, которые бдительно следят за этим феноменом, собирают жалобы и издают специальные инструкции, как уметь отличить просто приятный комплимент от агрессивного высказывания, которое расценивается в качестве *acoso sexual* (сексуальная агрессия по отношению к женщине). В то же время феминистки признают, что «благонамеренные комментарии» в адрес противоположного пола вполне допустимы: все зависит от мотивов автора комплимента. «Нужно видеть, кто произносит пиропо, в какой ситуации и кто и как его воспринимает, практически следует изучать каждый случай отдельно. Ведь пиропо — это языковое средство, в котором присутствует игра слов, поэтому возможны ошибочные толкования и недопонимание сторон», — говорит президент Форума феминисток Испании Нина Инфанте [20]. Она признает, что, несмотря на «позитивные сдвиги», «пока продолжают фигурировать в межличностном общении самые разные шутки, поговорки, словосочетания, которые носят дискриминационный характер и которые мы должны вырывать с корнем».

Существуют и другие мнения. Кармен Посадас, современная писательница, сожалеет, что *пиропо* исчезает в Испании: «...в нашей стране комплимент умер и похоронен. Любая красавица может пройти мимо группы мужчин, которые на нее даже не взглянут. Вот латиноамериканцы — они еще способны сказать нам что-то красивое». «Уверяю вас, — пишет писательница, — что во Франции, в Англии и даже в России (! — автор) продолжает жить этот вечный обычай, в каждой стране по-своему. В Испании же, которая когда-то славилась гениальными изобретениями в словотворчестве ухаживания, уже не услышишь ни одного восхищающего ухо слова, ни даже грубоватой реплики, которые бросали со своих строительных лесов рабочие. Все кончилось, мы, женщины, похоже, уже не вдохновляем ни на один комментарий, хороший или плохой» [17].

Известно, как обижаются феминистки во всем мире на «рыцарское поведение» мужчин: предложить стул, пропустить в дверь, подать пальто и т. п. жесты. Мужчины в свою очередь вынужденно принимают навязанные «правила». Осуждается, как провокационная, чересчур женственная манера одеваться на рабочем месте, что может даже послужить поводом к увольнению. (Тем не менее, если мы посмотрим, как одеваются женщины-профессионалы в Испании, то убедимся, что внешний облик, следование моде и желание быть привлекательными продолжают оставаться для них важными).

«На мой взгляд, — рассуждает Кармен Посадас, — мачизм предполагает другое отношение к женщине, намного более неприятное и опасное, чем такие жесты, как подать пальто или похвалить красивое платье, которое мы часами выбираем для свидания. Очень жаль, что в про-

цессе адаптации к новым социальным отношениям мы потеряли галантность. Не надо смешивать одно с другим. Ничего общего не имеет запрет *пиропо* и уважение к женщине» [17].

В последнее время можно наблюдать в Испании оживление жанра *пиропо* в других контекстах и формах. Ностальгия по утерянным традициям, желание сохранять старинные обычаи, противостоять универсализации – типичная черта постмодернистских обществ. Испания – яркий тому пример. Мы уже писали о культе народных праздников в этой стране. В рамках народных праздников организуются конкурсы *пиропо*, сочиняются куплеты в духе классических театральные пьес Малого жанра. Любопытно, что большинство участников конкурсов – женщины, да и победителями обычно становятся они, причем премируются в основном те реплики, где адресатом выступает мужчина. Конечно, это не говорит о том, что социальные роли совсем поменялись, и что только женщины теперь являются авторами любовных комплиментов, доказывая свое равенство с мужчинами. Но действительность такова, что настоящий *пиропо* – спонтанный, галантный, поэтический, острый утрачивает свое значение и теряет позиции как часть народной культуры Испании.

В то же время очень важно учитывать следующее: с переходом к постмодернизму траектория перемен в обществе вновь сдвигается, качается маятник, и старые ценности, но уже в новых исторических и социальных формах, возвращаются.

Литература

1. *Corominas Joan y J. A. Pascual*. Diccionario crítico etimológico castellano e hispánico. – Madrid: Gredos, 6 tomos. 1980–1991.
2. *Díaz-Plaja, Fernando*. El español y los siete pecados capitales. Alianza Editorial, S.A. – Madrid, 2010. 320 p.
3. Diccionario de la Lengua Española. Real Academia Española. Ed. 22.ª, publicada en 2001.
4. *Diosdano, Esteban*. Los mejores piropos. – Barcelona: Edicomunicación, 1996.
5. *García Lorca, Federico*. Teoría y juego del duende, en Conferencias, t. 2. – Madrid: Alianza, 1984. 85–125.
6. *Enriquez, David*. Breve antología del piropo. – Santiago de Chile: Ediciones Cerro Huelén, 1991.
7. *Epton, Nina*. El amor y los españoles. Trad. Ana María de la Fuente. – Barcelona: Plaza y Janes, 1965.
7. *Иовенко В. А.* Национально-культурное мировидение в переводческом измерении: монография. – М.: МГИМО-Университет, 2013. 219 с. Iovenko V. A. Nacional'no-kul'turnoe mirovidenie v perevodcheskom izmerenii: monografija. – М.: МГИМО-Universitet, 2013.
8. *Inglhart P.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. Полис, 1997, №4. С. 18–28. *Inglhart R.* Postmodern: menjajushhiesja cennosti i izmenjajushhiesja obshhestva. Polis, 1997, # 4.
9. *Кальво Л.* Испанско-русский словарь. – Барселона, 1982. Kal'vo L. Ispansko-russkij slovar'. – Barselona, 1982.
10. *Кузнецова А. А.* Лингвистический аспект эмпатии // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). Филология. Искусствоведение. Вып. 43. С. 80–82. Kuznecova A. A. Lingvisticheskij aspekt jempatii. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2010. # 13 (194). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 43.
11. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1993. Ozhegov S. I., Shvedova N. Ju. Tolkovoj slovar' ruskogo jazyka. – M., 1993.
12. *Ортега и Гассет Хосе.* Этюды об Испании / Пер. с исп. – Киев: Новый круг, Пор-Рояль, 1994. – 320 с. Ortega y Gasset. Teoría de Andalucía. Ortega i Gasset Hose. Jetjudy ob Ispanii /Per. s isp. – Kiev: Novyj krug, Por-Rojal, 1994.
13. Para una historia del piropo. 09.04.2007. Por Gabriel Pabón Villamizar. cvc.cervantes.es
14. *Pérez-Bustamante Mourier, Ana Sofía*. Cultura popular, cultura intelectual y casticismo. – Cadiz: Universidad de Cadiz, 1992. P. 125–162.
15. *Piracés, Agustín*. Los mil mejores piropos. – Barcelona: Alas, 1978.
16. *Piropos*. Amor versero. Carlos Silveira. Aguilar, Altea, Taurus, Alfaguara, S.A. Buenos Aires. 1999. 64 p.
17. *Posadas, Carmen*. Un piropo, por favor. Página Oficial. URL: www.clubcultura.com/.../posadas/texto44
18. *Preisig, Gabriela*. Una investigación sobre el piropo español. The University of British Columbia. December 1998. PDF.
19. *Rodríguez Méndez, José María*. Ensayo sobre el machismo español. – Barcelona: Península, 1971.
20. *Seco, Raquel*. Lento adiós al piropo. El País. 21.03.2011.
21. *Venclovská, Natálie*. Los piropos españoles. – Вc. Natálie Venclovská. – Praga. 14.06.2006.
22. *Фурсова Н. М.* Современная испанская разговорная речь: Учебное пособие. Изд. 4-е, испр. – М.: РУДН, 2009. 263 с.

Duffé Montalván, Aura Luz
Université Rennes 2, Francia

María del Carmen, Suñén Bernal
Leuphana Universität-Lüneburg, Alemania

Acercamiento cultural y estrategias didácticas: el caso de la literatura chicana

Resumen: *En este artículo presentamos, primero, el aporte de la literatura chicana para comprender la posición de esta cultura dentro del contexto social de los Estados Unidos. Luego, establecemos la relación entre el tema de la inmigración que se refleja en esas obras con los grandes titulares de la prensa y ciertas obras literarias en Europa. Por último, exponemos los procesos didácticos que hemos puesto en práctica y con los cuales hemos comprobado que el estudio de la literatura (en nuestro caso, la chicana) despierta el interés en el conocimiento de una cultura y, con esta motivación y el desarrollo de las destrezas lingüísticas y comunicativas, el estudiante puede desarrollar su pensamiento crítico haciendo de él un aprendiz autónomo, competente y creativo en el aprendizaje de una lengua, en este caso, del español.*

Palabras clave: *Literatura, cultura chicana, inmigración, pensamiento crítico, transculturación.*

Duffé Montalván, Aura Luz
María del Carmen, Suñén Bernal

Cultural approximation and didactic strategies: the case of the Chicano literature

Abstract: *In this article we first present the contribution of Chicano literature to understand the position of this culture within the social context of the United States. Then, we establish the relation between the theme of immigration that is reflected in these great works as well as certain literary works in Europe. Finally, we present the learning processes that have been implemented and which have found that the study of literature (in our case, Chicano) arouses interest in learning about a culture and with this motivation and development of language and communication skills, the student will develop critical thinking making him or her an autonomous, competent and creative learner in learning a target language, in this case Spanish.*

Keywords: *Literature, Chicano culture, immigration, critical thinking, transculturation.*

Introducción

Dentro de los innumerables temas de reflexión, aquellos que se relacionan con la cultura y los hechos históricos se convierten en vectores con los cuales el profesor puede desarrollar las competencias de la expresión y comprensión oral y escrita, así como la competencia de la interacción. Todas éstas forman parte de los objetivos principales de la enseñanza-aprendizaje de toda lengua extranjera, según el Marco Común Europeo de Referencia para las Lenguas.

Ahora bien, como profesoras nativas de Español Lengua Extranjera en dos países europeos, Francia y Alemania, respectivamente, hemos comprobado que el aprendizaje de nuestra lengua despierta mayor interés según los contenidos que se analizan en el aula. Uno de ellos que más ha suscitado cuestionamien-

tos y motivado el querer seguir profundizándolo ha sido el relacionado con la presencia de la cultura chicana en los Estados Unidos. Efectivamente, los estudiantes planteaban preguntas como ¿Cuál es el origen del término chicano? ¿Desde cuándo se puede hablar que existe una cultura chicana? ¿Esta cultura sigue teniendo una presencia importante en Estados Unidos? Estos y muchos otros cuestionamientos surgían sobre esta temática a medida que analizábamos historias, sucesos, hechos, las noticias del pasado y las actuales tanto en fragmentos de obras literarias como en diferentes textos de prensa.

Por otro lado, comprobamos que estos planteamientos, si bien les exigían poner en práctica las competencias lingüísticas adecuadas para poder comunicar, con ellos, los estudiantes, desarrollaban otra competencia propia a todo desarrollo intelectual, como es el desarrollo del pensamiento crítico. Así, nos satisfacía constatar que cumplíamos con una de nuestras funciones principales exigidas por la sociedad para todo profesor de universidad la cual es trabajar precisamente ese razonamiento crítico en el estudio de todo saber. Miguel Carmelo y Sergio Calvo (2010: 101) lo corroboran al decir que “La sociedad reclama de la universidad que engendre personas con capacidad para generar ideas, para desarrollar conocimientos; ante sí tiene la principal palanca de creación de riqueza, que es el saber” [1].

Con esa última idea pasamos al examen del impacto de este tema cultural (la presencia de la cultura chicana en Estados Unidos) en el desarrollo del pensamiento crítico y su relevancia frente a otros contextos similares en Europa.

La cultura chicana en los textos literarios

Reconociendo junto con Roman Jakobson (1963: 209–248) que, en la literatura, se encuentra la función estética del lenguaje, dado que las palabras recrean una realidad, admitimos, asimismo, que su lectura produce muchas veces efectos muy positivos [2]. Efectivamente, tal como lo afirma el premio nobel de Literatura en 2010, Mario Vargas Llosa,

La buena literatura es ‘un extraordinario placer’, [...] ‘el goce que produce la buena literatura es incomparable’ [...]. ‘Nada despierta tanto el espíritu crítico en una sociedad como la buena literatura’ [...] ‘Promover la literatura no es sólo promover una forma de goce, una forma de lujo, sino es promover también la libertad, la democracia, el pluralismo, la coexistencia en la diversidad’ [3].

Desde ese punto de vista, nuestra experiencia pedagógica nos permite afirmar que su discurso provoca sentimientos o sensaciones en los estudiantes universitarios que les conduce, muchas veces, a comprometerse con un tema dado. Por ejemplo, leyendo fragmentos como éste (Cisneros, 2009: 80):

¡Ay caray! Estamos en casa. Esta es la casa. Aquí estoy y aquí me quedo. ¡Habla inglés! Speak English, ¡Por Dios!. [...] Y entonces, para romper su corazón para siempre, el nene-niño, que ha comenzado a hablar, empieza a cantar el comercial de la Pepsi que aprendió de la tele. No speak English, le dice ella al nene-niño que canta en un idioma que suena a hoja de lata. No speak English, no speak English. No, no, no. Y rompe a llorar [4].

surgen cuestionamientos como ¿Por qué se da tal reacción frente al inglés? ¿Por qué hay sufrimiento? ¿De qué cultura se trata? ¿En qué época se sitúa el fragmento? Y es así que la información dada, en este caso sobre la cultura chicana, por parte del profesor o por la investigación realizada por los propios alumnos, conlleva a crear un clima de diálogo y estimula el deseo de compartir saberes. Con esta actividad, comprobamos que los estudiantes tenían que realizar esfuerzos para construir frases comprensibles y, de este modo, trabajaban y desarrollaban las competencias lingüísticas necesarias para saber comunicar.

Además, si añadimos al fragmento anterior, otros de la novela de José Antonio Villareal (1989) [5], citado por José Ortega (2001) [6] y aquellos de la obra de Ana Castillo (1999) [7], el estudio temático de una obra literaria adquiere otra dimensión al constatar que la cultura de la cual se hablaba sufre actualmente una transculturación de dos realidades sociales, la mejicana y anglosajona, lo que se comprendería de una población que ha tenido que verse como emigrante [8] en sus propios territorios (si uno toma en cuenta el origen geográfico de esta cultura) y sufrir los efectos de la colonización anglosajona. Tomemos, por ejemplo, estos dos fragmentos de diferentes obras y que muestran esta evolución de mentalidades y culturas y con los cuales se estableció un debate con los estudiantes:

[...] A Ricardo le cuesta encajar en la sociedad norteamericana, situación que le provoca esquizofrenia, un sentimiento fronterizo por ser feliz en los EE.UU y sentirse, a la vez, triste y melancólico por no volver a México [...] ¿Por qué demonios es la gente así? Siempre tan preocupados porque dizque soy mexicano y yo que casi nunca me veo como tal, excepto en ocasiones cuando estoy solo, entonces siento dentro de mí algo como un cosquilleo de orgullo (Citado por Ortega, 2001: 164) [9].

[...] Fe se levantó de un salto y se puso a gritarle al capataz, quien, en cualquier caso, ya no era nadie para hacerse cargo de nada relacionado con su vida, sino que era nomás un cholo que no sabía lo suficiente para abrir un informe con el fin de poder orientar de manera adecuada a una chica

que lo único que quería era ganar puntos en la compañía y obtener así algunas bonificaciones para comprarse una casa, pagar el coche, tener un niño y, en otras palabras, llevar una vida como la que llevaba la gente de la tele [...] (Castillo, 1999: 216) [10].

Desde el punto de vista histórico, estos pasajes, se convierten, para los lectores y, por ende, para nuestros alumnos, en testimonio de aquellos mejicanos que se sentían pertenecer a la sociedad en la que vivían y, sin embargo, sus orígenes les recordaba que tenían un pasado con el cual, deberían, ya sea hacer frente al nuevo sistema social y cultural o simplemente tendrían que dejarlo de lado, con el fin de adaptarse de cierta forma o completamente a las nuevas costumbres y los nuevos valores de la sociedad en la que se encontraban [11].

Axel Ramírez (2003: 11–14) [12] reconoce que existe una dualidad en las modalidades de vida del pueblo chicano. El autor habla de adaptación y adopción frente a los avances de su reconocimiento en la sociedad norteamericana, sobre todo, a partir de la década de los sesenta. La significación de lo que se entiende por Chicano [13], se aborda también desde este ángulo y, en su análisis, el autor resalta las diferentes posturas que existían y existen aún para defender su propia cultura. Por ejemplo, cita en su artículo diferentes programas de Estudios Chicanos creados en diferentes instituciones, como en California State College y en San Francisco State College, y en los cuales se observa “[...] divisiones internas acerca de las prioridades y objetivos a seguir. [...]” (Ramírez, 2003: 21).

A nivel lingüístico, dos sucesos históricos (la llegada de los exiliados cubanos después de la instalación de Fidel Castro como gobernante en su país en 1959, y la emigración de otras poblaciones de diferentes países, como Puerto Rico), completan nuestra información para responder a las preguntas citadas más arriba por nuestros alumnos. Con ella, informamos el hecho de que Estados Unidos tuvo que tomar en cuenta a esa población de emigrantes cada vez más numerosa y que reclamaba su derecho a educarse en su lengua, al mismo nivel que la lengua meta: el inglés. Este hecho condujo a la aprobación y a la abolición de leyes a favor o en contra de una enseñanza bilingüe (castellano/inglés) dada la fuerte oposición de diferentes partidos políticos para que este proyecto llegara o no a realizarse (Ibid: 14–16).

Ahora bien, nuestros estudiantes europeos están acostumbrados de una u otra forma a abordar en sus cursos académicos el tema de la inmigración puesto que siguen diferentes especialidades como la sociología, historia, economía, ciencias políticas, etc. [14]. Sin embargo, la historia y la literatura chicana resultan para ellos singulares, puesto que representan la voz propia de aquéllos que buscaron reivindicar sus derechos como ciudadanos frente al país que les despojó inicialmente de sus territorios.

De forma más precisa, a través de la literatura chicana, los alumnos descubrieron con los personajes, los sentimientos de la herencia cultural de lo mexicano y, al mismo tiempo, los hechos y las acciones de las obras que demostraban el afán del pueblo chicano de adaptarse y adoptar la cultura anglosajona. Con este hecho, se pudo profundizar otras perspectivas de otros escritores y literarios de la narrativa hispanoamericana como la del escritor Ángel Rama, la de José María Arguedas y la del antropólogo Fernando Ortiz [15], entre otros, quienes en su conjunto sustentan la idea de que se puede reconocer una transculturación en la narrativa o en la creación literaria, al reconocer que, en muchas obras, se realza el origen de una cultura frente a una reciente, llegando a formar una síntesis innovadora, una especie de osmosis de dos culturas. Así, en las obras literarias de la cultura chicana se pone de realce, a través del contexto y de los personajes, una selección de valores y creencias, lo que pone en evidencia su singularidad dentro de la sociedad en la que viven.

Los textos de prensa y la inmigración en EE.UU y Europa

A nivel de los textos de prensa, notamos que las culturas de la inmigración se identifican y se confunden en las amalgamas de las diferentes políticas adoptadas, según la situación social determinada. Titulares como:

- ‘Gobernadora de Arizona sanciona medida drástica contra inmigrantes’ (Democracynow.org),
- ‘Health Care Debate Revives Immigration Battle’ (The New York Times),
- ‘Francia desmanteló 128 campamentos ilegales y expulsó a 977 en un mes’ (El tiempo),
- ‘La guardia civil expulsa ilegalmente a inmigrantes de Melilla a Marruecos’ (El País)
- ‘Ciudades de Estados Unidos buscan inmigrantes’ (El diario exterior)

dan muestra que, según el contexto social en el que se encuentren, los países que acogen a los inmigrantes establecerán políticas de apoyo o de represión. Sin embargo, fuera de estas particularidades, se observa que el ejemplo de la cultura chicana se destaca en el sentido que ha sobrepasado los vaivenes de diferentes políticas y se encuentra en una posición de reconocimiento y “seguridad” legislativa, puesto que se trata de una población que ha luchado y ha sabido integrarse, de cierta forma, a nivel profesional. ¿Este hecho sería

un ejemplo para aquellas poblaciones que emigran hacia Europa o un ejemplo para los políticos europeos que deberían contemplar la posibilidad de ver la creación de una transcultura en su seno territorial?

Desde el punto de vista pedagógico y didáctico, la riqueza de estas reflexiones ¿Podrían llevarse a cabo dentro de una sala de clase? Si tal es el caso, ¿Cuáles serían las estrategias para encaminar de la forma más adecuada el diálogo, el razonamiento y el debate en clase y qué resultados producirían? Trataremos de responder a estos cuestionamientos en el apartado siguiente.

Propuestas de análisis de esos textos en el aula: el desarrollo del pensamiento crítico

Tomando como eje el estudio de la cultura chicana en diferentes fragmentos de obras literarias, daremos a conocer nuestro enfoque de la enseñanza-aprendizaje que conlleva, según nosotras, a desarrollar diferentes competencias lingüísticas y cognitivas. Para esto, los aportes didácticos de autores tales como Acquaroni (2007) [16], López González (2009) [17] y los nuestros (Duffé Montalván, 2010 [18], Suñén Bernal, 2013 [19] constituyen para nosotras las líneas directrices a la hora de plantear nuestras estrategias.

Ante todo, refiriéndonos exclusivamente al contenido, no resulta vano volver a referirnos a lo citado en la primera parte de esta investigación. Es decir, para nosotras, el estudio de textos literarios constituye una fuente de conocimiento y con esos textos se puede plantear objetivos como:

- Conservar y difundir una cultura, al mismo tiempo que fomentar la interculturalidad y luchar contra los estereotipos culturales.
- Producir un impacto emocional.
- Reflejar un compromiso y/o comprometer al lector (ideológica o políticamente en la transformación de una determinada realidad social).

Ahora bien ¿Cómo se traducen estos objetivos en cuanto a las estrategias didácticas realizadas en el aula? Veamos el siguiente esquema que resume de forma precisa los pasos que sugerimos emplear para lograr esos objetivos:

NO SPEAK ENGLISH [20]		
Sandra Cisneros La Casa en Mango Street 78-80		
Actividades de prelectura (Motivación) [21]	Actividades durante la lectura (Comprensión/adquisición/memori- zación)	Actividades para después de la lectura (Transferencia, aplicación)
a) Trabajo sobre la novela y la autora [22]:	a ₁) Trabajo sobre la novela y la autora:	a ₂) Trabajo sobre la novela y la autora:
- Formular una hipótesis sobre el título de la novela a partir de un análisis de un capítulo elegido para trabajar en clase.	- Leer y destacar el léxico y el contexto cultural significativos que aparecen en la obra.	- Redactar un texto que aborde el tema “una experiencia personal en el extranjero”, ciñéndose a un contexto cultural, similar al texto literario leído.
a) Trabajo sobre la organización textual	a ₁) Trabajo sobre la organización textual	a ₂) Trabajo sobre la organización textual
- Formular una hipótesis sobre el título. ¿Por qué en inglés?	- Realizar ejercicios de gramática (conjugación de verbos) elaborados por la profesora que contengan el léxico y el contexto cultural encontrados en la obra literaria trabajada en el curso.	- Leer tres artículos de la prensa española que traten sobre el tema lengua/integración.
b) Trabajo sobre la novela y la autora:	b ₁) Trabajo sobre la novela y la autora:	b ₂) Trabajo sobre la novela y la autora:
- Resumir, de forma individual, en 50 palabras de lo que supuestamente trata la novela.	- Identificar la temática y participar en el debate sobre el tema, dando ideas personales.	- Debatir sobre los aspectos culturales que aparecen en el texto.
b) Trabajo sobre la organización textual	b ₁) Trabajo sobre la organización textual	b ₂) Trabajo sobre la organización textual
- Resumir en dos líneas de lo que supuestamente trata el texto.	- Traducir al español frases en las cuales se presentan perífrasis verbales con el fin de trabajar otras construcciones sintácticas.	- Identificar la estructura textual, subrayando aquello que sea relevante para organizar o dar cohesión al texto (conexión de las partes con el todo).
c) Trabajo sobre la novela y la autora:	c ₁) Trabajo sobre la novela y la autora:	c ₂) Trabajo sobre la novela y la autora:

- Debatir sobre el significado de casa, hogar, patria.	- Identificar el contenido cultural de los párrafos, subrayando aquello que sea relevante.	- Debatir sobre las posibles interpretaciones del texto literario. - Contestar por escrito a un cuestionario y participar en un debate posicionándose a favor o en contra.
c) Trabajo sobre la organización textual	c ₁) Trabajo sobre la organización textual	c ₂) Trabajo sobre la organización textual
- En grupos de tres cuestionarse: ¿Es la lengua la clave de la integración en la sociedad de acogida? Los grupos presentan sus respuestas.	- Mostrar acuerdo o desacuerdo, argumentar a favor o en contra, según los modelos de expresiones para dar una opinión.	- Trabajar el esquema de un texto argumentativo para defender una posición personal. - Presentar un trabajo escrito incluyendo una introducción, un desarrollo y una conclusión sobre la temática “La importancia de la lengua en el proceso de integración en la sociedad receptora
d) Trabajo sobre la novela y la autora:	d ₁) Trabajo sobre la novela y la autora:	d ₂) Trabajo sobre la novela y la autora:
- Contextualizar la lectura a partir de informaciones sobre la literatura chicana. Centrarse después en la novela y en su autora.	- Parafrasear y explicar por sí mismo el contexto cultural que aparece en la obra.	- Redactar una posible continuación de un capítulo. Preguntarse, por ejemplo, diez años después. ¿Qué ha pasado con los personajes? ¿Qué ha cambiado en la vida de la protagonista? etc.
d) Trabajo sobre la organización textual	d ₁) Trabajo sobre la organización textual	d ₂) Trabajo sobre la organización textual
- Presentar oralmente dos textos escritos elaborados previamente en casa. - Defender su opinión y autoevaluarse en cuanto a su producción lingüística.	- Convertir la información del texto literario tratado en un artículo de prensa.	- Participar en un debate referente a la política lingüística de la UE y de los EEUU.

En esquema resume las diferentes actividades previas a la enseñanza-aprendizaje, las que corresponden a ese proceso en desarrollo (enseñanza-aprendizaje) y las posteriores que sirven de reforzamiento y evaluación. Con todas ellas, podemos notar que tanto la enseñanza como el aprendizaje tienen una implicación constante. Se ejecutan diferentes actividades como el hablar, leer, redactar, hacer búsquedas en bibliotecas y en Internet, ver vídeos y películas, realizar presentaciones orales, etc. Todas ellas persiguen generar un aprendizaje significativo en el aula. La imagen que se desprende de este proceso es la de una continua reorganización, tanto a nivel de la reescritura de lo aprendido como de los procesos mentales que implican tal reorganización [23].

Por otro lado, en todas estas actividades que proponemos y que han sido puestas en práctica recientemente en nuestra actividad docente, hemos tomado en cuenta los principios de D. Cassany (2005) [24], los cuales nos ayudan a considerar la importancia del desarrollo del espíritu crítico a la hora de analizar textos de toda índole con nuestros estudiantes. En otros términos, se tendría que

- situar el documento dentro de un contexto sociocultural de partida,
- permitir el reconocimiento y participación en la práctica discursiva
- ayudar a la toma de conciencia de la propia situación como lector, a la conciencia de su identidad y, por consiguiente, de su propia interpretación.

Estos puntos se desarrollan de una u otra forma en las actividades de prelectura, durante de la misma y después de ésta.

A nivel propiamente del aprendizaje, con nuestras actividades, hemos podido corroborar lo que López González afirma (2009: 661), en cuanto al estudio del contenido de una obra literaria, que éste requiere una implicación personal y hace del estudiante un agente:

- activo e inductivo, puesto que define ideas generales comunes a los diferentes textos literarios tratados en clase;
- comunicativo, dado que participa con sus conocimientos previos y experiencias propias;
- interactivo, ya que mantiene el intercambio de conocimientos entre profesores y estudiantes constantemente;
- cooperativo, puesto que construye un andamiaje colectivo de conocimiento;

- creativo y lúdico dado que usa el lenguaje como material de experimentación (transformar un reportaje de prensa en un cuento, escribir una carta a uno de los personajes de los textos literarios, etc.) [25].

A nivel de la enseñanza, constatamos que el método pedagógico de la mayéutica enseñado por Sócrates en el siglo IV a.c. para desarrollar todo razonamiento lógico, sigue siendo una de las más adecuadas para ayudar a que el estudiante adquiera el espíritu crítico. Es decir que, el profesor, a través de sus preguntas, de la propuesta de actividades, de su función de guía y conductor del aprendizaje, no hace más que modelar los razonamientos y competencias con el fin de otorgar el saber necesario y desarrollar actitudes, tales como el saber tomar decisiones, trabajar en grupo, asumir riesgos y responsabilidad. Todo esto con el fin de que el estudiante se convierta en ese ser participativo y desarrolle su pensamiento crítico.

Por último, a nivel exclusivo del contenido, el caso de la presencia de la cultura chicana en los Estados Unidos se convierte en un eje de reflexión de sumo interés, puesto que aborda un contexto social en el cual encontramos historia, sufrimientos, injusticias, esfuerzos de adaptación, lucha de superación, orgullo, transformación de valores, recuerdos, esperanzas, etc. Todos estos elementos que resumen el proceso de una transculturación hecha realidad en los Estados Unidos.

Asimismo, hemos observado que existe una relación entre el interés en el estudio de la lengua española y el contenido que se les presenta. Cuanto más se estudie diferentes aspectos culturales sobre las formas de vivir, actuar y pensar reflejadas en las obras literarias, tanto más crecerá el deseo de profundizar el idioma y una temática en particular.

Conclusión

En la enseñanza-aprendizaje del ELE, hemos constatado que el estudio de textos literarios se convierte en un recurso promotor de reflexión y construcción mental. Esto provocado por el interés que suscitan las obras a través de sus personajes, del drama y del contexto social que presentan, de su ficción impregnada de valores, creencias y, con los cuales, se puede establecer fácilmente un diálogo y debate.

El estudio de la cultura chicana en las obras literarias ha promovido el interés en conocer otras realidades del contexto social latinoamericano. Su singularidad permite contemplar perspectivas en cuanto al porvenir de todas aquellas poblaciones que emigran y se instalan de forma definitiva en otro país.

Desde el punto de vista didáctico, los contenidos, las actividades, la investigación y la reflexión constituyen, para nosotras, los ejes promotores del desarrollo del pensamiento crítico y, con el estudio de la cultura chicana, corroboramos esta afirmación.

NOTAS Y REFERENCIAS BIBLIOGRÁFICAS

A. Notas y referencias bibliográficas citadas en el artículo

1. M., Carmelo y S., Calvo (2010). *Branding Universitario. Marcando la diferencia*. Madrid: Delta publicaciones.
 2. R., Jakobson (1963). *Essais de linguistique générale*. Paris: Les Editions Minuit.
 3. Se trata de una entrevista realizada a Mario Vargas en rueda de prensa en Nueva York-Estados Unidos (M., Vargas Llosa, 7 de octubre de 2010. "La buena literatura da placer y crea gente menos manipulable". *El nuevo diario* en línea. [Online]. Accesible en: <<http://www.elnuevodiario.com.ni/internacionales/85131>>. [Consultado 14 diciembre 2014].
 4. S. Cisneros (2009). *La casa en mango Street*. U.S.A./Canada: Random House, Inc/Random House of Canada Limited.
 5. J. A., Villareal (1989). *Pocho*. U.S.A.: Anchor Books.
 6. J. Ortega, 2001. *Estados Unidos y México: conflicto histórico y fronteras de la imaginación*. Granada (España): Método Ediciones.
 7. A. Castillo (1999). *Tan lejos de Dios*. U.S.A.: Plume.
 8. Cuando nos referimos al hecho de verse como "emigrante", hacemos alusión al artículo de David Maciel, Christine Iriart de Padilla y Amado Padilla, el cual sintetiza con datos muy pertinentes la historia de esta cultura. A través de este documento comprendemos que este pueblo primero sufrió la usurpación de sus tierras y luego debió incorporarse y, en muchos casos, aculturarse a la nueva sociedad norteamericana que le negaba sus derechos y le hacía vivir bajo una explotación económica injusta (Iriart de Padilla y Padilla, M, (n.d.). *Los chicanos: ensayo de introducción*. [Online]. Accesible en:<http://www.revistadelainiversidad.unam.mx/ojs_rum/files/journals/1/articles/9820/public/9820-15218-1-PB.pdf>. [Consultado 23 febrero 2014].
- Actualmente, después de las diferentes luchas entre México y Estados Unidos para obtener o defender territorios, (según fuera la perspectiva de ataque de cada país), no debe negarse que hubo y sigue habiendo una emigración constante de la población mexicana hacia Estados Unidos, sobre todo, a partir de las primeras décadas y a mediados del siglo XX.
9. J. Ortega, 2001. *Estados Unidos y México: conflicto histórico y fronteras de la imaginación*. Granada (España): Método Ediciones.
 10. A. Castillo (1999). *Tan lejos de Dios*. U.S.A.: Plume.
 11. En nuestro apartado sobre las propuestas de análisis de ciertos textos literarios damos a conocer las diferentes

obras literarias con las cuales hemos abordado el conocimiento sobre la cultura chicana y, con éste, el desarrollo del pensamiento crítico.

12. Alex Ramírez (2003). “Educación y cultura chicana en Estados Unidos”. *Reencuentro*. Número 37, 7–22.
13. Resulta sumamente importante el aporte de Alex Ramírez sobre la comprensión del significado del término “chicano”, puesto que con él observamos todas las connotaciones que ha adoptado, desde su aparición hasta la actualidad. Por ejemplo se identifica a aquella que restringe el término a un origen (el mexicano) y su residencia en un lugar (Estados Unidos). Otra definición defiende la identificación a una cultura, a una herencia que les permite existir como tales dentro del país colonizador. Para algunos investigadores, el término de chicano se situaría más bien dentro de las reivindicaciones de la élite de estudiantes chicanos y se alejaría en realidad de los intereses reales de la clase trabajadora de ese pueblo. Finalmente, para Alex Ramírez “el término chicano depende del contenido político que le otorgue quien lo usa” (2003: 10, 11).
14. En los diferentes cursos de especialidad que siguen nuestros estudiantes, como la economía, sociología, literatura, etc., ellos han tenido la oportunidad de debatir el problema de la inmigración en Europa y, esto, a través de obras literarias o de la prensa. Por ejemplo, entre las obras españolas estudiadas, se puede citar la de Ángeles Caso *Contra el viento* con la cual recibió en 2010 el Premio Planeta (premio muy prestigioso para los escritores españoles e hispanoamericanos). En esta obra la autora relata de la vida de una mujer africana quien emigra a España, lucha por sobrevivir y transmite nuevos valores a sus amigos los europeos (*Swagata Basu's Web*). Asimismo, la obra de Fabrizio Gatti, *Bilal sur la route des clandestins*, es muy conocida y estudiada. En su relato se describe todas las peripecias, penurias y tratos inhumanos que tienen que soportar la población africana para lograr ingresar a cualquier país de Europa, con la esperanza de tener otra vida más humana (desde el punto de vista material) de la que tienen en su propio país. Con estas obras los estudiantes ya se acercan a la comprensión del fenómeno de la inmigración en su continente, pero resulta sumamente interesante ahondar este estudio con las obras editadas en los países hispanohablantes.
15. Estos autores han sabido transmitirnos, cada uno desde su punto de vista de investigación, el concepto de transculturación. Por ejemplo, Ángel Rama, apoyándose en la propuesta de Fernando Ortiz, reconoce que la cultura de un pueblo actúa como una fuerza frente a la “invasión” de otra y es capaz de seleccionar los elementos que estiman pertinentes para adaptarlos e introducirlos en su nueva expresión y forma de vida. El proceso de transculturación operaría funcionalmente en la lengua, las estructuras literarias y la cosmovisión (Ángel Rama (1982). *Transculturación narrativa en América latina*. México: Siglo Veintiuno, p. 198–206).
16. R., Acquaroni (2007). *Las palabras que no se lleva el viento: literatura y enseñanza de español como LE/L2*. Madrid: Santillana Educación S.L.
17. A.M., López González (2009). *El tratamiento de la literatura española en el bachillerato bilingüe a partir de un enfoque por temas y tareas*. XX Congreso Internacional ASELE, Fundación Comillas, Volumen II. Septiembre 2009.
18. A. L., Duffé Montalván (2010). *Théorie et pratique de l'enseignement-apprentissage de l'espagnol*. Alemania: Editions universitaires européennes, 2 volúmenes.
19. (1) María del Carmen, Suñén Bernal (2013). «El trabajo basado en proyectos en la clase de español con fines profesionales». 2013. *Revista Nebrija Revista electrónica de Lingüística Aplicada a la Enseñanza de las Lenguas: Nebrija Universidad*, n° 13.
(2) María del Carmen, Suñén Bernal y Eva, Díaz Gutiérrez (2015). «El uso del diario de aprendizaje en la clase de español para fines específicos». *Revista electrónica de la Universidad de Valencia: Foro de Profesores de E/LE*, vol.11.
20. Con esta obra queremos mostrar un ejemplo de los procesos didácticos y pedagógicos que hemos seguido en nuestras aulas. Las obras siguientes: *Chicano* de Richard Vasquez, *Bendíceme*, *Última* de Rudolfo Anaya, ... Y no se lo tragó la tierra de Tomás Rivera, *Tan lejos de Dios* de Ana Castillo, *La frontera de cristal* de Carlos Fuentes, *Pocho* de José Antonio Villarreal y *Bordersland. La frontera. The New Mestiza* de Gloria Arzandúa, representan, en lo que concierne a la literatura chicana, el abanico literario que hemos presentado en clase.
21. Las etapas de la *Motivación, comprensión, adquisición, memorización y transferencia* constituyen los tres grandes procesos pedagógicos y didácticos con las cuales hemos organizado nuestras sesiones de clase. Hablamos de procesos pedagógicos puesto que éstos se relacionan con principios psicológicos que conllevan al profesor a reflexionar sobre su actividad educativa y, hablamos de procesos didácticos, ya que se trata de organizar nuestras actividades que conciernen directamente la enseñanza-aprendizaje de una materia, en este caso, del español lengua extranjera. Con estas tres etapas tratamos de proponer actividades que conlleven al alumno a reflexionar sobre la obra misma cuyo objetivo último es encaminar al alumno hacia el desarrollo del pensamiento crítico (D., Cassany, D. 2005. “Literacidad crítica: leer y escribir la ideología”. *Universitat Pompeu Fabra*. [Online]. Accesible en: URL : http://sedll.org/es/admin/uploads/congresos/12/act/10/Cassany,_D.pdf. [Consultado 04 junio 2014]
22. Esta división repetitiva de a, a1, a2/a, a1, a2/ b, b1, b2/ b, b1, b2, etc., indica que estas actividades pueden ejecutarse de forma paralela, es decir que, el profesor puede iniciar su curso proponiendo, ya sea un trabajo de descubrimiento sobre la información cultural de la obra misma o un trabajo reflexivo sobre el discurso de los textos. Por otro lado, puede darse el caso, si las condiciones de horarios lo permiten, como fue el caso en *Leuphana Universität* (las sesiones de trabajo comprendían cuatro horas de curso), que el profesor ejecute las dos actividades, primero, sobre la obra y, luego, sobre el discurso.
23. Todas estas actividades son planificadas previamente por el profesor con el fin de reorganizar las acciones en el caso que haya habido una modificación. Efectivamente, dada la particularidad de cada grupo de estudiantes, el profesor tendrá que adaptar sus objetivos, permitiéndose improvisar en muchos casos en sus acciones para responder a las diferentes necesidades de los estudiantes (A. L., Duffé Montalván, 2009. « Programación/ improvisación en la enseñanza-aprendizaje del español». *Les Cahiers du GERES (Groupe d'Etude et de Recherche en Espagnol de Spécialité)*, n° 2 – 2009/ISSN: 2105-1046. [Online]. Accesible en: URL: <http://www.geres-sup.com/cahiers/cahiers-du-geres-n->

2/1er-article/ [Consultado 13 mayo 2014].

24. Cassany, D. 2005. "Literacidad crítica: leer y escribir la ideología". *Universitat Pompeu Fabra*. [Online]. Accesible en : URL : http://sedll.org/es/admin/uploads/congresos/12/act/10/Cassany,_D.pdf. [Consultado 04 junio 2014].
25. A. M., López González (2009). *El tratamiento de la literatura española en el bachillerato bilingüe a partir de un enfoque por temas y tareas*. XX Congreso Internacional ASELE, Fundación Comillas, Volumen II. Septiembre 2009.

B. Obras complementarias de estudio

1. R., Anaya (1994). *Bendíceme última*. New York: Grand Central Publishing.
2. G., Arzandúa, (2012). *Bordersland. La frontera. The New Mestiza*. San Francisco: Aunt lute books.
3. K., Bain (2007). *Lo que hacen los mejores profesores universitarios*. España-Valencia: Publicaciones de la Universidad de Valencia.
4. S., Castillo Arredondo y L. P., Gonzáles (2005). *Enseña a estudiar...aprende a aprender. Didáctica del estudio*. España-Madrid: Pearson Prentice Hall.
5. Conseil de la coopération culturelle, Comité de l'éducation. 2000. *Un cadre européen commun de référence pour les langues : apprendre, enseigner, évaluer: apprentissage des langues et citoyenneté européenne*. Paris: Didier.
6. Ch., Day y G., Qing (2012). *Profesores: vidas nuevas, verdades Antigua. Una influencia decisiva en la vida de los alumnos*. España-Madrid: Narcea.
7. M., De la Cruz (2012). *Nuevas formas de pensar la enseñanza y el aprendizaje. Las concepciones de profesores y alumnos*. España-Barcelona: Graó, de IRIF.
8. C., Fuentes, (1996). *La frontera de cristal: una novela en nueve cuentos*, Madrid: Alfaguara. GATTI, F. 2010. *Bilal sur la route des clandestins*. París: Liana Levi.
9. FL., Olivier (2007). *Carlos fuentes o la imaginación del otro*. México-Xalapa: Biblioteca Universidad veracruzana.
10. T., Rivera (2011). *...Y no se lo tragó la tierra*. U.S.A.: Arte Público Press-University of Houston-Texas.
11. R., Vásquez (2005). *Chicano*. New York. Edición Rayo, de Harper Collins Publishers.

C. Obras complementarias de estudio consultadas en Internet

1. D., Ayllón 10 de enero de 2011. "Europa exige hablar las lenguas oficiales a los inmigrantes". *Diario Público: Display Connectors*, [Online]. Accesible en: URL: <http://www.publico.es/espana/355359/europa-exige-hablar-las-lenguas-oficiales-a-los-inmigrantes>. [Consultado 14 mayo 2014].
2. S., Basu, 29 de junio de 2010. "La inmigración en la literatura española contemporánea". [On line]. Accesible en: URL: <http://swagatabasu.wordpress.com/2010/06/29/la-inmigracion-en-la-literatura-espanola-contemporanea/>. [Consultado 7 enero 2014].
3. I., Cembrero, 18 de noviembre de 2013. "La guardia civil expulsa ilegalmente a inmigrantes de Melilla a Marruecos". *El País. Política* [Online]. Accesible en: URL: http://politica.elpais.com/politica/2013/11/17/actualidad/1384716009_170861.html. [Consultado 02 febrero 2014].
4. Die, Bundesregierung. 19 de abril de 2013. *Die Kanzlerin im Gespräch. Die Herzen erreichen. Die Bundesregierung*. [Online], Accesible en: URL: http://www.bundesregierung.de/Webs/Breg/DE/Bundeskanzlerin/Hangout/hangout_node.html[Consultado 23 abril 2013].
5. Die, Bundesregierung. 8 de marzo de 2012. "Integration durch Bildung. Kultusministerkonferenz". [Online]. Accesible en: URL: <http://www.bundesregierung.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Artikel/2012/03/2012-03-08-bkin-bei-kmk.html>. [Consultado 03 julio 2014].
6. Efe. París. 30 de agosto de 2010. "Francia desmanteló 128 campamentos ilegales y expulsó a 977 en un mes". *El tiempo*. [Online]. Accesible en: URL: <http://www.eltiempo.com/archivo/documento/CMS-7885727> [Consultado 12 mayo 2014].
7. A., Goodman y J., González 26 de Abril de 2010. "Gobernadora de Arizona sanciona medida drástica contra inmigrantes". *Democracynow.org*. [Online]. Accesible en: URL: <http://www.democracynow.org/es/2010/4/26/titulares>. [Consultado 15 junio 2014].
8. V., Gutiérrez Calvo 28 de marzo de 2013. "Los extranjeros que pidan la nacionalidad pasarán un test de español e 'integración'". *El País*. [Online]. Accesible en: URL: http://politica.elpais.com/politica/2013/03/28/actualidad/1364498021_107921.html. [Consultado 07 abril 2014].
9. INCIPE (Instituto de cuestiones Internacionales y política exterior). 2005. "C. Estados Unidos. Ensayos INCIPE No 5". España: Madrid. [Online]. Accesible en: URL: <http://www.incipe.org/ensayo510.htm> [Consultado 11 julio 2014].
10. Las Naciones Unidas-Centro Latinoamericano y Caribeño de Demografía (CELADE). 1999. "Migración y desarrollo en América del Norte y Centroamérica: una visión sintética". CEPAL/CELADE/OIM (Comisión Económica para América Latina y el Caribe/Centro Latinoamericano y Caribeño de Demografía – División de Población/Organización Internacional para las Migraciones). [Online]. Accesible en: URL : <http://www.eclac.cl/publicaciones/xml/3/4913/lcl1231p.pdf>. [Consultado 11 julio 2014].
11. E., López (2014). "Mejora la integración de inmigrantes a través del idioma". *Deutsche Welle*. [Online]. Accesible en: <http://www.dw.de/mejora-la-integraci%C3%B3n-de-inmigrantes-a-trav%C3%A9s-del-idioma/a-15662280>. [Consultado 14 junio 2014].
12. Spiewak, Martin, 16 de febrero de 2006. *Man spricht (nicht nur) Deutsch. Traducción: Aquí se habla (no sólo) alemán*. [Online]. Accesible en: <http://www.zeit.de/2006/08/B-Kulturintegration>. [Consultado 27 mayo 2014].
13. J., Meseguer, 31 de julio de 2012. "Ciudades de Estados Unidos buscan inmigrantes". *El diario exterior.com*. [Online].

Accesible en: <http>://www.eldiarioexterior.com/ciudades-de-estados-unidos-buscan-41173.htm [Consultado 11 marzo 2014].

14. I., Parras, 27 mayo 2010. “27 ideas para desarrollar el pensamiento crítico en clase”. [Online]. Accesible en: <http>://formadores-ocupacionales.blogspot.de/2010/05/27-ideas-para-desarrollar-el.html. [Consultado 25 agosto 2014].

15. J., Preston, 5 de septiembre de 2009. “Health Care Debate Revives Immigration Battle”. *The New York Times*. [Online]. Accesible en: URL: <http://www.nytimes.com/2009/09/06/health/policy/06immighealth.html?action=click&module=Search®ion=searchResults&mabReward=relbias%3Ar&url=http%3A%2F%2Fquery.nytimes.com%2Fsearch%2Fsite%2Fsearch%2F%3Faction%3Dclick%26region%3DMasthead%26pgtype%3DHomepage%26module%3DSearchSubmit%26contentCollection%3DHomepage%26t%3Dqry314%23%2Ftitle%2Bon%2Bd%2527immigration%2Ben%2B2008%2F> [Consultado 05 septiembre 2014].

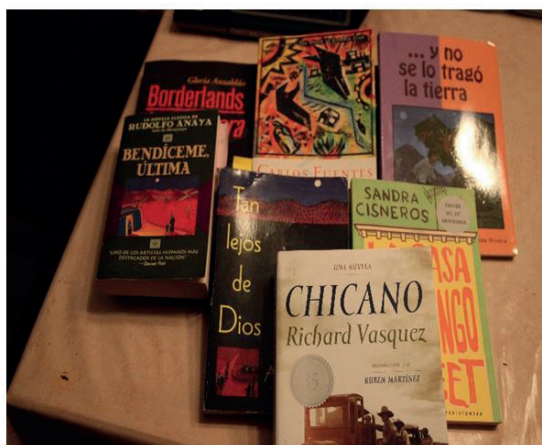
16. A., Ruiz, 2007. “La memoria literaria de la emigración: el surgimiento de los primeros textos de origen español (1964–1989)”. *Iberoamericana* 7. [Online]. Accesible en: <http>://www.iai.spk-berlin.de/fileadmin/dokumentenbibliothek/Iberoamericana/2007/Nr_26/26_Ruiz.pdf. [Consultado 06 noviembre 2014].

17. I., Vallespín, 19 de febrero 2014. “Sin idiomas no hay paraíso”. *El país.com*. [Online]. Accesible en: <http>://sociedad.elpais.com/sociedad/2014/02/17/actualidad/1392652980_430022.html?rel=rosEP. [Consultado 14 diciembre 2014].

ANEXOS

1. Ejemplos de obras literarias para una clase de ELE (Español Lengua extranjera)
Propuesta literaria para la clase del ELE (Español Lengua extranjera)

- *Chicano*, Richard Vasquez
- *La casa en la Mango Street*, Sandra Cisneros
- *Bendíceme, Última*, Rudolfo Anaya
- *... y no se lo tragó la tierra*, Tomás Rivera
- *Tan lejos de Dios*, Ana Castillo
- *La frontera de cristal*, Carlos Fuentes
- *Pocho*, José Antonio Villarreal
- *The Bordersland, La mestiza*, Gloria Arzandúa

LA OTRA AMÉRICA: LA CULTURA CHICANA EN ESTADOS UNIDOS.

Chicanos – ein vielseitiges Thema aus dem sich auch für Europa lernen lässt.

Inhalt

In den USA leben mexikanische Einwanderer_innen zwischen zwei Welten und prägen soziale und gesellschaftliche Entwicklungen. Das Seminar setzt sich mit den Lebenswelten, Schwerepunkten, Einflüssen und Auswirkungen der Chicanos/as auseinander.

Diskussionen

- Wie beeinflussen die Chicanos/as die Politik & Gesellschaft der USA?
- Was zeigen uns die Entwicklungen in den USA für Europa?

Authentische Einblicke

- Eingeladene Expertinnen und Experten, Autorinnen und Autoren, Künstler_innen und Musiker_innen berichten über die Welt der Chicanos/as.

Kurzinformation

Spanisch / Zentraleinrichtung
Moderne Sprachen

La otra América: La cultura chicana en Estados Unidos. Sprechprojekte, B2

Lehrende:
María del Carmen Suñén Bernal

Sommersemester 2013
Komplementärsstudium
4 SWS / 5 CP
ST Assignments / Pt. Präsentation

2. Ejemplo de una dinámica de clase en la cual se analiza la literatura chicana

Королева А. А.

МГИМО МИД России
преподаватель Кафедры социологии

Туристический имидж Испании

Аннотация: В статье рассматривается один из элементов испанской «мягкой силы» — туризм, дается краткий обзор самых масштабных рекламных кампаний, представлены основные стереотипы, связанные с туристической Испанией.

Ключевые слова: имидж Испании, туризм, стереотипы.

Koroleva Alina A.

Tourist image of Spain

Abstract: The article touches upon one of the elements of the “soft power” of Spain — tourism; gives a brief overview of the scale advertising campaigns; presents the basic stereotypes associated with tourist Spain.

Keywords: image of Spain, tourism, stereotypes.

Koroleva Alina A.

Imagen turística de España

Resumen: El artículo se trata de uno de los elementos importantes del “poder blando” de España — turismo; se observan las campañas de publicidad más grandes; se encuentran los estereotipos principales, vinculados con España como destino turístico.

Palabras clave: imagen de España, turismo, estereotipos.

«Испания, ты мне нужна!» Именно так официально переведен на русский язык слоган актуальной рекламной кампании TURESPAÑA — испанской государственной структуры, отвечающей за внутренний туризм и туристический имидж Испании за рубежом — «I need Spain». С точки зрения нейминга (выбор имени товара или услуги в брендинге) существующий с 2010 года слоган на русском языке соответствует формальным требованиям. Он легко и ритмично произносится, по звучанию легко отличается от конкурентов (фонетический критерий); использованы слова из активной лексики, соответствующие идентичности бренда (лексический критерий); ассоциативный ряд вызывает исключительно положительные эмоции (семантический критерий); печатное изображение легко читается (лексикографический критерий). В эмоциональном плане слоган «Испания, ты мне нужна!» достаточно точен и емко, краток, экспрессивен, благозвучен, отличается особой душевностью, а испанисты легко могут подтвердить соответствие формы содержанию.

Говоря об испанской «мягкой силе» в первую очередь обязательно необходимо упомянуть туристический бренд Испании. Испания как туристическое направление привлекательна и является одним из лидеров на данном рынке. Бренд государства — это его уникальная торговая марка, которая может быть исключительно позитивной, так как связана с качеством объекта.

На современном этапе в международных рэнкингах национальных брендов Испания не занимает высоких мест, но за последний год наблюдается положительная динамика. При этом туристический бренд Испании традиционно оценивается в рэнкингах намного выше. В рэнкинге Country RepTrack, разработанном международной консалтинговой компанией Reputation Institute, специализирующейся в сфере исследований, аудита и управления репутацией, в 2015 году Испания занимает только 17 место, а в категории «туризм» уверенно держится на протяжении многих лет в top-5 и в 2015 году занимает 3 место, пропустив вперед только Францию и США [4].

Исследованиями имиджа Испании активно занимается Королевский Институт Элcano (Real Instituto Elcano), специализирующийся на международных и стратегических исследованиях. С 2012 года проводятся регулярные социологические исследования имиджа Испании за рубежом. В шести исследованиях (май – июнь 2016 года) были опрошены коренные совершеннолетние жители 10 стран. Германия, Великобритания и США участвовали во всех проведенных исследованиях имиджа Испании; Франция, Китай, Марокко присутствовали только в некоторых исследованиях, а Португалия, Индия, Колумбия и Перу были впервые включены в данное исследование. Россия принимала участие в трёх исследованиях имиджа Испании (апрель 2013 года).

Результаты последнего исследования показали, что туристический бренд Испании ценится выше остальных составляющих имиджа Испании: экономика, политики, спорт, технологическое развитие, инфраструктура и т. д. [1].

Этот результат подтверждают и реалии туристической отрасли Испании, предлагающей качественный пляжный туризм по доступным ценам: все средиземноморское побережье Испании ежегодно заполнено туристами из Германии и Великобритании. Безусловно, что основной целевой аудиторией для испанского туристического сектора является Европа: средиземноморское побережье и острова в туристический сезон заполнены жителями Великобритании, Франции и Германии, а большой процент жителей побережья Малаги, Аликанте и Майорки в зимний период составляют как раз британские и немецкие пенсионеры.

Достаточным потенциалом для испанского туризма обладает работа с другими региональными туристическими рынками: от США и Японии до Китая и России. Перекрестный год туризма России и Испании, открытый в апреле 2016 года, подчеркивает важность российского рынка для испанской туристической индустрии.

Рост конкурентоспособности туристических отраслей стран Северной Африки, которые предлагают пляжный туризм по гораздо более низким ценам, чем Испания, уже заставил задуматься представителей испанского туристического сектора о том, что традиционное предложение пляжного отдыха становится все менее рентабельным и надо делать ставку на разнообразие видов отдыха. Актуальная рекламная кампания «I need Spain» направлена на решение этой проблемы. Это первая испанская кампания, отличающаяся сегментацией целевых аудиторий и разнообразием предложений.

Исследования подтверждают, что у Испании сложился уже достаточно сильный имидж, ассоциирующийся с определенными стереотипами. Результаты шести исследований имиджа Испании показали, что самые популярные ассоциации с Испанией вызывают быки (особенно в Китае) и футбол, за ними следует солнце, города (Мадрид, Барселона, Валенсия, Севилья, Гранада) и туризм. Исследование показало, что сиеста практически перестала ассоциироваться исключительно с Испанией, а фламенко все меньше влияет на бренд «Испания». Во Франции, Великобритании и Германии Испания ассоциируется прежде всего с каникулами, солнцем, морем, туристическими городами, вином (Великобритания) и паэльей (Германия), в то время как в соседней Португалии, обладающей существенным миграционным опытом в Испанию, страна ассоциируется с семьей и друзьями, а также с развлечениями. В Колумбии, Перу и Марокко самая популярная ассоциация Испании связана с футболом. В Латинской Америке Испания воспринимается ещё как современная и развитая, а в Марокко, единственной из участвующих в исследовании стран, отмечают присутствие ислама в Испании, при этом считают ее светской страной, хотя в других странах отмечают ее религиозность. В США и Китае прежде всего Испания ассоциируется с быками, в то время как в Индии по религиозным причинам эта ассоциация гораздо реже встречается [1].

С начала 1980-х годов TURESPAÑA провела восемь масштабных рекламных кампаний, каждая из которых акцентировала новую привлекательную для потенциальных туристов черту Испании.

В 1984 году была запущена первая рекламная кампания со слоганом «Spain. Everything under

the sun», позиционирующая Испанию как страну пляжного туризма. Первая рекламная кампания, считающаяся одной из самых удачных и долгих (9 лет), со временем видоизменилась в «Everything new under the sun», акцентировав тем самым, предложение разнообразного и качественного отдыха.

В период 1991–1994 годов проходила рекламная кампания со слоганом «Passion for life». Данная кампания продвигала активный туризм и подчеркивала стереотип о страстности испанцев, которой заражаются и туристы, сталкиваясь с предложением нового опыта и эмоций от испанского образа жизни.

Для работы над рекламной кампанией «Spain By» (1995–1997 годы) были привлечены такие именитые фотографы, как Херб Ритц или Энни Лейбовиц. В каждой работе был создан очень личный стильный образ Испании.

Имидж современной Испании, предлагающей качественные и разнообразные туристические услуги по приемлемым ценам был представлен в рекламной кампании под лаконичным слоганом «Bravo Spain» (1998–2001 годы).

Культурная идентичность Испании была достаточно провокационно подчеркнута в рекламной кампании «Spain marks» (2002–2003 годы). Эстетически красивая ироничная кампания представлена в черно-белых фотографиях с крупным красным слоганом.

Эмоциональность и приветливость испанцев нашла свое выражение в кампании «Smile! You are in Spain» (2004–2009 годы).

Юбилейная кампания «Spain. 25 years beyond the sun» (2008 год) отметила 25 лет логотипа, разработанного культовым каталонским художником Жоаном Миро. В течении трех месяцев данная кампания напоминала, что уже четверть века Испания находится в лидерах туристического рынка и привлекательна пляжным туризмом, национальной кухней, культурой, современной архитектурой и шопингом [3].

Современная кампания «I need Spain» разработана с целью репозиционирования Испании как страны пляжного туризма и акцентирует испанскую самобытность и разнообразие туристических услуг. Это первая кампания, которая имеет региональные версии, специально разработанные для азиатского рынка [2].

В образе туристической Испании на современном этапе преобладают следующие черты: солнце и море, хорошее сочетание цены и качества, культура и искусство (особенно на американских рынках), стиль жизни и развлечения. Конкурентным преимуществом перед странами Северной Африки могла бы стать рекламная кампания «Spain is safe». Период нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также исламский фактор показали важное преимущество Испании – безопасность.

Литература

1. 6ª Oleada Barómetro Imagen de España, mayo-junio 2016 [Electronic resource] / Real Instituto Elcano – Mode of access: URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/web/riecano_es/encuesta?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/observatoriomarcaespana/estudios/resultados/barometro-imagen-espana-6
2. Campaña I need Spain [Electronic resource] / INSTITUTO DE TURISMO DE ESPAÑA – TURESPAÑA – Mode of access: URL: <http://www.tourspain.es/es-es/marketing/Publicidad/Campanas/Paginas/INeedSpain.aspx>
3. Otras Campañas de Publicidad [Electronic resource] / INSTITUTO DE TURISMO DE ESPAÑA – TURESPAÑA – Mode of access: URL: <http://www.tourspain.es/es-es/marketing/Publicidad/Campanas/Paginas/Smile.aspx>
4. The 2015 Country RepTrak® 100 [Electronic resource]/Reputation Institute – Mode of access: URL: <https://www.reputationinstitute.com/research/Country-RepTrak.aspx>

Михеева Н. А.

МГИМО МИД России
доцент Кафедры испанского языка

Семантические особенности глаголов в синтаксических конструкциях, используемых для описания эмоционального состояния в испанском языке

Аннотация: В статье рассматриваются синтаксические конструкции, служащие для описания эмоционального состояния человека в испанском языке: конструкции с *verba sentiendi*, конструкции с изменением эмпатии, каузативные конструкции. Эти конструкции имеют определенную семантическую структуру, основными компонентами которой являются глагол и предикатное имя эмоции. В статье приводятся различные классификации глаголов, употребляющихся в исследуемых синтаксических конструкциях и анализируются их семантические особенности.

Ключевые слова: синтаксические конструкции, *verbum sentiendi*, экзистенциальный глагол, каузативный глагол, предикатное имя эмоции.

Mijeeva Natalia A.

Semantic peculiarities of the verbs in the syntactic constructions used to describe emotional states in Spanish

Abstract: This article is dedicated to investigation of the syntactic constructions describing emotional state of a person in Spanish: constructions with *verba sentiendi*, constructions with change of the empathy, causative constructions. These constructions have a determinate semantic structure which includes a predicate name of emotion and a verb. Different classifications of the verbs used in the above mentioned syntactic constructions are expounded and their semantic peculiarities are analysed in the article.

Keywords: syntactic constructions, *verbum sentiendi*, existential verb, causative verb, predicate name of emotion.

Mijeeva Natalia A.

Las peculiaridades semánticas de los verbos en las construcciones sintácticas utilizadas para describir estados emocionales en el español

Resumen: En el artículo se analizan las construcciones sintácticas que se emplean para describir estados emocionales de una persona en el español: construcciones con *verba sentiendi*, construcciones en que cambia la empatía, construcciones causativas. Estas construcciones tienen una estructura semántica determinada cuyos componentes principales son el verbo y el nombre predicativo de la emoción. En el artículo se exponen diferentes clasificaciones de los verbos que se emplean en las construcciones sintácticas antes citadas y se analizan sus peculiaridades semánticas

Palabras clave: construcciones sintácticas, *verbum sentiendi*, verbo existencial, verbo causativo, nombre predicativo de la emoción.

Современный испанский язык располагает огромным количеством различных синтаксических конструкций, используемых для описания эмоциональных состояний (ЭС) и эмоциональных отношений (ЭО).

В данной работе рассматриваются расчлененные группы, содержащие глагол и предикатное имя, обозначающее ЭС или ЭО. Объектом анализа являются глаголы, сочетающиеся с предикатными именами эмоции в синтаксических конструкциях, их виды, классификация и семантические особенности. Материалом исследования послужили литературные произведения испанских авторов и «Словарь сочетаемости современного испанского языка». К рассматриваемым синтаксическим конструкциям относятся:

1) конструкции, включающие в себя глаголы, выражающие чувства (*verba sentiendi*), например, *sentir, experimentar, tener* (ощущать, испытывать, чувствовать): *sentir miedo, experimentar horror, tener admiración*, etc;

2) конструкции с изменением эмпатии, в которых используются такие глаголы, как *invadir, apoderarse, llenar* (охватывать, овладевать, наполнять): *le invade la tristeza, la rabia se apodera de ti, la felicidad te llena*, etc;

3) конструкции с каузативными глаголами типа *producir, dar, causar* (вызывать, внушать): *producir alegría, dar miedo, causar enfado*.

Рассмотрим семантическую структуру этих трех видов конструкций, а также семантические особенности глаголов, которые в них употребляются.

1. Синтаксические конструкции, включающие в себя глаголы, выражающие чувства (*verba sentiendi*), имеют следующую семантическую структуру: субъект эмоции (Э), *verbum sentiendi*, предикатное имя эмоции (Э), объект эмоции (Э) (если эмоция – эмоциональное отношение), причина эмоции (Э). Например: *Tía Leo sentía un gran orgullo por sus rosas, llamadas Princesa China, Reina Rubí y Blancanieves* [1, p. 27]. – *Tía Leo* (субъект Э) *sentía* (*verbum sentiendi*) *un gran orgullo* (ЭО) *por sus rosas* (причина Э).

El señor Puig siente una gran simpatía hacia Nicanor [2, p. 43]. – *El señor Puig* (субъект Э) *siente* (*verbum sentiendi*) *una gran simpatía* (ЭО) *hacia Nicanor* (объект Э).

Конструкции с *verba sentiendi* с полной структурой, т. е. включающей все актанты, в испанском языке встречается редко по причине своей громоздкости.

Ядром этих конструкций являются глаголы, выражающие чувства, которые сочетаются с предикатным именем Э. Наиболее употребительные глаголы *sentir, tener, experimentar* (ощущать, испытывать, чувствовать) в своей семантической структуре не имеют положительной или отрицательной оценки и могут употребляться с любыми предикатами Э: – *A ti no puedo mentirte: muchas veces siento nostalgia* [3, p. 66].

Serafin tenía miedo, un miedo extraño e invencible como no había tenido nunca [4, p.18].

– *Comprendo a los suicidas – continuó Juan –. Tienen que experimentar hasta la angustia, ese deseo de destruirse, y tienen que experimentar lo como placer y como justicia* [3, p. 82].

В синтаксических конструкциях с *verba sentiendi* используются также другие глаголы, сочетающиеся с предикатами, обозначающими как положительные, так и отрицательные ЭС или ЭО, например, *(re)vivir, llevar(se), profesar, tomar* (переживать, испытывать, ощущать, чувствовать): *Los terrores que reviviría a veces en pesadillas recurrentes* [5, p. 234].

– *Estupendo. ¡Tu madre se va a llevar un alegrón* [2, p.120]!

Ella no lo haría nunca, no por encubrir al golfete, sino por no causarle un dolor a la señora a quien iba, poco a poco, profesando gran afecto [2, p. 98].

Cuánto daría yo porque fuera nuestro. Le estoy tomando cariño... [2, p.71].

Глаголы *disfrutar* и *gozar* (наслаждаться) включают в свою семантическую структуру положительную оценку, поэтому, как правило, сочетаются с предикатами, обозначающими положительные эмоции: *Para disfrutar el placer, él necesitaba que el amor lo excitara, y allí no existía excitación de ninguna clase* [2, p.102].

Porque mi hijo lo tengo puesto dentro de mi corazón y al saber que estás bien tu madre goza de alegría... [2, p.57].

Глаголы *sufrir, padecer, soportar* (испытывать, терпеть, переносить, выносить) несут в своей семантике отрицательную оценку, поэтому они обычно сочетаются с предикатами, обозначающими отрицательные эмоции: *Y cuando Ana, vencida, esperaba como único premio a la cesión de su voluntad el contento del hombre, sufrió una gran decepción* [6, p. 304].

Volví a *padecer una sensación de celos* retrospectivos, los mismos celos ilegítimos que me asaltaron en la Madonna dell'Orto cuando Gabetti le comunicó a Chiara el asesinato de Fabio Valenzin [7, p.108].

Ella no podía *soportar* sola aquella *desesperación* [2, p. 46].

Глаголы *guardar* (таить), *pasar* (испытывать) хотя и являются нейтральными по значению, употребляются с предикатами, обозначающими отрицательные эмоции: — No creas que te *guardo rencor* [3, p. 202].

Polizón no quiere comer. Está muy pálido, lleno de sudor y tiene fiebre. Ayer tarde, empezó a soñar en voz alta, y *pasé* mucho *miedo* [1, p. 84].

2. В испанском языке широко распространены конструкции с изменением эмпатии, которые употребляются метафорически для описания ЭС и ЭО. В этих конструкциях логический субъект эмоции выступает в позиции прямого или косвенного дополнения, а предикат ЭС или ЭО встает в позицию подлежащего. «Эти конструкции свидетельствуют о пассивности субъекта эмоции: не он испытывает эмоцию, но эмоция приходит к нему, завладевает им, захлестывает, переполняет его. В этих конструкциях изменена эмпатия, “точка зрения” на ситуацию» [8, с.142].

Семантическую структуру конструкций с изменением эмпатии можно представить как: эмоция в позиции синтаксического субъекта, экзистенциальный глагол, субъект Э в синтаксической позиции объекта, причина Э: A Marisa le invadió una gran tristeza por Juan [2, p.19]. — Marisa (субъект Э) invadió (глагол [Exist]) с семой начинательности) tristeza (предикат Э, обозначающий ЭС) por Juan (причина Э).

Как и в предыдущих конструкциях основными компонентами конструкций с изменением эмпатии являются глаголы, которые в каждом случае имеют свои семантические особенности, и предикатное имя, обозначающее положительные и отрицательные ЭС или ЭО.

В конструкциях с изменением эмпатии *verba sentiendi* типа *чувствовать* заменяются экзистенциальными глаголами, включающими в себя сему [Exist], которая часто сочетается с каким-либо маркером начинательности, финитности или интенсификации/деинтенсификации, с некоторыми метафорическими оттенками [8, с.143]. В анализируемых конструкциях логический субъект эмоции занимает позицию прямого или косвенного дополнения и может иметь целостное представление, так как эмоции всецело овладевают человеком, или быть расщепленным. Несмотря на изначальную посылку, что субъект Э — одушевленное лицо, он может быть выражен метонимически, т. е. названием части тела, традиционно считающейся вместилищем чувств — душа, тело, сердце и т.п.: Siento como si, en cierta manera, esta determinación nuestra *hiciera nacer en el corazón* de la gente, no *el melancólico sentimiento de una frustración*, sino el de un aplazamiento [7, p.14].

В испанском языке существует большое количество экзистенциальных глаголов, которые употребляются в сочетании с предикатными именами Э в исследуемых синтаксических конструкциях. Эти глаголы имеют свои особенности и оттенки. Некоторые из них характеризуются как аспектуальные, «поскольку указывают на фазу процесса и различаются в зависимости от той фазы, которую обозначают» [9, p. 406], другие описывают интенсификацию эмоции, но все они, сочетаясь с именами Э, употребляются метафорически. Принимая во внимание данные характеристики глаголов, их можно классифицировать следующим образом: глаголы, обладающие фазисными характеристиками начинательности, глаголы, обладающие фазисными характеристиками финитности, интенсифицирующие, деинтенсифицирующие глаголы, глаголы, не обладающие фазисными характеристиками начинательности или финитности, которые описывают характер протекания эмоций.

1. Глаголы, обладающие фазисными характеристиками начинательности, которые, сочетаясь с предикатами Э, употребляются метафорически и передают идею появления эмоции у субъекта Э. В некоторых случаях её появление может быть внезапным, неожиданным, резким, тогда эмоция представляется как живое существо, человек или животное, которое нападает на другое живое существо, атакует его, завладевает им. Наиболее употребительными глаголами данного вида являются *invadir*, *asaltar*, *acometer*, *embargar*, *coger*, *apoderarse*, *aprimonar*, *poseer*, *dominar* (охватывать, овладевать, захлестывать, нахлынуть, накатывать): Bonnie se acerca a él y le dice que le ama, se lo dice con esa *desesperación* aplacada que le *invade* en instantes así [5, p. 256].

Aprensión y desasosiego fueron las sensaciones que me *asaltaron* cuando empujé la puerta de mi cuarto... [7, p. 257].

Contó y contó, al principio entrecortada por ese *espanto* que nos *acomete* cuando rememoramos una pesadilla reciente... [7, p. 245].

¡Le habían matado delante de él y no había hecho nada! La impotencia, la *rabia* y la *desesperación* le *embargaron* [2, p.122].

Después que bebí sentéme en una peña, y en el mismo instante *cogióme* la singular *zozobra* que me anuncia siempre la influencia del ángel del mal [4, p. 42].

Al oír pronunciar a Marisa el nombre de su rival, se le olvidaron su educación, sus principios y, de nuevo *los celos se apoderaron* de él [2, p. 34].

Respiró profundamente varias veces intentando deshacerse de la angustia que le *aprisionaba*... [2, p.75].
...me *poseyó* un *miedo* casi cósmico, pero comprobé que ese miedo era el mejor revulsivo contra las tristezas sentimentales... [7, p. 249].

...sino de *la pasión* que acabó *dominando* a su segundo marido [5, p. 236].

Как показывают примеры субъект Э пассивен, т. е. не он испытывает эмоцию, а она приходит к нему извне и завладевает им, захлестывает его часто в агрессивной и неконтролируемой форме.

Идею появления эмоции у субъекта также передают глаголы *entrar*, *llegar*, *internarse*, *instalarse* (проникать, накатывать, вселяться) и в этом случае оно не столь агрессивное: *La luz de la linterna empalidecía. Le entró* miedo de que la pila se agotase, de quedar a oscuras [3, p. 399].

Luego, con los años, cuando se mete uno en la cama, llegan en avalancha las desazones y los cargos de conciencia [7, p.109].

Nos dejó a solas con el cuadro de Giorgione, a solas también con una desazón que se iba internando en nuestra carne y se instalaba en la médula de los huesos [7, p. 215].

Эмоция также может появляться, рождаться, пробуждаться внутри субъекта Э: *Sintió*, *asustada*, que había nacido en ella un profundo desprecio hacia la sumisión de su madre [6, p. 56].

Las enigmáticas palabras del desconocido no pareciesen del todo claras al hermano lego, en quien ya comenzaba la curiosidad a despertarse [10, p. 85].

Иногда человек пытается бороться с эмоцией в своем внутреннем мире, но эмоция, как видно из примеров, побеждает в этой борьбе. Эта идея передается с помощью глаголов *ganar*, *vencer*, *abatir* (одолеть, навалиться, подкосить): *De súbito una incoercible congoja la ganó*, y *rompió* a llorar [6, p. 319].

Vi cómo los hilos de agua que resbalaban por el cristal se reflejaban en sus mejillas, como una lepra imaginaria que le derritiera la piel y se la desmenuzara, a pesar de tanta cirugía. Me venció un intolerable asco [7, p.179].

Los sustos, las alegrías, las emociones, las cóleras de este día *abatirían* el ánimo más esforzado y el cuerpo más vigoroso [4, p.149].

Имена эмоции, употребляясь с глаголами *llenar* (наполнять), *inundar* (наводнить, захлестнуть), *desbordarse* (переполнять), представляются как жидкая субстанция, наполняющая человека, его душу, сердце, которые представляются метафорически как сосуд эмоций, чаша: *Lo que más contribuía a precipitar mi restablecimiento era la alegría inexplicable que llenaba mi alma* [4, p. 306].

La felicidad me inunda y mis ojos se humedecen de la emoción [11, p.1222].

La ira se desbordaba en mí; mas viendo que era imposible escapar del poder de tan vil enemigo, acepté lo que me proponía [4, p.124].

Глагол *desbordarse* свидетельствует о том, что эмоция находится в избыточном количестве в субъекте Э, переполняет его, превышает некий предел.

Некоторые сильные негативные эмоции такие, как ярость, гнев, злость, страх, страсть могут сравниваться с огненной субстанцией или с метеорологическим, климатическим явлением, например, буря, шторм, гроза. Эти два образа часто объединяются в один, поскольку представляют собой явления природы, её разрушающую силу. В этом случае особо подчёркивается неконтролируемая сила природы, её стихийность, независимость от человеческой воли и сознания. В испанском языке эта идея метафорически передается с помощью глаголов *enardecer* (разжигать), *estallar*, *desatarse*, *desencadenarse* (вспыхнуть, разразиться, разбушеваться): *Te robé para hacerte instrumento de la horrible cólera que me enardece* [4, p. 225].

Entre los caballeros de la nueva y poderosa Orden y los hidalgos de la ciudad fermentó por algunos años, y *estalló* al fin, *un odio* profundo [10, c.44].

A causa de esta noticia se ha desatado el temor a que se reproduzcan las informaciones negativas en este sentido [11, p.731].

“La casa de Bernarda Alba”, su última y más perfecta obra, que describía *las pasiones que se desencadenan* entre varias hermanas que viven bajo la tiranía de su madre [11, p.755].

2. Глаголы, обладающие фазисными характеристиками финитности которые, сочетаясь с предикатами Э, употребляются метафорически и передают идею исчезновения эмоции у субъекта Э. Эмоция также представляется как живое существо, человек или животное. В таких конструкциях могут употребляться глаголы *desaparecer*, *quitarse* (исчезать, уходить, проходить), *morir* (умирать): *La angustia que había sentido desapareció e intentó no darle mayor importancia por el momento* [2, p. 44].

...bramó don Cosme, a quien no *se le quitaba el enfado* por su conversación con el de Huesca [6, c.106].
El amor nace del recuerdo, vive de la inteligencia y muere por olvido [11, p.1328].

Имена эмоции, употребляясь с глаголами *evaporarse* (испаряться), *agotarse* (иссякать, исчерпаться) ассоциируются с жидкой субстанцией, которая исчезает, испаряется из внутреннего мира субъекта Э, из его сердца, души, которые представляются как сосуд эмоций: *Había llegado el sinvergüenza simpático y Erika sintió que toda su felicidad se evaporaba* [2, p.72].

...temen que *se haya agotado el cariño* [11, p.137].

Как и в предыдущих случаях, сочетаясь с глаголом *apagar* (гаснуть), имена эмоций уподобляются огню или свету: *Jujú sintió un golpe en el corazón. Toda la alegría se había apagado* [1, p. 46].

Эта группа глаголов включает также глагол *diluirse* (растворяться), в комбинации с которым предикаты Э представляются как некоторые материальные предметы, газы, текучие вещества и другие субстанции: *...deseaba acudir a Teresa, por cuyo pecho, en otro tiempo, se diluía mi temor a la vida* [12, p.77].

В сочетании с глаголами *disiparse* и *desvanecerse* (развеяться, раствориться, рассеяться) имена Э ассоциируются с газообразными веществами: *La decepción y el desconcierto se disiparon cuando Chiara dijo...* [7, p. 208].

Abrís los ojos, y vuestro *terror no se desvanece* [10, p.121].

3. Интенсифицирующие глаголы, которые выражают различную степень интенсификации эмоций. Оставаясь в течение всего периода своего существования самими собой, ЭС меняют свою интенсивность, что выражается в семантике де/интенсифицирующего глагола признаком градуированности, а именно, способностью к нарастанию и ослаблению [13, p. 4]. Наиболее употребительными глаголами данной группы являются *aumentar(se)*, *crecer*, *acrecentarse*, *afianzarse*, *recrudescerse*, *agravarse*, *endurecerse* (расти, крепнуть, усиливаться, обостряться): *Le contaba cómo había aumentado el amor y cómo la pasión había crecido también a sus expensas...* [12, p. 40].

Dos meses, durante los cuales había buscado en vano a aquella mujer desconocida, cuyo absurdo *amor iba creciendo* en su alma [10, p. 80].

...y supo que el último de sus vástagos había nacido cuando ella estaba sepultada y rodeada de cadáveres, este *cariño se acrecentó* [6, p. 56].

Alejada la turbación, en su interior *se afianzaba* una fría *cólera*, un *odio* inmenso, lúcido y tranquilo [14, p. 213].

Y se miró instintivamente la pechera del jersey (mis celos se recrudecieron al pensar que quizá se lo hubiese prestado Valenzin) [7, p. 85].

Poco a poco, ese *atolondramiento* inicial *fue agravándose* de vértigo: huir habría sido la solución más espontánea... [7, p. 246].

La niña iba ahora dominada por una honda *amargura*, una precoz *amargura* que *se le endurecía* y enconaba en el corazón [1, p.164].

4. Деинтенсифицирующие глаголы, которые выражают различную степень ослабления эмоций. Наиболее употребительными глаголами этой группы являются *disminuir*, *amortiguarse*, *calmarse*, *amansarse* (уменьшаться, убывать, смягчаться, успокаиваться): *...mi fervor religioso disminuye; la vida vulgar va penetrando y se va infiltrando en mi naturaleza* [15, p. 44].

Los constructores adquieren mayor confianza en las normas legales y se amortigua el “terror” hacia las posibles dilaciones para continuar las obras [11, p. 227].

Al verme en el campo libre, si *se calmó* mi *desasosiego* por los peligros que corría dentro de Roma la chica [4, p.185].

...invocaba sin cesar a la divina madre de Nuestro Señor para que por su intercesión se amansase la furia de los anglo-portugueses [4, p. 43].

5. Глаголы, не обладающие фазисными характеристиками начинательности или финитности, которые описывают характер протекания эмоций. Как известно, в метафоре многие эмоции могут персонифицироваться и в этом случае им приписываются различные способности и характеристики, свойственные людям и животным. Олицетворенные эмоции способны мучить, терзать, бить, душить, т.е. причинять страдания человеку. Эту идею передают глаголы *atormentar, martirizar, atenzar, aquejar, flagelar, azotar, ahogar, sofocar* (мучить, терзать, бичевать, душить): La tragedia será espantosa para él, porque la conciencia y la vergüenza lo atormentarán [5, p.151].

lo decía incluso con remordimiento, no sé si ante la expectativa de la jubilación o porque lo martirizase algún escrúpulo de conciencia [7, p. 233].

El miedo y la angustia la habían atenzado constantemente y, pese a ello, tenía que ser capaz de sonreír, de parecer alegre y coqueta... [2, p.104].

Una compasión loca, insana, me *aqueja* a veces [15, p. 44].

Una mujer que no fuese Alicia, pues a su lado le *flagelaban los remordimientos* [6, p. 283].

De nuevo me *azotaron los celos* retrospectivos [7, p. 313].

No le interesaba conocer el porqué de esta *tristeza* infinita, que la *ahogaba*, desde que se despidió de Pepa Turull [6, p. 316].

– La señora inglesa ha de partir conmigo. Hazla detener – dije, dominando la intensa *cólera* que a causa de mi evidente inferioridad, me *sofocaba* [4, p.187].

Образ эмоции как когтистого животного или существа с острыми зубами, которое борется с человеческими желаниями и чувствами реализуется в сочетаниях имени Э с глаголами *desgarrar* (разрывать, разгрызть), *devorar* (пожирать), *consumir* (поглощать), *roer* (грызть, глотать), *remorder* (кусать, грызть): Había que pasar por encima del dolor de Ana, del suyo propio, y arrancarse esta espina de los remordimientos que le desgarraban [6, p. 281].

Mi *duelo* está tan desbordado y es tan abrumador que *devora y ahoga* los demás pesares y sigue siendo el mismo [11, p. 814].

- ¿Qué proyecto?

- ... sacar del infierno a aquel infeliz réprobo, y extirpar de su alma *el odio que le consumía* [4, p. 224].

Podría morderla más fuerte, bajar por su cuello y de nuevo *me roen corroen los celos*, me sulfuro [5, p. 201].

Pese a todo lo vivido, Gómiz repetiría la experiencia. “Claro que sí. A mí no me *remuerde la conciencia*. Me siento muy orgulloso de la obra” [11, p.1575].

3) Семантическая структура каузативных конструкций включает в себя следующие компоненты: причина Э, каузативный глагол, предикатное имя Э (ЭС или ЭО), субъект Э, объект Э (в случае ЭО), например: El campo le produce alegría [14, p. 271]. – El campo (причина Э, каузирующая ЭС субъекта Э) le (субъект Э) produce (каузативный глагол) alegría (предикатное имя, выражающее ЭС субъекта Э).

Если имя Э обозначает ЭО, то появляется компонент, именуемый объект Э, например: El largo trato con mi raptor me habrá inspirado amor hacia éste [4, p.151], где el largo trato – причина Э, me – субъект Э, habrá inspirado – каузативный глагол, amor – ЭО, hacia éste – объект Э. В синтаксических конструкциях, обозначающих каузацию ЭС и ЭО, основными компонентами также являются глагол и предикатное имя Э.

Между конструкциями, обозначающими каузацию ЭС и ЭО, и конструкциями с *verba sentiendi* существует прямая связь. На синтаксическую конструкции с *verba sentiendi* «навешивается» предикат CAUS - «каузировать», иначе говоря, имеет место вставление одной предикации в другую [16, с. 51]: Rosa *siente* miedo → El grito *hace sentir* miedo a Rosa = El grito *causa* miedo a Rosa. Глагол *causar* включает в себя элемент «каузативность» [17, с. 56] и используется для обозначения каузации ЭС. Таким образом, каузативный глагол можно рассматривать как свернутую форму конструкции *заставить+почувствовать*. Каузативная конструкция отличается от конструкций с *verba sentiendi* тем, что на последнюю накладывается модальная каузативная рамка, состоящая из субъекта каузации и компонента *заставить* [Caus].

В испанском языке существует целый ряд каузативных глаголов, употребляющихся в сочетании с предикатными именами, обозначающими ЭС или ЭО:

1. Каузативные глаголы, сочетающиеся с предикатами эмоции, классифицируются по способности обозначать де/интенсификацию эмоции, при этом выделяются:

а) нейтральные каузативные глаголы, которые не градуируют эмоцию по шкале интенсификации и не имеют дополнительных метафорических оттенков. Среди них самыми распространенными являются глаголы *producir, dar, causar* (вызывать, внушать): Por eso, la guerra civil le *había causado* una profunda *angustia* [3, p. 261].

Pero una cosa me *da asco*: coger al pez con la mano para sacarle el anzuelo [6, p. 49].

El haber nacido, por ejemplo, *había sido* hasta hoy una cosa que le *producía vergüenza*, un acontecimiento excesivo [5, p.193].

К нейтральным каузативным глаголам также относятся *proporcionar, ocasionar, provocar, motivar, estimular* (вызывать, порождать, возбуждать, провоцировать): ...porque mi madre ... consideraba que a los ojos de Dios proporcionaba tanta *complacencia* el hecho de preservar a una bestia [7, p. 37].

Pero los verdaderos estimulantes de su sexualidad van a ser *los celos* que le ocasiona el joven rival (este grato papel lo interpreto yo), y el coñac... [5, p.79].

...y estornudó más *provocando la indignación* de los nietos... [2, p.115].

...y como yo rápidamente me volviese y nada hallase que pudiera motivar aquel espanto, le pregunté la causa de sus terrores [4, p. 49].

...una de esas bellezas que estimulan la idolatría y la genuflexión nunca la piedad o cualquier otro sentimiento igualitario [7, p.149].

б) интенсифицирующие каузативные глаголы, которые обозначают различную степень усиления эмоции. Интенсифицирующие каузативные глаголы *aumentar, acrecentar, incrementar, reforzar, intensificar, multiplicar* (увеличивать, усиливать, интенсифицировать, умножать) выражают усиление, рост ЭС и не несут в себе никаких дополнительных оттенков.: Se daba una circunstancia que contribuía a *aumentar su desazón* [14, p. 24].

Estuvieron muy comedidos y corteses en las preguntas aclaratorias procurando no *acrecentar* su *congoja* ni herir su pudor [6, p.150].

Sabía que sus pesadillas *incrementarían* más la *angustia* que sentía [2, p.75].

En realidad, la labor de su madre no era otra que *reforzar* con las palabras los *temores* que ella se negaba a reconocer [12, p.113].

Además, su verruga estaba tan cercana, tan próxima y rosada, que *intensificaba* mi *amargura* [1, p.122].

...ella se hundía en una situación de agitada pasividad con la que devolvía, multiplicando por mil, el placer que parecía recibir de Julio [12, p. 28].

Глаголы *agudizar, acentuar, exacerbar (re)avivar, ahondar*, помимо основного значения интенсификации, имеют дополнительные оттенки (обострять, раздувать, углублять и др.) и в большинстве случаев их значение представляет собой языковую метафору: ...las infidelidades de una pareja son la sal y pimienta que *aviva el amor* apasional [11, p. 371].

El gallo *había agudizado su ansiedad* [12, p.130].

Las bromas de sus compañeros colaboraron aún más en *acentuar* su *apresión* [6, p.181].

...evitó decir una sola palabra que pudiera exacerbar la *indignación* de los opositores de la dictadura [11, p. 988].

...se le habían sumido unas ojeras que *ahondaban* su *tristeza* [7, p. 265].

в) деинтенсифицирующие каузативные глаголы обозначают различную степень ослабления эмоции. Деинтенсифицирующий каузативный глагол *aminorar* выражает ослабление ЭС и не несет в себе других дополнительных оттенков: ...pero el hecho no *aminoró* la *extrañeza* que me produjo escuchar de labios de mi mujer ese nombre familiar y extranjero [2, p.104].

Глаголы *mitigar, atenuar, templar, apaciguar, aplacar, calmar, paliar, aliviar*, помимо основного значения деинтенсификации, также несут дополнительные оттенки смысла (смягчать, облегчать, умиротворять): La inercia del optimismo la convenció de que se trataría de algún huésped desprevenido, que *mitigaría* su *culpa* y su desvalimiento [7, p. 246].

La *angustia* no *atenuaba* su *dicha*; la reforzaba más bien... [12, p. 29].

...ya casi nada queda en pie de aquella casa, en la que vivimos en tiempos menos destemplados, y *templando nostalgias* al contemplar un trozo de lienzo de pared... [5, p.122].

Fue también la encargada quien, una vez de regreso en la sala, se ocupó de *apaciguar* la *inquietud* de una clientela... [5, p. 214].

Inmediatamente se sentó a mi lado y para *aplacar* mi *enfado* me ofreció frutas de su cesto [11, p. 260].

...recibieron sobre sus cabezas un jarro de agua fría para *calmar* su euforia [11, p. 422].

También era fácil que en la imaginación del niño apareciera otro factor, este piadoso: la consolución del

viudo, sustituir a la hermana, paliar la desesperación del marido, ocupar el lugar de la muerta [5, p.169].
Su menuda compañía aliviaba la soledad de la larga espera [14, p. 242].

2. Отдельную группу составляют каузативные глаголы, имеющие характер языковой метафоры. В процессе метафоризации эти глаголы перенесли свою внутреннюю форму, которая имеет отношение к различным материальным сферам жизни человека и стихиям природы, на эмоциональную сферу и придали эмоциям различные стилистические оттенки. Образ эмоции как жидкого тела в испанском языке передают каузативные глаголы *infundir*, *instilar*, *imbuir*, *inundar de*, *llenar de*, *colmar de*, *sumir en*, *hundir en* (внушать, наполнять, погружать): Estas exclamaciones de ella *colmaban de felicidad* a don Fermín [6, p.193].

La sombra del suicida se posó por un instante sobre nosotros y, en vez de *infundir* nos pavor, nos preparó para una revelación alevosa [7, p.179].

También me había llevado para instilarme su *odio* y encizañarme contra Chiara... [7, p. 279]. В этом случае предикат ЭО представляется как обозначающий некую жидкую субстанцию, которую вливают маленькими дозами.

Cuando se enfurecía lograba *imbuir respeto* [5, p.115].

Los rayos del dorado sol jugueteaban alegremente en el espacio, *inundando* al propio tiempo de *alegría* el corazón de un niño y una niña... [15, p. 97].

Era la primera vez que el comandante no discutía una iniciativa suya, y esto le llenó de coraje y de satisfacción [6, p. 252].

Me colmó de maligna felicidad asistir al azoramiento de Rosso... [7, p.175].

El imprevisto giro de la conversación lo sumía en un mar de confusiones (погружало его в пучину смятений) [14, p.147].

Pero Delita no vivía, y la epístola sirvió para *hundirle en el pozo de la desesperanza y el despecho* (омут отчаяния и досады) [6, p.119].

В сочетании с глаголом *inspirar* (вдыхать) предикаты ЭС и ЭО представляются, как обозначающие летучие или газообразные субстанции: Por primera vez desde que se conocían, la timidez del pianista no le *inspiraba compasión*, sino *desdén* [14, p.140].

Идею огненной субстанции передают глаголы *encender* и *suscitar* (разжигать): Eustaquia, mirándose al espejo con cierta ilusión su cara caballuna, se creía capaz de encender esos y otros amores... [2, p. 49].

...y cuyo nombre *suscita* tal *indignación y miedo* en todos los hogares proletarios que se le conoce por el sobrenombre de «el Hombre de la Mano de Hierro» [12, p. 25].

Образ эмоции как предмета растительного мира представлен глаголами *sembrar* и *cultivar* (сеять, культивировать): ...fue la señorita Leocadia quien *sembró* en el ánimo de Jujú cierta *desazón* extraña [1, p.18].

...con ese grado de sinceridad y *enconamiento* que sólo *cultivan* los ingenuos [7, p.159].

Имя эмоции ассоциируется чаще с физической материей при каузативных глаголах *inculcar*, *traer*, *poner*, *transmitir*, *meter* (внушать, передавать, вызывать): ...le parece un ultraje a todo lo que él, Camargo, le *ha inculcado*: *orgullo*, confianza en sí misma, capacidad de asombro [3, p. 300].

Luis se compara con el Vicario, y dice que se siente humillado. Esto *ha traído* cierta amarga *melancolía* a su corazón... [15, p.183].

Mi padre, a pesar de sus cincuenta y cinco años, está tan bien, que puede *poner envidia* a los más gallardos mozos del lugar [15, p.15].

Sólo un amor recién descubierto puede *transmitir* le esa *felicidad* tan escurridiza, tan avergonzada que ahora la envuelve como un halo [4, p. 62].

...esa historia que me contaba mi abuela para meterme un *miedo* poco duradero y teñido de broma... [1, p.70].

Имена эмоции метафорически представляются как живая материя в сочетании с глаголами *alimentar*, *generar*, *despertar* (питать, породить, пробуждать): El Times sigue *alimentando* mis temores [5, p. 241].

Ahora bien, estás hablando de la parte emocional, el territorio más difícil de comprender por la ciencia, aquel que puede *generarte* un punto tal de *miedo* que te indica la inconveniencia de cruzar a pie una autopista [11, p. 326].

Este muchacho me *despierta* una *simpatía* irracional, quizá porque me recuerda al hombre que fui y albergaba la esperanza de desengañarlo [7, p. 374].

Таким образом, в статье была рассмотрена семантическая структура глагольных конструкций, используемых при описании ЭС и ЭО. Среди расчлененных структур данного семантического поля были проанализированы: 1) конструкции с *verba sentiendi*, 2) конструкции с изменением эмпатии, 3) каузативные конструкции. Конструкции с *verba sentiendi* соотносятся с конструкциями с изменением эмпатии почти одинаковой семантической структурой (субъект Э, причина Э, *verbum sentiendi*/экзистенциальный глагол, Э), но различаются инверсией синтаксической структуры. Каузативные конструкции соотносятся с конструкциями с *verba sentiendi* путем наложения на последние каузативной рамки «субъект каузации + компонент «заставить»».

Ядром вышеупомянутых конструкций являются глаголы в сочетании с предикатными именами Э. В работе были описаны семантические особенности различных глаголов, употребляющихся в исследуемых конструкциях.

В конструкциях с *verba sentiendi* в сочетании с предикатами, обозначающими положительные и отрицательные ЭС или ЭО, используются глаголы *sentir, experimentar, tener, (re)vivir, llevar(se), profesar, tomar*. Глаголы *disfrutar, gozar* употребляются с именами положительных эмоций, а глаголы *sufrir, padecer, soportar, guardar, pasar*, с именами отрицательных эмоций.

В конструкциях с изменением эмпатии глаголы, способные сочетаться с огромным спектром имен, обозначающих положительные и отрицательные ЭС и ЭО, можно классифицировать исходя из их аспектуальных характеристик на глаголы, обладающие фазисными характеристиками начинательности; глаголы, обладающие фазисными характеристиками финитности; на глаголы, не обладающие фазисными характеристиками; интенсифицирующие и деинтенсифицирующие глаголы; глаголы, не обладающие фазисными характеристиками, которые описывают характер протекания эмоций.

В каузативных конструкциях глаголы по способности обозначать де/интенсификацию эмоции можно подразделить на нейтральные, интенсифицирующие каузативные глаголы, деинтенсифицирующие каузативные глаголы, каузативные глаголы, имеющие характер языковой метафоры. Каузативные глаголы также обладают способностью сочетаться с самыми различными предикатами Э.

В исследуемых конструкциях эмоция может представляться как живое существо, человек, который нападает на субъект Э, завладевает им, мучает, терзает, бьет, душит его, причиняет ему страдания; или животное, которое грызет, пожирает, разрывает, кусает субъект Э.

Эмоция также может появляться, рождаться, пробуждаться, исчезать, испаряться, гаснуть, растворяться внутри субъекта Э, может усиливаться, ослабляться в субъекте Э, представляться как жидкая, газообразная или огненная субстанция, наполняющая субъект Э. Эмоция часто уподобляется явлениям природы, растительному миру, живой или неживой материи. Таким образом, субъект Э, описывая свое эмоциональное состояние, реализует свои представления об эмоциях в языке через метафоризацию предикатов, обозначающих предметы и явления реального мира, который его окружает. Субъект Э, сравнивая эмоции с явлениям природы, с животными, с неживой материей, подчеркивает их стихийность, неконтролируемость, свою зависимость от них.

Используя разные конструкции для описания своего ЭС, субъект Э меняет ракурс, точку зрения на ситуацию и передает самые тонкие нюансы своих эмоциональных переживаний.

Человек всегда стремится найти адекватные языковые средства описания своего эмоционального состояния. Наличие такого разнообразия глаголов с различной семантикой, используемых для описания ЭС и ЭО, и создание огромного количества образов мира эмоций с их помощью является результатом богатой духовной и эмоциональной жизни человека, которая находит свое непосредственное отражение в языке.

Литература

1. *Matute A. M.* Cosas sin nombre. — Moscú: Raduga, 2001. 208 p.
2. *Tellado C.* No sé quién soy. — Madrid: EDIMUNDO, 1994. 125 p.
3. *Torrente Ballester G.* Los gozos y las sombras. 3. La Pascua triste. — Madrid: Alianza Editorial, 1999. 500 p.
4. *Pérez Galdós B.* La Batalla de los Arapiles. — La Habana: Editorial de Artey Literatura, 1976. 394 p.
5. *Ríos J.* Amores que atan. — Barcelona: Editorial Seix Barral, 2000. 267 p.

6. *Luca de Tena T.* La mujer de otro. Barcelona: Editorial Planeta, 1963. 393 p.
7. *Prada J. M. De.* La tempestad. — Barcelona: Planeta, 1997. 413 p.
8. *Петрова Г. В.* Семантико-синтаксическая структура глагольных групп с предикативным именем, обозначающим эмоцию / Отв. ред. *Л. Г. Кашкурович* // Филологические науки в МГИМО: Сборник научных трудов / Отв. ред. *Кашкурович Л. Г.* — М.: МГИМО (У) МИД России, 2004. №17 (32). С. 142–152.
9. *García-Miguel, José M.* Verbos aspectuales en español. La interacción de significado verbal y significado construccional. URL: <http://weba575.webs.uvigo.es/jmgm/public/VAsp.pdf>
10. *Bequer G. A.* Leyendas. — Moscú: Ráduga, 2002. 240 p.
11. *Bosque Muñoz I.* REDES Diccionario combinatorio del español contemporáneo. — Madrid: Ediciones SM, 2004. 1839 p.
12. *Millás J. J.* El desorden de tu nombre. — Barcelona: Ediciones Destino, 1991. 195 p.
13. *Bolinger D.* Degree words. — The Hague — Paris: Mouton, 1972. 324 p.
14. *Pérez-Reverte A.* El maestro de esgrima. — Madrid: Grupo Santillana de Ediciones, 1999. 275 p.
15. *Valera J. Pepita Jiménez.* — СЕЕ: PML Ediciones, 1994. 189 p.
16. *Куликов Л.И.* Типология каузативных конструкций в современных синтаксических теориях // Знак. Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. И. Журина. — М.: Русский учебный центр, 1994. С. 48–60.
17. *Вольф Е. М.* Эмоциональные состояния и их представления в языке // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. — М.: Наука, 1989. С. 55–75.

Сведения об авторах

1. **Астахова Елена Васильевна**, доцент Кафедры испанского языка МГИМО МИД России, доцент ВАК, кандидат исторических наук.
2. **Ахмед Абу Бакр Фарид**, соискатель, факультет МЭО Университета МГИМО МИД России.
3. **Королева Алина Алексеевна**, преподаватель Кафедры социологии МГИМО МИД России, и.о. зав. отделом инновационных проектов Государственного геологического музея им. В.И.Вернадского РАН.
4. **Михеева Наталья Алексеевна**, доцент Кафедры испанского языка МГИМО МИД России, кандидат филологических наук.
5. **Орлов Александр Арсеньевич**, директор Института международных исследований МГИМО МИД России, профессор Кафедры дипломатии, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, кандидат исторических наук.
6. **Улугова Хилола Шавкатовна**, помощник проректора по общим вопросам, МГИМО МИД России.
7. **Чернявский Станислав Иванович**, директор Центра постсоветских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России, профессор Кафедры мировых политических процессов, Чрезвычайный и Полномочный Посланник, доктор исторических наук.
8. **Duffé Montalván, Aura Luz**, Doctora en Estudios Hispánicos por la Universidad Montpellier III en Francia, docente investigadora y profesora titular de Español en la Universidad Rennes 2, Francia.
9. **Sanchez-Andrés, Antonio**, Profesor del Departamento de Economía Aplicada de la Universidad de Valencia, España.
10. **Suñén Bernal, María del Carmen**, Licenciada en Geografía e Historia y Especialista Universitario de la Universidad Leuphana Universität-Lüneburg, Alemania.
11. **Torrejón –Velardiez, Miguel**, Doctor en Economía y Profesor Titular del Departamento de Economía Aplicada de la Universidad de Valencia, España.

About the authors

1. **Astakhova Elena V.**, University MGIMO, Moscow, Russia, associate Professor of Spanish language Department, Ph. D of History.
2. **Ajmed Abu Bakr, Farid**, University MGIMO, Moscow, Russia, applicant.
3. **Cherniavskiy Stanislav I.**, University MGIMO, Moscow, Russia, Director of the Center for Post-Soviet Studies, Minister Extraordinary and Plenipotentiary, Professor of World Political Processes, Ph. D of History.
4. **Duffé Montalván, Aura Luz**, University Rennes 2, France, researcher and associate Professor of Spanish, Ph. D in Hispanic Studies by the University Montpellier III in France.
5. **Koroleva Alina A.**, University MGIMO, Moscow, Russia, Lecturer of Sociology Department; Acting Head of Innovative Projects Department of the State Geological Museum of Russian Academy of Sciences.
6. **Mijeeva Natalia A.**, University MGIMO, Moscow, Russia, associate Professor of Spanish language Department, Ph. D of Philology.
7. **Orlov Alexander A.**, University MGIMO, Moscow, Russia, Director of the Institute for International Studies, Ph. D of History.
8. **Sanchez-Andrés, Antonio**, University of Valencia, Spain, associate Professor of Applied Economics Department.
9. **Suñén Bernal, María del Carmen**, University Leuphana Universität-Lüneburg, Germany, Degree in Geography and History, University Specialist.
10. **Torrejón –Velardiez, Miguel**, University of Valencia, Spain, associate Professor of Applied Economics Department, Ph.D in Economics.
11. **Ulugova Jilola Sh.**, University MGIMO, Moscow, Russia, Assistant of Vice-Rector for General Affairs.

Учредитель
Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего
профессионального образования
«Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации».
Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–57728 от 18 апреля 2014 г.

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ
CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 3 (13) 2016

Редактор – *В. И. Шанкина*
Технический редактор – *Е. П. Колюхова*
Дизайн, компьютерная верстка – *К. Г. Шанкин*

Адрес редакции: 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76, комн. 4184.
Тел./факс: 8(495) 43 42 044.
Адрес электронной почты: ktsmi@mgimo.ru
Подписано в печать 10. 2016
Тираж 500. Заказ №
Издательство ИМИ МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО МИД России
119454, Москва, просп. Вернадского, 76.